Гуманитарная парадигма

ISSN: 2523-4218 (online)

Электронный научный журнал — сетевое издание

Гуманитарная парадигма

№ 1 (8) — март 2019 года

Все статьи, публикуемые в журнале, рецензируются членами редакционного совета, а также привлечёнными редакцией экспертами.

Журнал ориентирован на широкий круг читателей: учёных, преподавателей, специалистов-практиков, студентов, магистрантов, участников научно-исследовательской, культурной, музейной, просветительской работы.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакции.

Главный редактор журнала — кандидат филологических наук **Людмила Нодариевна Икитян**.

Журнал издаётся с июня 2017 года.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации: ЭЛ N° ФС 77-70608 от 03.08.2017 (СМИ — «сетевое издание»).

Учредители: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Л. Н. Икитян.

Издатель: ООО «Межрегиональный институт развития территорий», Ялта, пгт. Кореиз, Республика Крым.

Периодичность: 4 раза в год.

Выпуски журнала размещаются на сайте http://humparadigma.ru E-mail редакции: red@humparadigma.ru

При оформлении обложки использована работа Free-Photos (https://pixabay.com/photos/gerbera-blossom-bloom-petals-984353/) по публичной лицензии «Creative commons CCo».

Редакционный совет

Икитян Людмила Нодариевна — главный редактор, кандидат филологических наук, Межрегиональный институт развития территорий (Ялта)

Члены редакционного совета:

Боева Галина Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна (Санкт-Петербург)

Борисова Людмила Михайловна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Ишин Андрей Вячеславович — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Красильников Роман Леонидович — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории культуры и этнологии, Вологодский государственный университет (Вологда)

Хакимова Елена Мухамедовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Журналистика и массовые коммуникации», Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Челябинск)

Зябрева Галина Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, заслуженный работник образования Автономной Республики Крым, Таврическая академия, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Симферополь)

Синько Галина Иосифовна — кандидат философских наук, доцент кафедры региональной экономики и управления, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, г. Пушкин)

Хоменко Елена Викторовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет (Севастополь)

Шалина Марина Александровна — кандидат филологических наук, доцент кафедры филологических дисциплин и методик их преподавания, Евпаторийский институт социальных наук, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Евпатория)

Содержание	
Слово редактора. 2019	7
ЛитЮбилеи в ретро- и перспективе	
Челлендж-2018: о двух юбилеях ушедшего года	
Боева Г. Н. Литературные юбилеи как зеркало русской жизни	8
Аркадий Аверченко: предъюбилейное	
Николаев Д. Д. Рассказ А. Т. Аверченко «Без почвы» и журнал «Скетинг-ринг»: поэтика и контекст	18
Миленко В. Д. Спектакль «Гнездо перелётных птиц» как попытка возрождения авторского театра Аркадия Аверченко	32
Караваева Е. С. Проблема жанрового своеобразия «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» А. Т. Аверченко	45
Икитян Л. Н. Комические эффекты в повести А. Т. Аверченко «Подходцев и двое других»	54
Знакомый незнакомец : новое собрание сочинений Аркадия Аверченко	70
Методика преподавания	
Хоменко Е. В. Развитие лексических умений у обучающихся основной школы	75
Кравцов М. А., Боева Г. Н. «Мерцание смыслов» в прозе С. Довлатова	82
История и культура Крыма	
Руденко Ж. А. Они служили России — «голландские» подшефные его Императорского Величества Цесаревича Алексея	88
Громова Н. Ф. Сельские школы Таврической губернии на начальном этапе образовательной реформы 60-х годов XIX века	94
Кузьмина Л. Л. Сельскохозяйственная специализация районов Крыма в конце XVIII— первой половины XIX века: проблема обеспечения рабочей силой	108

хзыковая коммуникация	
Морозова Т. В. Национальное коммуникативное поведение: особенности русской культуры общения	120
Габриелян А. М. Родной язык в сфере среднего образования Крыма как отражение языковой картины полуострова. Статья вторая	127
Литература в теории и дискуссионном осмыслении	
Матвеева М. С.	
Визуальная поэзия — биологический вид творчества (статья вторая). «Эпическая сила» как инструмент создания образа в авангардной поэзии	141
Вертолецкая Л. Р.	
Роль ремарок в пьесе М. Булгакова «Иван Васильевич»	152
Авторам	
	160

108

Contents

Literary anniversaries in retro and perspective

Challenge 2018: about two anniversaries of the past year	
Boeva G.N. Literary anniversaries as a mirror of Russian life	8
Arkady Averchenko: Pre-Jubilee	
Nikolaev D.D. Averchenko's story «Without soil» (in russian «Bez pochvy») and «Skating-rink» journal: poetics and context	18
Milenko V.D. Performance «The nest of migratory birds» as an attempt to revive the author's theater of Arkady Averchenko	32
Karavaeva E.S. The problem of genre originality of «The expedition to Western Europe of Satirikontsy: Yuzhakin, Sanders, Mifasov and Krysakov» by A.T. Averchenko	45
Ikityan L.N. Comic effects in Averchenko's story «Podhodzev and two others»	54
Familiar stranger: the new collected works of Arkady Averchenko	70
Pedagogical studies	
Khomenko E.V. Development of lexical skills of students of the primary school	75
Kravtsov M.A., Boeva G.N. «Flickering of meanings» in S. Dovlatov's prose	82
History and Culture of Crimea	
Rudenko Zh.A. They were Russian — «Hollands» sponsored His Imperial Majesty Tsarevich Alexei	88
Gromova N.F. The rural schools of the Taurida Governorate at the initial stage of educational reform of 60s of XIX century	94
Kuzmina L.L.	

The agricultural specialization areas of Crimea in the late XVIII — first half

of the XIX century: the problem of providing labor

160

Language communication	
Morozova T.V. National communicative behavior: the dominant features of the Russian culture of communication	120
Gabriyelyan A.M. The child's native language in the field of secondary education in Crimea. Article second	127
Literature in the theory and discussion understanding	
Matveyeva M.S. Visual poetry — biological view of creativity (article second). «Epic might » as a tool for creating an image in avant-garde poetry	141
Vertoletskaia L.R. The role of stage instructions in Bulgakovs play «Ivan Vasilevich»	152

For Authors

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА. 2019 ЧИТАТЬ ВСЕМ!!!

Слышали, вероятно: «XXI век будет веком гуманитаристики или его не будет вовсе»? Кажется, кто-то — кто бы он ни был или его не было вовсе — пропиарил наше столетие, приписав ему столь неординарное качество. Или всё же не пиарил? А ухватил самую суть новейшего времени, где человек вновь «мера всех вещей»? Именно человек во всей палитре его «хочу», «могу», «должен», «можно» и «нельзя» представляется центростремительной силой всех направлений теоретической, исследовательской, практической деятельности. И для нашего издания ценно всё, что антропо-, личностно- и межличностно-, общественнозначимо, иными слова, человекоориентировано и вносит «человеческое измерение» в ту или иную сферу жизни.

Журнал «ГУМАНИТАРНАЯ ПАРАДИГМА» мультидисциплинарный, возможно, даже мульти-в-кубе-дисциплинарный. Заявленная широта не должна рассматриваться как недостаток, но как неизбежность при предоставлении обществу информации по огромному перечню гуманитарных наук: философии, истории, этнографии, культурологии, искусствоведению, антропологии, педагогике, филологии и журналистике — и не менее широкому спектру деятельности человека: творчеству, научному проектированию, информированию и просвещению, полемике и пр. В результате и аудитория, на которую ориентирован наш журнал, представляется нам широкой. Для этого одним из пунктов редакционной политики является размещение публикуемых материалов в открытых и доступных электронных и информационных базах, над увеличением количества которых мы планомерно работаем. На сегодня это Российская Электронная Научная Библиотека, ресурсы КиберЛенинки и Google Scholar, база данных популярных и научных журналов Ulrich's Periodicals Directory. Полные электронный версии всех номеров журнала доступны и на официальном сайте журнала http://humparadigma.ru

Сегодня учёным-гуманитариям важно определить своё место в пространстве мировой науки, осознать путь своего дальнейшего развития, на котором мы могли бы множить новое, прорывное, востребованное знание. Это непросто, но вместе это делать значительно проще. Вот поэтому...

Уважаемые друзья-гуманитарии, коллеги, партнёры, читатели нашего издания!

Научный журнал «**ГУМАНИТАРНАЯ ПАРАДИГМА**» создан для вас. Читайте! Сотрудничайте!

Людмила ИКИТЯН

Гуманитарная парадигма

ЛИТЮБИЛЕИ В РЕТРО- И ПЕРСПЕКТИВЕ

Челлендж-2018: о двух юбилеях ушедшего года

УДК 821.161.1

Боева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЮБИЛЕИ КАК ЗЕРКАЛО РУССКОЙ ЖИЗНИ

Страна живёт юбилеями. В эти торжественные моменты из священного несгораемого сейфа национальной памяти достаются столь же священные воспоминания о классиках, встряхиваются, как платье, и принародно примеряются: впору ли? не жмет ли? не потускнела ли позолота позументов? не вышел ли из моды силуэт? Происходит сверка национальной идентичности с реноме «самой читающей страны», носительницы самой «литературоцентричной» культуры. Сверяются часы памяти. По кратким пересказам срочно освежается знание сакральных текстов. Юбилеи литературных генералов — зеркало нашей жизни.

Ключевые слова: литературный юбилей, классик, Тургенев, Горький, юбилеи 2018 года.

Galina N. Boeva

Doctor of Philological Sciences, Professor Department of Advertisement and Public Relations St. Petersburg University of Industrial Technologies and Design St. Petersburg, Russian Federation

LITERARY ANNIVERSARIES AS A MIRROR OF RUSSIAN LIFE

Abstract. The country lives anniversaries. In these solemn moments, the sacred memories of the classics are taken from the sacred fireproof safe of the national memory, shaken up like a dress, and publicly try on: Is it fit? Is it too tight? Has the gilding of the braids faded? Is the silhouette out of fashion? There is a reconciliation of national identity with the reputation of «the most reading country», the bearer of the most «literature-centric» culture. Check the clock memory. In brief retellings, the knowledge of sacral texts is refreshed urgently. Anniversaries of literary generals are a mirror of our life.

Key words: literary anniversary, classic, Turgenev, Gorky, anniversaries in 2018.

Для цитирования:

Боева, Г. Н. Литературные юбилеи как зеркало русской жизни // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1. С. 8-17.

В ушедшем, 2018 году, страна отметила юбилеи двух важных литературных персон, классиков самого что ни на есть первого ряда: прошлый век представлял Максим Горький (150 лет со дня рождения), а позапрошлый — Иван Сергеевич Тургенев (200 лет).

Нельзя сказать, что эти юбилеи остались незамеченными: по решению ЮНЕСКО они были включены в Список памятных дат, имеющих значение для всего человечества; Минкультуры России разработало план памятных мероприятий; Президент РФ издал соответствующие Указы о праздновании юбилейных дат; научная общественность тоже не осталась в стороне. В академических кругах — Институте мировой литературы, кстати, имени А. М. Горького, Институте русской литературы (Пушкинском доме), на родине писателей (в Орле и Нижнем Новгороде) — изданы монографии, прошли масштабные научные конференции. Анализ программ этих мероприятий мог бы послужить отдельным предметом разговора: в нём отражены современные срезы тургеневедения и горьковедения, пёстрая, плюралистичная мозаика самых разнообразных подходов и методологий. Здесь и привычные параллели «Имярек и ...», и вплетение творчества писателей в «мифологическую парадигму», «художественную антропологию» и самые разнообразные аспекты, от онтологического до литературно-географического.

Однако научный дискурс поддержат (и уже поддержали [6;7]) хроникёры сугубо филологических изданий. У нас же сейчас другая задача: оценить место уважаемых классиков-юбиляров в жизни рядового читателя, который не пишет научных статей, а помнит о классиках то, чему его научили в школе и чему «учат» СМИ, социальные сети, реклама и улица.

Впрочем, теоретической основой наших юбилейных наблюдений может послужить вполне научная основа в виде теории литературных репутаций, выдвинутая почти сто лет назад И. Н. Розановым [14]. По Розанову, восприятие

вообще литературных имён И литературных вкусов подчиняется определённым закономерностям: младшее поколение, «дети», отталкивается от старшего, «отцов», развенчивает их кумиров и утверждает собственных. Эти, в свою очередь, зачастую являются ярко, эффектно, привлекая внимание современников новизной и оригинальностью. У них больше шансов быть «замеченными», поскольку они выбирают «магистральный путь». Бредущие дорогами» обречены на более «просёлочными скромный соответственно, более скромную литературную репутацию. Но время может если не зеркально поменять их позиции, то, во всяком случае, распорядиться иначе. Литературная репутация писателя — явление многосоставное и динамичное: в разные периоды творческой биографии писателя она поразному сочетает в себе те или иные признаки — востребованные эпохой или нет («магистральные» и «второстепенные» / «просёлочные»).

Как видим, такой, рецептивный в своей основе, взгляд на классиков позволяет разомкнуть литературу в жизнь и учесть позицию рядового читателя (разумеется, позиция критики и особенно литературоведения, в сильной степени влияющих на концепцию школьной программы, а значит, актуальная для ста процентов читателей, продолжает оставаться авторитетной).

Розанов только наметил контуры теории литературной репутации, которая сейчас бурно развивается [2; 8] и на наших глазах становится методологической основой для исследований и в культурологии, и в социологии литературы, и в литературоведении. Однако уже сейчас очевидно, что с опорой на розановские идеи можно многое объяснить в литературной судьбе не только поэтов, но и прозаиков, и в том числе — героев нашей статьи.

Что остаётся от классика, помимо книг? Конечно, памятники. Для рядового читателя порою это самый наглядный признак «классичности» писателя, вещественный знак признания его непреходящего значения для национальной культуры.

юбилейном году памятников Горькому не ставили, поскольку обладатель статуса «мэтр социалистической литературы» уже с размахом запечатлен в бронзе, камне и гипсе по всей стране. А вот в Италии в октябре 2018 года в рамках фестиваля «Возвращение в Сорренто: К 150-летию Максима Горького» появился бюст классику, в церемонии открытия которого приняла участие делегация Института мировой литературы Российской академии наук [9].

Бюст Максиму Горькому в г. Сорренто (Италия) работы Александра Рукавишникова. Источник: imli.ru/index.php/gorkij-150

Тургеневу везло меньше. По странному недоразумению в Москве памятник ему открыли лишь сейчас, в юбилейную дату, в ноябре 2018 года: он стал частью архитектурно-музейного комплекса «Тургеневский квартал» на

Остоженке (центр — дом матери писателя, Варвары Петровны)¹ [3]. Напомним, что и в Петербурге, и в Орле, и в Мценске писатель уже давно увековечен в камне и бронзе.

Примечательно также, что состав «тургеневского мемориала» на Остоженке вошёл – собачке памятник Муму одноименного рассказа. Грустная Муму встречает посетителей дома-музея (в доме ещё одно её скульптурное изображение). Первоначально она должна была стать частью памятника Тургеневу у ног своего создателя (именно такое решение предпочли в Воронеже, увековечивая И. Бунина: классик, запечатленный с собакой — «скульптурная цитата» его знаменитого «Одиночества»).

Памятники Муму уже есть в Санкт-Петербурге (у входа в ресторан «ДваМу» на Садовой, 94), во французском городе Онфлёр (в

Памятник И. С. Тургеневу в Москве. Скульптор Сергей Казанцев, 2018. Фото автора.

виде собаки с русалочьим хвостом на камне в водоёме). Муму, без всякого сомнения, самая знаменитая «героиня» Тургенева (не считая «тургеневской девушки», которая всё же, скорее, *mun*) — это очевидно и по тому, что она один из ключевых образов в фанфикшн по мотивам его произведений [1]. Очеловечивая невинную жертву деспотичной барыни, фикрайтеры в своих фантазиях вершат справедливость: «Муму наделяется человеческими чувствами: она испытывает обиду, любовь, грусть и радость, а главное — стремится совершить возмездие. В некоторых случаях она наделяется способностью говорить, выражать свои мысли вслух. Иногда автор идет дальше и изображает животное в виде человека: так Муму становится молодой красавицей Анжеликой, которая состоит с Герасимом в романтических отношениях. Но встречаются и абсолютно неожиданные повороты сюжета, новые взгляды на проблему и на её решение: Муму — собака-робот, разработка русских учёных 2030 года, которая возвращается в прошлое, чтобы освободить

¹ Интересно, что в многочисленных репортажах с места открытия «Тургеневского квартала» перечисляются прославившие юбиляра сочинения, и это исключительно тексты школьной программы: «Наиболее известные произведения писателя – романы "Отцы и дети", "Дворянское гнездо", повесть "Ася", рассказ "Муму" и цикл рассказов "Записки охотника"» [5].

государство от крепостного права (нельзя не отметить сходство этого сюжета с сюжетом «Терминатора»)» [1, с. 148].

Кстати, именно по пути романтизации отношений героев пошёл Ю. В. Грымов в своей экранизации «Муму» (1998), правда, в угоду масскульту «переписав» отношение барыни к Герасиму, превратив рассказ в секс-драму о женской ревности с трагическим исходом.

С Юрием Грымовым связана также одна юбилейная тургеневская история. Московский режиссер, сценарист, продюсер, художественный руководитель студии театра «Модерн», с января по июль 2018 года он исполнял обязанности советника по культуре Орловской области. Преследуя цель максимального привлечения на Орловщину туристов, в качестве продвижения бренда «Тургенев-200» Грымов запланировал целый ряд мероприятий: выставки на бульварах и в музеях города; фестиваль «Месяц в деревне»; тургеневский сайт с афишей юбилейных мероприятий и произведениями туристическую карту Орловщины, представляющую все культурные учреждения (музеи, театры, библиотеки); мобильное приложение по туристическому Орлу [10]. Фигурировали в этом перечне и промо-ролики для представления туристического потенциала Орла и других городов кластера, перспективных в смысле туристической индустрии. При украшении имиджевой и сувенирной продукции (футболок с портретом писателя, шарфов, ручек, кружек, зонтов, блокнотов, значков) и в оформлении билбордов и наружной рекламы должен был использоваться «тургеневский стиль» специальный принт, стилизованный под «орловский спис» (вид традиционной на Орловщине русской вышивки).

Однако на состоявшейся в апреле текущего года в зале орловского кинотеатра «Победа» презентации брендбука стало ясно: орловчанам категорически не понравилась предложенная продукция, которую местный дизайнер расценил как банальность и дурновкусие [13]. Более того, украшение автобусов орловских ликом писателя при недостатках орловской инфраструктуры могло бы оказаться рискованным для имиджа классика: дороги на Орловщине, особенно осенью, не такие, как в Москве... По поводу представленной Грымовым имидж-продукции в сети немедленно появились комментарии, в которых она причислялась к мерчу (этим сленговым словом называют товары с символикой или логотипом определённого бренда), неуместному в контексте юбилея великого писателя. Понятно, что определение границы между креативностью и пошлостью субъективно, но всё же некоторые рекламные слоганы, предложенные для мероприятия, в самом деле никак не ассоциируются с культурой и литературой: «Однажды ты проснёшься рядом с любимой, вы выпьете кофе, позавтракаете... И всё это будет в Орле». Юбилей Тургенева состоялся без Грымова...

Официальный сайт музея писателя в Орле даёт преставление о проведённых мероприятиях [12]. Назовем несколько, взятых произвольно. Это гала-концерт фольклорных коллективов, а также постановка сцены из «Бежина луга» в исполнении актёров-школьников из села Льгов. Это Чтения «Тургенев и тема Полесья в отечественной литературе», в которые были инкрустированы и выставка работ местных художников, и концерт, и экспозиция предметов интерьера и быта («горенки» Ильинского литературнокраеведческого музея). Здесь же отчёт о поездке творческой группы музея по сёлам Орловского Полесья, известным по тургеневским рассказам, и о представлении там литературно-музыкальной композиции. Это выставка под «Приношение Тургеневу» — её составили графические прикладные работы, воспроизводящие предметы быта дворянской усадьбы XIX века, а также живописные полотна из фондов музея. Как видим, формат и стилистика юбилейных мероприятий в Орле восходят к традиции музейного малобюджетны, нацелены не на получение прибыли, коммуникацию и пропаганду культурных ценностей (поездки по сёлам, привлечение в музей школьников и т. п.). И возникает вопрос: этот традиционализм есть следствие недостатка дотаций на развитие культурного туризма в области или следствие принципиальной позиции, которая не предполагает изображение портрета писателя на зонтиках, автобусах и футболках?

Представляется, что источником конфликта между «Москвой» (в лице Грымова) и провинцией стало механическое применение рекламных стратегий по продвижению бренда к явлениям культуры, традиционно занимающей в России едва ли не сакральное место, в том числе в читательском сознании. Рядовой читатель может нетвёрдо помнить содержание «Отцов и детей», но место классики в системе его ценностей неизменно высоко.

Празднование юбилея другого виновника торжества, Горького, тоже дает немало пищи для наблюдений и размышлений по поводу литературных репутаций и места классики в нашей жизни.

В 2018 году в социальной сети «ВКонтакте» был запущен проект, или (переходим на Интернет-язык, включая графику) *Челлендж_150Горький* [4]. За 150 дней, с 10 января по 10 июня, надо было провести 150 мероприятий, посвященных 150-летию со дня рождения Максима Горького. Участникам предлагалось: вступить в группу, провести мероприятие, посвящённое Максиму Горькому, опубликовать пост о проведённой в группе работе. По условиям *челленджа* все участники должны были получить сертификаты. Оформить «профессиональный вызов» было максимально просто: требовалось лишь «запоститься» в своей социальной группе с хэштегом #150Горький,

представившись, описав проведенное мероприятие и выложив фото, видеоматериалы и электронные презентации.

Результаты челленджа впечатляют. Разнообразны и прихотливы форматы проведённых мероприятий. Перечислим:

- квест («Горький-квест.150», игра-квест «Горячее сердце Данко», литературные квесты для школьников и студентов «Герои Максима Горького», квест-турнир «Прочесть, любой ценой или Суперклассик» и даже литературный квест «По Руси вместе с Максимом Горьким»);
 - занятие «Сочиняем синквейн по рассказу М. Горького "Воробьишко"»;
 - литературное турне «Детям о Горьком, Горький детям»;
- библионочь 2018» под девизами «Всем хорошим во мне я обязан книгам...», «Горький. Время. Мы»;
 - виртуальная выставка «Пред вами жизнь моя прочтите жизнь мою»;
- флешмобы «Время читать Горького!», «Песнь о Буревестнике» с семиклассниками, «Сказки Горького читаем»;
 - мультимедийный урок «Максим Горький жизнь...»;
- литературные марафоны «Читаем Горького в XXI веке», «Юбилей писателя праздник для читателя», «Время читать Горького»;
- уличная акция «Сладкий привет от Горького»: прохожим раздавались шоколадки с цитатами из классика. Кстати, на уличных акциях раздавались ещё и стикеры, дарились книги, закладки с кратким пересказом произведений писателя (!), буклеты с цитатами и слоганом «М. Горький писатель, совершенно необходимый сегодня». В результате: «Было солнечно, поделился впечатлениями один из участников акции, мы чувствовали себя детьми Солнца, совсем как в пьесе Горького!» [4].

Формат же большинства мероприятий оказались традиционным для библиотечно-музейной И культурно-просветительской информации, литературные тропинки, литературная гостиная, литературный конкурс, виртуальная прогулка по литературным тропинкам, выставка, выставка-портрет, выставка-инсталляция рабочего стола писателя и даже оконная выставка, урок-знакомство, интерактивная игра-сказка, литературные единый день писателя, литературное досье, громкие часы. произведений писателя, литературные путешествия, литературномузыкальный вечер, час литературного портрета, час интересной книги, громкие чтения, вечер-портрет, день классики, литературно-игровой час, литературный литературно-историческая журнал, экскурсия, театрализованных чтений, библиотечный урок, литературный час-чтение с остановками, день писателя, конкурс рисунков, литературно-творческая мастерская, литературно-исторические игра и экскурсия, литературный десант (в провинцию приезжали московские писатели), викторина, беседа, просто праздничное мероприятие, городской творческий конкурс, круглый стол, Горьковские чтения и т. п.

Иногда сложно понять, что имели в виду организаторы, обозначая жанр своего действа как заседание литературного клуба в форме обзора-диалога, или посвящённое писателю комплексное мероприятие, или акция «Человек — это звучит гордо», или ежегодная акция «2018 секунд чтения» под названием «Читаем классику», или литературные минутки. Сами названия мероприятий, за редким исключением, отличались поразительной традиционностью и даже нарочитой советскостью и клишированностью: «Страницы большой жизни», «На пути к Максиму Горькому», «М. Горький — жизнь, отданная людям», «Читаем Горького вместе!», «Крылья буревестника», «Максим Горький — детям», «Человек может всеё!», «Человек всего человечества», «Безумство храбрых воспевая», «Вселенная Максима Горького», «Жизнь и творчество М. Горького», «Читаем Горького!», «Человек из народа», «Мудрый друг детей», «Самый театральный писатель», «Максим Горький: в поисках правды жизни», «Живая классика М. Горького», «Максим Горький — мудрый друг детей», «Максим Горький: судьба и эпоха», «Человек — это звучит гордо», «Певец человеческой красоты», «Максим Горький: диалог с историей», «Завещано Горьким». Совершенно уж архаично выглядит круглый стол «Выбор жизненного пути героев М. Горького из романа "Мать"».

Вообще, слоганы горьковского челленджа, с их назидательной или деспотичной иллокутивностью («Читай Горького») вполне могли бы служить прекрасным пособием по советской эпохе. На этом фоне оживших советских лозунгов «вишенкой» выделялись отдельные обращения к личной жизни писателя (литературный журнал «Я человек страстный: три большие любви М. Горького») или некая энигматичность предлагаемого (историческая игра «Максим Горький в лабиринте легенд»). Оставляем на совести организаторов литературный вечер для пенсионеров «Двуглавый буревестник».

Как видим, юбилейное действо, развернувшееся в Рунете, причудливо сочетает «сакральный дискурс» с новейшими технологиями и новомодными лексическими стратегиями. Очевидно, что Интернет-пространство, эта саморегулирующаяся языковая стихия, обнажила и социокультурные основы нашей жизни, в которой реанимируется советская риторика, и потаённые структуры нашей ментальности и духовно-интеллектуальной лености. Горький в самом деле оказался «знакомым незнакомцем», и поразительно актуально смотрелись название выставки «Максим Горький — кто это?» или обсуждение книги Дмитрия Быкова «Был ли Горький?» Похоже, когда-то «самая читающая страна» сама сомневается, что ей делать: провести «Один день с Горьким» — или теперь уже «Ни дня без Горького», или, в духе юбилейного

прагматизма, «Читаем Горького сегодня». А может, ограничиться просмотром буктрейлера «Мальва» по одноименному рассказу или провести акцию «Читаем у памятника Максиму Горькому» (памятник чудом сохранился в провинциальном городке Серове в сквере Дворца культуры металлургов).

Таким открывается Максим Горький «взгляду из XXI века». Интернет позволил совместить и содержательно, и стилистически несовместимое.

В случае с неудачей «тургеневского стиля» в Орле мы наблюдали как раз столкновение ценностей со стилистикой. Вся эта история показательна как неумение выработать адекватный стилистический код, который оказался бы одновременно и экономический действенным, и приемлемым с точки зрения культурных норм и традиций. Если вспомнить классическое определение бренда Д. Неппом, «это сумма впечатлений, полученных потребителями, которые результате складываются В определённое мысленное представление» [11, с. 16]. Очевидно, что наше «мысленное представление» о Тургеневе, Горьком и вообще о русской литературе отличается от «мысленного представления» потребления. предметах Возможно, юбилейное 0 «продвижение бренда» в этой сакральной для россиян области должно выглядеть иначе. A может, ЭТИ ценности вообще не поддаются «брендированию»!

И все же литературные юбилеи отмечать полезно: они, как в зеркале, отражают перемены нашего духовно-интеллектуального климата. И следует смириться с некоторыми истинами. Например, что «школьный канон» — главный источник наших суждений о классике. Что ценим их мы совсем не за то, за что ценили их современники. Что мы по-прежнему испытываем пиетет перед сакральными именами и не готовы расстаться с почётным званием «самой читающей страны мира», хотя это и не так. Наконец, что классика, воплощённая в литературных именах, остаётся едва ли не единственным нашим всем.

Литература

- 1. Белякова, О., Ильчук, А., Залогина, Ю., Конюченко, А., Лазарева, А., Тимчук, С., Кургузова, Н. «Му-му вернулась, чтобы отомстить»: интерпретация оригинальных произведений И. С. Тургенева в литературе фанатов // Перспективы науки-2017: Материалы VI Международ. заочного конкурса научно-исследовательских работ / Науч. ред. А. В. Гумеров. Казань: Ро'кета Союз, 2017. С. 143–150.
- 2. Бушканец, Л. Е. Что такое литературная репутация писателя? [Электронный pecypc]. URL: https://slovesnik.org/images/docs/sirius/2017november/bushkanec-l-e-chto-

takoe-literaturnaya-reputaciya-materialy-zanyatiya.pdf

- 3. В Москве открыли памятник Тургеневу [Электронный ресурс] // Медуза. 2018. 10 ноября. URL: https://meduza.io/news/2018/11/10/v-moskve-otkryli-pamyatnik-turgenevu
 - 4. ВКонтакте [Электронный ресурс] // URL: https://vk.com/challenge_150gor
- 5. Донских, Н. На Остоженке открыт памятник И. С. Тургеневу [Электронный ресурс] // Мой дом Москва. 2018. 10 ноября. URL: moydom.moscow/2018/11/10/na-ostozhenke-otkryt-pamjatnik-i-s-turgenevu/
- 6. И. С. Тургенев и мировая литература: материалы Международной конференции (17–19 октября 2018 г., Москва) / Отв. ред. М.И. Щербакова; ИМЛИ РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 116 с.
- 7. И. С. Тургенев и русский мир: материалы Международной конференции (29–31 октября 2018 г., Москва) / Отв. ред. Н. П. Генералова, В. А. Лукина; ИРЛИ РАН. М.: ИПО «У Никитских ворот», 2018. 124 с.
- 8. Машковцева, Л. Ф. Историко-культурные истоки и проблемы изучения понятия «литературная репутация» // Дискуссия. 2012. № 2 (20). С. 173–174.
- 9. Мероприятия и события, связанные с юбилеем Горького [Электронный ресурс] // Институт мировой литературы Российской академии наук: официальный сайт. URL: imli.ru/index.php/gorkij-150
- 10. Мищенко, М. В моде тургеневский стиль [Электронный ресурс] // Орёл-регио: интернет-издание Орловской области. URL: https://regionorel.ru/novosti/culture/v mode turgenevskiy stil/
 - 11. Непп, Д. Политика бренда. СПб.: Весь, 2003. 384 с.
- 12. Орловский объединённый государственный литературный музей И. С. Тургенева: официальный сайт. URL: https://turgenevmus.ru/
- 13. Панков, В. Лабуда и пошлость в чистом виде... [Электронный ресурс] // URL: https://newsorel.ru/fn_358653.html
- 14. Розанов, И. Н. Литературные репутации. М.: Никитинские субботники, 1928. 147 с.

~

Аркадий Аверченко: предъюбилейное

УДК 821.161.1: 82-92

Николаев Дмитрий Дмитриевич

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела новейшей русской литературы и литературы русского зарубежья, Институт мировой литературы имени А. М. Горького Российской академии наук; Российская Федерация, Москва, e-mail: DDnikolaev@mail.ru

РАССКАЗ А. Т. АВЕРЧЕНКО «БЕЗ ПОЧВЫ» И ЖУРНАЛ «СКЕТИНГ-РИНГ»: ПОЭТИКА И КОНТЕКСТ

В статье поэтика рассказа А. Т. Аверченко «Без почвы» (1910) рассматривается в контексте выявленной первой публикации в журнале «Скетинг-ринг». Анализируется связь текста с традициями русской юмористической литературы и другими произведениями о скетинг-рингах, а также общим восприятием скетинг-ринга как одного из значимых социокультурных маркёров жизни России начала XX века.

Ключевые слова: Аверченко, поэтика, комическое, юмор, «Скетинг-ринг».

Dmitry D. Nikolaev

Grand PhD in Philology sciences, Leading Researcher
Department of the newest Russian literature and Russian literature in Exile,
A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences;
Russian Federation Moscow

AVERCHENKO'S STORY «WITHOUT SOIL» (IN RUSSIAN «BEZ POCHVY») AND «SKATING-RINK» JOURNAL: POETICS AND CONTEXT

Abstract. In the article, poetics in Averchenko's story «Without soil» (in Russian «Bez pochvy») written in 1910 is considered in the context of his first publication in the «Skating-rink» journal. The author examines the connection with Averchenko's text and traditions of Russian humorous literature, other texts about skating-rinks as well as the common skating-rink perception as one of the significant social and cultural markers of Russian life in the early twentieth century.

Key words: Averchenko, poetics, comic, humor, «Skating-rink».

Для цитирования:

Николаев, Д. Д. Рассказ А. Т. Аверченко «Без почвы» и журнал «Скетинг-ринг»: поэтика и контекст // Гуманитарная парадигма. 2019. \mathbb{N}^0 1 (8). С. 18–31.

В России «скетинг-ринг» становится в предоктябрьское десятилетие неотъемлемой частью столичной жизни: «Из хрусталя и цемента строились банки, мюзик-холлы, скетинги, великолепные кабаки, где люди оглушались музыкой, отражением зеркал, полуобнаженными женщинами, светом, шампанским», — так описывал это время Алексей Толстой в романе «Хождение по мукам» [17, с. 8–9]. Борис Пастернак, называя российские столицы «царством танго и скетинг-рингов» [10, с. 228], противопоставляет им глухие углы провинциального захолустья, но до многих провинциальных городов мода на скетинг-ринги дошла раньше, чем до Москвы. «Скетинг-ринг... Это самое последнее слово моды, даже не слово, а вопль! — писала московская газета «Руль» 1 февраля 1910 года. — Скетинг-ринг в этом году сделал триумфальное шествие по нашей провинции. Киев, Одесса, Харьков уже отдали дань скетинг-рингу. Теперь пришла очередь и за Москвой» [13, с. 3].

Пик популярности скетинг-рингов приходится именно на 1910 год. В Санкт-Петербурге работало сразу несколько больших катков. «Если хотите быть изящными и грациозными, катайтесь на колесных коньках»! — гласило рекламное объявление, публиковавшееся на первой странице газеты «Речь» [11, с. 1]. Оно призывало посещать Скетинг-ринг на Кронверкском проспекте в Петербурге. В апреле 1910 года открылся оборудованный «по последнему Парижскому образцу» каток в здании во дворе «дома М. И. Лопатина» (Невский проспект, 100). А в декабре того же года товарищество «Роэль-Ринкерс» завершило строительство «Американского скетинг-ринга» на Марсовом поле.

Скетинг-ринги были не просто катками, а, как сейчас бы это назвали, центрами развлечений. В рекламном объявлении Невского Скетинг-ринга сообщалось: «Полный комфорт. Художественная отделка. Ярус лож для публики. Прокат лучших американских коньков. Масса воздуху и света». В каждом скетинг-ринге к услугам посетителей были буфеты, а во второй половине дня в зале играл оркестр. В Скетинг-ринге на Кронверкском по четвергам устраивались Seanses de Gala, во время которых выступали даже два оркестра. Во дворе «Скетинга» на Невском были места для стоянки экипажей и автомобилей гг. посетителей. На скетинг-рингах обязательно предоставляли коньки напрокат и организовывали обучение катанию.

Выходили и специальные учебные пособия для желающих освоить новое развлечение или новый спорт — к катанию на колесных коньках многие относились как к спортивной дисциплине. О том, насколько по-разному

¹ Здесь и далее в цитатах и названиях произведений, книг, периодических изданий используется современное написание «скетинг-ринг». В оригинале в большинстве случаев использовалось написание «скэтинг-ринк».

рассматривалось увлечение скетинг-рингом, можно судить по содержанию книг, выпущенных в 1910 году. В Одессе руководство и правила «Скетинг-ринг», составленные по немецким источникам Л. С. Можаровским, были изданы в «Библиотеке спортсмена» [15]. А в Санкт-Петербурге вышли иллюстрированный самоучитель изящной и фигурной езды на роликах «Скетинг-ринг» [14] и сборник «Скетинг-ринг и его общественное значение» [13].

«Скетинг-ринги» во многом определяли атмосферу эпохи. Не случайно К. Чуковский в статье, вошедшей в его книгу «Лица и маски» (СПб.: Шиповник, 1914), писал про Игоря Северянина: «Не только темы и образы, но и все его вкусы, приёмы, самый метод его мышления, самый стиль его творчества определяются веерами, шампанским, ресторанами, бриллиантами. Его стих, остроумный, кокетливо-пикантный, жеманный, жантильный, весь как бы пропитан этим воздухом бара, журфикса, кабаре, скетинг-ринга» [20, с. 95]. А в 1938 году Орест Цехновицер повторял слова Чуковского без кавычек и всяких ссылок на источник: «Весь стиль северянинского творчества определяется шампанским, ресторанами, бриллиантами Тэта и веерами. Не зря его стих пропитан этим воздухом бара, журфикса, кабаре и скетинг-ринга» [19, с. 47].

Можно было бы ожидать, что столь популярное развлечение оставит заметный след в литературе того времени. Однако на страницах литературных произведений скетинг-ринги появляются не слишком часто. Наиболее известными являются стихотворение Валерия Брюсова «На скетинге», опубликованное в сборнике «Стихи Нелли» в 1913 году, и «СКЭТинг РИН» Василия Каменского — одна из его «железобетонных поэм», изданных Д. Д. Бурлюком в 1914 году. Годом позже «Скетинг-ринг» К. Н. Мазурина печатается на страницах «Жатвы» (Жатва: Вестник литературы. Книга VI–VII. М., 1915).

В прозе — и русской, и переводной — скетинг-ринг изображался чаще всего как место встреч героев. В 1911 году в Петербурге выходит небольшая книжечка итальянской писательницы Марии Торелли-Виолье «Скетинг-ринг: Рассказ маркизы Коломби» [18]. У М. Кузмина в «Мечтателях» Владимир Сергеевич Мейер ходит на скетинг на Марсовом поле, чтобы увидеть там незнакомку, а Андрей Иванович Толстой получает записку с просьбой о встрече на скетинге: «Не зная вас, но много слышав, убедительно прошу не отказать мне в свидании. Лучше в нейтральном месте. Дело очень важное. Поверьте, это не авантюра. Приезжайте завтра в 5 1/2 в скетинг на Марсовом поле. Я буду в лиловом платье с мехом, шляпа с большим серым пером, у пояса фиалки. Поверьте, что вы не раскаетесь, согласившись на мою просьбу. Покуда нет надобности знать моё имя» [5, с. 287–288]. Там же, на скетинге, в пять часов назначают друг другу мнимое свидание Александра Львовна и Рудечкин. Сашенька затем ходит на скетинг, надеясь встретить там Толстого, но видит

только Мейера, который ходит за ней по пятам. И позже Толстой в разговоре с Мейером именует Сашеньку именно «незнакомкой со скетинга» [Там же, с. 338]. Алиса Дорэ в романе Альфонса Додэ «Сафо» в переводе Ал. Чеботаревской была подобрана Дешелеттом «на асфальтовом полу скетинга» [4, с. 338].

Можно назвать ещё куплеты «Скетинг-ринг» (музыка Ю. Рик; слова П. П. Дюваль), изданные в 1911 году, а также упоминания скетинг-рингов у А. Амфитеатрова, В. Гофмана, Н. Гумилёва, В. Парнаха и др., но анализ образа скетинг-ринга не входит в задачу данной статьи. Отметим только, что, как правило, скетинг-ринг предстаёт как место флирта, арена своего рода современного маскарада, где страсти разгораются и гаснут в бесконечном движении по кругу.

Как место, где завязываются или развиваются любовные интриги, предстаёт скетинг-ринг и в творчестве Аркадия Аверченко. В рассказе «Петухов» высокая красивая брюнетка, с которой главный герой знакомится в театре, сообщает ему, что «теперь каждый почти день» бывает в скетинг-ринге. На следующий день Петухов встречает там свою новую знакомую: «Петухов обвил рукой талию Ольги Карловны и понесся с ней по скользкому блестящему асфальту.

И, прижимая её к себе, он чувствовал, как часто-часто под его рукой билось её сердце» [2, с. 162]².

Скетинг-ринг в этом рассказе показывается как один из элементов столичной «светской» жизни, наряду с театром, синематографом, ресторанами. А в романе «Шутка Мецената» Муся рассказывает, что бросила курсы из-за Гришки, который был инструктором на скетинге [3, с. 169].

На этом фоне выделяется — и среди произведений Аверченко, и вообще среди сочинений, в которых упоминаются скетинг-ринги, — рассказ «Без почвы», вошедший в самую популярную до революции книгу Аверченко «Весёлые устрицы: Юмористические рассказы» (1910). Сборник этот отличался тем, что был составлен из произведений, не публиковавшихся на страницах «Сатирикона». Когда в «Сатириконе» впервые появились сведения о готовящемся издании — а произошло это 3 июля 1910 года — в объявлении особо отмечалось, что «в книгу "Весёлые устрицы" не вошёл ни один из рассказов Арк. Аверченко, напечатанных в "Сатириконе"» (№ 27, 3 июля, с. 11). О том, что книга издана и поступила в продажу, «Сатирикон» сообщил 31 июля 1910 года (№ 31, с. 13). Сборник составили «Автобиография» и 32 рассказа,

² Впервые: Сатирикон. 1910. № 25. 19 июня. С. 6-8.

распределённые по трём разделам: І. В свободной России; ІІ. Около искусства; ІІІ. Мои улыбки.

собирался Первоначально Аверченко назвать книгу рассказы». Информация об этом появилась в пасхальном номере «Одесских Новостей» 18 апреля (5 мая) 1910 года в связи с публикацией юмористической автобиографии, предназначенной для будущей книги (№ 8094, с. 4). Затем название сборника было изменено, но основу его по-прежнему составляли «одесские» рассказы и фельетоны. Определение «одесские» связано в данном случае главным образом не с местом действия или написания произведений, а с местом их первой публикации. Большинство рассказов, вошедших в книгу, впервые печатались в газете «Одесские Новости» [9]. Однако появление в печати рассказа «Без почвы», в отличие от многих других вошедших в сборник произведений, связано не с одесским, а со столичным изданием — с журналом «Скетинг-ринг». Этот журнал лишь изредка упоминается в исследовательской литературе в связи с воспоминаниями А. М. Ремизова о том, как ему приходилось «околачиваться» в «Скетинг-ринге» и «Всемирной панораме», пока он с трудом выбивался в «писатели». Между тем, «Скетинг-ринг», несмотря на его недолговечность, представляет собой весьма примечательное явление в русской периодике начала XX века, поскольку в нём общей темой были объединены не только рекламные, информационные и спортивные материалы, но и значительная часть литературно-художественного раздела. Причём тема эта была достаточно узкой и соответствовала названию журнала, которое носило не образный, как можно предположить, не зная содержания номеров, а вполне конкретный и даже рекламный характер.

Учредителем журнала являлся В. В. Татаринов. Вначале предполагалось, что Татаринов выступит только в качестве издателя, а редактором будет Л. В. Бобин, но в итоге Татаринову пришлось взять на себя обе функции: он значился издателем-редактором.

Братья Владимир и Вениамин Татариновы были хорошо известны в предреволюционной России. Именно о них вспомнил В. Каверин, выбирая фамилию братьев Татариновых в романе «Два капитана», — это станет предметом рассмотрения в отдельной статье. Владимир Валерианович Татаринов был известным инженером, изобретателем системы беспоршневых прессов. Главным же его проектом, получившим скандальную известность на рубеже 1910-х гг., является так и не увенчавшаяся успехом работа над летательным аппаратом «Аэромобиль», на которую он получил существенную субсидию. Братья занимались и предпринимательством. Товарищество В. В. Татаринова производило гидравлические и воздушные прессы для заводов, железных дорог, нефтяной промышленности, сельского хозяйства, химических лабораторий и др. А кроме того Татаринов был основателем того

самого первого столичного скетинг-ринга на Кронверкском проспекте, о котором говорилось выше. Появление же журнала было приурочено к открытию в Петербурге скетинг-ринга, созданного товариществом «Невский Скетинг-ринг» и начавшего работу под Пасху в субботу 17 (28) апреля 1910 года.

Растущая популярность скетинг-рингов навела Татаринова на мысль наладить в России производство колесных коньков, прежде доставляемых изза границы. Журнал должен был помочь привлечь оптовых покупателей и в целом стимулировать спрос на продукцию готовящейся к открытию первой в России фабрики колесных коньков В. В. Татаринова. Кроме того, Татаринов предлагал услуги по организации в разных городах скетинг-рингов. В Петербурге им было открыто Центральное бюро по организации скетинг-рингов в России, которое зазывало инвесторов, желающих выгодно разместить капитал. Вложения в скетинг-ринги, по уверению Татаринова, приносили огромную прибыль — не менее 45%. Правда, и суммы для этого требовались немалые. На каждый из двух проектируемых для столиц скетинг-рингов нужно было привлечь по 500 000 рублей. Бюро, впрочем, предлагало строить и более дешёвые «малые скетинги» в провинции.

Скетинг-ринги, действительно, приносили хороший доход. В скетингринге на Кронверкском ежедневно было три сеанса: утренний (с 11-00 до 13-30), дневной (с 15-00 до 18-00) и вечерний (с 20-00 и до полуночи). Билеты на вечерний сеанс, который был самым продолжительным по времени, и стоили дороже: если утром и днём за вход изначально брали по 55 коп., то вечером — 1 рубль 10 коп. Затем цены чуть снизились — днём вход стоил 50 коп., а вечером -1 рубль. В дни, когда устраивались гала-представления, билеты стоили днём 1 рубль 10 коп., а вечером — 2 рубля 10 коп. В скетингринге на Невском сначала вообще устраивали четыре сеанса в день (с 10-30 до 13-00, с 13-30 до 16-00, с 17-00 до 19-30 и с 20-30 до полуночи). На первые три сеанса можно было попасть за 75 коп. (дети и учащиеся платили меньше — 32 коп.), а вечерний сеанс стоил как на Кронверкском — 1 рубль 10 коп. Правда, возникшая в 1910 году серьёзная конкуренция привела к тому, что на Невском оставили лишь три сеанса, а в летний сезон посещение утром вообще сделали бесплатным. Посетители оплачивали время пребывания на катке. Но доход приносили не только плата за вход, но и прокат коньков.

Новый журнал должен был, с одной стороны, показать потенциальным инвесторам хорошие перспективы скетинг-рингов, а с другой — привлечь на катки широкую публику. Поэтому еженедельник задумывался не как узкоспециализированное издание, а как спортивный литературно-художественный и юмористический журнал с участием известных писателей и художников. Рисунки для обложек первых номеров исполнил А. А. Юнгер. А в юмористическом и литературном отделах главную ставку сделали на

публикации Аркадия Аверченко и Александра Куприна. Рассказ Аверченко должен был стать «гвоздём» первого номера журнала, а Куприна — второго.

Организовали и рекламу будущего издания: она привлекала внимание не только к журналу, но и к скетинг-рингам в целом. Объявление о скором появлении нового столичного издания газета «Речь» опубликовала 6 (19) марта 1910 года на самом видном месте — непосредственно под заголовком на первой странице (№ 63 (1301), с. 1). В заявленном списке сотрудников первым (по алфавиту) среди литераторов стоял Аркадий Аверченко. В числе авторов будущего издания назывались Л. И. Андрусон, М. П. Арцыбашев, Александр Блок, Л. М. Василевский, Яков Годин, Виктор Гофман, И. Гуревич, А. И. Куприн, С. Маршак (под своим именем и под псевдонимом Д-р Фрикен), Н. Е. Попов, Самуэли Раев, Александр Рославлев, В. В. Татаринов, Тэффи, П. Д. Успенский, С. Б. Фрид, Д. Цензор. Среди художников значились Влад. Арнольд, М. В. Добужинский, Г. К. Лукомский, Дм. Митрохин, Н. Ремизов (Ре-Ми), А. А. Юнгер. Отдельно перечисляли и тех, кто примет участие в отделе «Спорт» (Атилла, Марк Басанин, Домби, A. И. Иректэ, Г. М. Немировский, Симпман-Вамбола, А. А. Скибневский, В. К. Соловьёв). Уже по списку сотрудников было понятно, что в юмористическом отделе Татаринов решил ориентироваться на круг «сатириконцев» — и среди художников, и среди писателей.

Первый номер журнала поступил в продажу в субботу, 7 (20) апреля 1910 года. Экземпляр стоил в Петербурге 10 коп., а в Москве и в провинции — 12 коп. (Обратим внимание попутно, что в те же дни вышла и первая книга Аркадия Аверченко — «Юмористические рассказы», изданная в Санкт-Петербурге М. Г. Корнфельдом).

Разумеется, не все из перечисленных в объявлении авторов реально дали согласие работать в журнале: издатели в то время часто выдавали желаемое за действительное, чтобы придать больший вес своему начинанию. Помещённый в первом номере журнала список сотрудников отличался от заявленного в рекламном объявлении. В нём не было Андрусона, Арцыбашева, Попова и Успенского, их заменили И. М. Василевский (Не-Буква), М. А. Кузмин и Алексей Ремизов. Из отдела «Спорт» исчезли Марк Басанин, Домби, Иректэ и Скибневский, зато в нём появились новые фамилии — в том числе тех, кто прежде значился только в списках художников и литераторов (В. М. Арнольда, К. К. Викторова, А. И. Куприна, М. И. Пиноса, В. В. Татаринова и др.).

Открывался номер статьёй «Скетинг-ринг», подписанной инициалами М. П. [М. И. Пинос?]. В ней читателям объяснялось, какими темпами развивается строительство скетинг-рингов в Англии. Сообщалось, что год назад их было 20, а теперь уже — 500. Излагалась в статье и краткая история скетинг-рингов — от получения патента на колёсные коньки в 1819 году во

Франции и открытия первого катка в Брайтоне 35 лет назад до планов постройки в ближайшее время в Лондоне грандиозного скетинг-ринга, рассчитанного на 5 000 человек, стоимость возведения которого достигает 150 000 фунтов стерлингов. Автор статьи рассказывал о популярности скетингрингов во многих странах мира — от Америки до Китая, о разных обычаях, существующих на катках, об используемых для удобства посетителей технических новшествах: «Когда приходится иметь дело с большой массой разнородной публики, для сигнализации пользуются электрическим светом. В антрактах распоряжения даются светящимися буквами на одном из концов арены, напр.: "Общее Катание". Или: "Дамы и кавалеры с партнёрами". Кто после этого сигнала не может найти себе партнёра, должен предоставить поле счастливым парам. Внезапно вспыхивает новый сигнал: "Специальное Катанье" — это значит, что поле должно быть очищено для специалистов по фигурному катанию» [7].

В статье отмечалось, что катание на колёсных коньках существенно отличается от катанья по льду и предоставляет больше возможностей спортсменам. Здесь получаются фигуры, которые нельзя исполнить на льду: качающаяся платформа позволяет описывать кривые, касаясь поля всеми четырьмя колесиками конька и не рискуя потерять равновесие. Автор статьи утверждал, что на скетинг-ринге возможны все спортивные игры, в том числе крикетные матчи, и разные детские забавы: «Мальчики играют на коньках в чехарду, а девочки проделывают прыжки через веревочку» [Там же].

колёсных Катание на коньках редакцией журнала целом рассматривалось не столько как развлечение, сколько как спорт. Даже занимавшее целую полосу рекламное объявление скетинг-ринга Татаринова на Кронверкском проспекте начиналось восклицанием: «Открыт новый спорт в С.-Петербурге: колёсных коньках!» катанье на В первом номере рассказывалось о ринг-хоккее, о чемпионе мире конькобежце Дэвидсоне, одновременно являющимся и рекордсменом в прыжках в высоту на колёсных коньках, во втором — о поло на колёсных коньках3.

Если говорить о художественных произведениях, то этот раздел в первом номере и, соответственно, в журнале в целом открывался рассказом Аркадия Аверченко «Без почвы» [1, с. 8–9] Кроме того, в первом номере были напечатаны стихотворения «Скетинг-ринг» и «Весенние предчувствия» С. Маршака (под псевдонимом Д-р Фрикен), «Счастье» Д. Цензора, «Мотылёк» Я. Година, басня «Шантеклер» С. Раева, и прозаические «Басня» М. Твена,

³ Публиковались материалы и о других видах спорта, и о воздухоплавании, однако в данной статье мы не будем останавливаться на них подробно, хотя они представляют несомненный интерес, поскольку Татаринов сыграл важную роль в пропаганде и развитии авиации в России.

народная сказка «Гость» А. Ремизова, зарисовки «В салон вагоне» Димерьяныча и «Восточные впечатления» D.

Во втором номере главным литературным материалом являлся анонсированный заранее рассказ А. И. Куприна «Мученик моды» (с. 10–11). В спортивном разделе редакция поместила очерк А. Конан Дойля «О спорте». Также были напечатаны стихотворения «Весенняя затаённость» Тэффи, «Как будто поезд перенёс...» С. Маршака, «В потоке встречных глаз искать глазами...» М. Кузмина, «Весенние вирши» В. Князева, народная сказка А. Ремизова «Суженая», зарисовка Димерляныча «Отдых» и рисунок К. Евсеева с стихотворной подписью Л. Л. «В маскараде».

Из иллюстративных материалов журнала помимо обложек А. А. Юнгера отметим рисунки Г. К. Лукомского и Д. И. Митрохина, шарж В. М. Арнольда «Охота на Куприна» и главное — два рисунка в первом номере на тему издания: «Деревенский скетинг-ринг» В. М. Арнольда на с. 9 и «Безопасный спорт» Ре-Ми на задней странице обложки.

Выше уже отмечалось, что редакция «Скетинг-ринга» стремилась объединить темой журнала большую часть материалов номера. В журнале печатались и произведения, никакого отношения к катанию на коньках не имеющие, — например, «народные сказки» Ремизова. Но многие тексты были связаны с происходящим на скетинг-рингах или напрямую (стихотворение Маршака «Скетинг-ринг», рассказы Аверченко и Куприна), или опосредовано. Произведения на «маскарадную» и любовную тематику прямо соотносились с образом скетинг-ринга как спортивной арены и арены флирта одновременно. Интересно в связи с этим проследить «трансформации» стихотворения Кузмина, текст которого в журнальном варианте отличается от того, что затем был помещён во второй книге стихов «Осенние озера». В журнальном тексте в первой строке был «поток встречных глаз», а не «лиц», как в книжном варианте (что обусловливает и разночтения в названии, даваемом по первой строке), сердце было «покорено», а не «побеждено», а в заключительном четверостишии (в журнале они печатались с разбивкой) в строке «В потоке тех же лиц одно лицо» повторяется определение из первой строки: «В потоке встречных лиц одно лицо». Но самое главное, что среди различий есть и прямо обусловленное журнальной связью стихотворения с скетинг-рингом. В строке «И каждый день на тот же путь вступая» вместо слова «путь» в журнале использовано слово «круг», так что читателями стихотворение связывалось с круговым движением на скетинг-ринге: «И каждый день на тот же круг вступая, // Забывши ночь, протекшую без сна, // Я встречи жду, стремясь и убегая, // Не слыша, что кругом звенит весна» (№ 2, с. 13).

Рассказ Аверченко заметно выделяется и на фоне произведений, связанных с темой скетинг-ринга, поскольку по своему содержанию точно

соответствует рекламно-спортивной установке издания. При этом Аверченко не подстраивался под стиль и задачи журнала: скорее надо говорить о правильном выборе редакцией автора главного текста номера.

Уже в самом начале рассказа Аверченко называет катанье на колесных который «представляет некоторые трудности». оптимистический финал рассказа показывает, что эти «некоторые трудности» с лёгкостью преодолеваются человеком целеустремленным, даже если изначально он вообще не умеет стоять на коньках. С рекламной точки зрения «Без почвы» можно назвать текстом, близким к идеальному: он помогал развеять сомнения тех, кто не умел кататься, показывая, что этому можно особых проблем. быстро без Выбранная юмористическая точка зрения, как это на первый взгляд ни парадоксально, снимала опасения и тех, кто боялся показаться на катке смешным. Дело в том, что в рассказе Аверченко никто из окружающих не смеётся над не умеющим кататься героем. В тексте высмеивалась прежде всего самоуверенность начинающего спортсмена: «Только-то и всего? Да ведь сущий пустяк покатиться на этих колёсиках! Мне кажется, я открыл главный секрет этого спорта: стоит только стараться не упасть — и дело наполовину сделано. А если вы не рухнули на пол сразу, то последующие шаги не представляют никаких затруднений... Чтобы сдвинуться с места, необходимо попросить кого-либо из находящихся вблизи толкнуть вас легонько в спину. А коньки уж — такая подвижная штука, что мигом домчат вас до противоположной стороны площадки. Попробуем» [1, с. 8].

Публикация рассказа А. Аверченко «Без почвы» в журнале «Скетинг-ринг», 1910.

Аверченко максимально привлекательно описывает сам скетинг-ринг: диван, буфет, мягкие перила вокруг асфальтовой площадки, по которой носятся «с треском и весёлым гамом оживлённые парочки», служитель, помогающий закрепить коньки на ноге... Посетители скетинг-ринга — совершенно разные люди, среди них и изящный господин, который, грациозно наклонившись вперёд, легко и без усилий скользит по асфальтовой глади, и толстяк, и девица, и ещё один начинающий спортсмен, в котором «помещался дух героя».

Особо стоит выделить дающего советы повествователю доброжелателя, сидящего за буфетным столиком: «<...> теперь я подозреваю, что он был — случайный зритель, впервые зашедший полюбоваться на новый спорт» [1, с. 9]. Аверченко показывает, что скетинг-ринг — отличное место развлечения и для сторонних наблюдателей, что можно вовсе не кататься, а просто получать удовольствие, наблюдая за происходящим на катке. Обратим внимание на использованную автором формулировку: «полюбоваться на новый спорт».

В небольшом рассказе Аверченко создаёт несколько комических характеров, и один из них — повествователя — даётся в развитии. Изменения связаны не только с происходящим на наших глазах переосмыслением отношения к катанию (легко — трудно — легко), но и с изменением самого статуса повествователя. Из ничего не умеющего самонадеянного новичка он за три дня превращается в опытного, уверенного в себе спортсмена.

Композиционно трансформации «легко — трудно» и «трудно — легко» не равнозначны. Повествовательное время рассказа охватывает три дня на катке, и основная часть текста отведена первому, когда происходит трансформация «легко — трудно». Ничто из произошедшего в первый день не предвещает грядущих разительных перемен: «На второй день я опрокинул всего двух большей человек барьеру прикасался ЛИШЬ изредка, покровительственно похлопывая его по упругой спине... На третий день я не опрокинул уже ни одного человека (опрокинули меня — какой-то неуклюжий медведь, — чтоб его чёрт побрал, — и неизвестная девица, бездарная до обморока), на барьер смотрел с презрением, как на нечто смешное, ненужное, и демонстративно держался подальше от этого пережитка старинной неуклюжести и страха... Пролетая мимо напуганных, искажённых ужасом лиц, кричал им покровительственно: "смелее!", и теперь — если бы мне предложили приз за катанье, — я взял бы его без всякого колебания, отнекиваний и ненужной скромности» [1, с. 9].

Подобный контрастно-оптимистический финал можно было бы рассматривать как отражение авторского стремления адаптировать текст к рекламным задачам журнала, если бы он не соответствовал одной из излюбленных писателем моделей композиционного построения рассказа, а

образ главного героя не вписывался бы в целую галерею созданных Аверченко подобных образов [8]. На эту особенность творчества Аверченко указывал Влад. Азов в рецензии⁴ на сборник «Весёлые устрицы», куда, напомним, вошёл и рассказ «Без почвы»: «Россия стала здороветь, русские люди стали вылезать из своих футляров, русские юноши начали играть в футбол. <...> Мы поняли, что все жанры хороши, кроме скучного, и крылатое словечко, дерзкая шутка, задорная выходка не кажутся нам кощунственными. Ах, нам надо поправиться здоровьем, а смех так хорошо отвлекает мысли от терзающей нас зубной боли. <...> Лучше всего удаются Аверченко рассказы о несуществующих, конечно, в русской природе "настоящих парнях" — о беспечной молодежи, любящей смех и шутку, дерзкой, задорной, неунывающей, скорой на выдумку и на выпивку» [Цит. по: 16, с. 382].

С точки зрения мотивного контекста рассказ Аверченко является развитием литературной традиции, связанной с изображением в юмористике обычных — ледяных — катков. Первичным источником комизма становится нерешительность и падения новичка, а вторичным — его самонадеянность. Целый ряд использованных Аверченко мотивов мы находим, например, в рассказе Н. А. Лейкина «Около конькобежцев»: «На Фонтанке, на ледяном катке гремит оркестр военной музыки, под звуки которого маленькие и взрослые конькобежцы то клюют носом, падая на четвереньки, то отважно жертвуют затылком, растягиваясь навзничь. Есть и великие искусники в деле бегания на коньках. Посредственности как-то стушевываются. Катающихся довольно много, но ещё больше смотрящих на катающихся» [6, с. 142]. У Лейкина есть и падения, и «великие искусники», и зрители...

Модель, когда герой следует советам ничего на самом деле не понимающего в происходящем досужего наблюдателя, не раз встречается и у самого Аверченко: достаточно вспомнить рассказ «Специалист» или носивший программный характер рассказ «Мальчик с затёкшим глазом», впервые опубликованный, кстати, уже после рассказа «Без почвы». Ключевой приём повествовательной реализации комического образа начинающего спортсмена в рассказе «Без почвы» — это ноги и коньки, словно отделенные от катающегося и живущие собственной жизнью. Аналогичным образом они разделены и в опубликованных в том же номере журнала анонимных «Советах начинающим кататься», которые и в целом перекликаются с рассказом Аверченко:

«Если вы чувствуете, что ваши ноги расходятся в разные стороны, — зовите на помощь.

⁴ Впервые: Речь. 1910. № 265 (1503). 27 сентября (10 октября). С. 3.

- Ни в коем случае не пытайтесь следовать за своими ногами.
- Если вы чувствуете, что падаете, обнимите ближайшего конькобежца, и вы упадёте вместе.
- Помните, что самое важное при катании на колёсных коньках удержаться на ногах» (\mathbb{N}^{0} 1, с. 11).

Хотя в журнальном контексте рассказ Аверченко и воспринимался как носящий конкретно-рекламный характер, связь с скетинг-рингами достигалась в нём в основном за счёт внешних по отношению к комической ситуации и комическим образам элементов. Само название «скетинг-ринг» у Аверченко использовано только во вступительном фрагменте: «Многие находят, что катанье на колёсных коньках — очень трудная вещь... Конечно, в наш слабый развинченный век, когда многие не умеют даже как следует кататься на простом извозчике — этот спорт представляет некоторые трудности, но, конечно, не такого сорта, чтобы, отправляясь впервые на скетинг-ринг, попрощаться с родственниками, написать завещание и затвердить наизусть последние предсмертные слова» [1, с. 8]. В дальнейшем эта связь поддерживается за счёт слов «асфальт» и «колеса/колёсики»: «вокруг асфальтовой площадки», «коньки сами ёрзали по асфальту», «тяжело опустился боком на асфальт», «пришлось коснуться спиной асфальта», асфальтовой глади», «покатиться на этих колёсиках», «обязательно были на колёсиках» и др. Но вся эта система маркеров носит второстепенный характер и может быть без особого ущерба для текста заменена на традиционную модель «лёд /лезвия».

«Рекламная» составляющая рассказа Аверченко, заметная в журнальном контексте, фактически исчезает, когда мы читаем текст в составе сборника «Весёлые устрицы: юмористические рассказы». Рассказом «Без почвы» в сборнике завершается раздел «Около искусства», хотя к искусству катание на колёсных коньках особого отношения не имеет. Уже это в сочетании с не имеющим очевидной связи с текстом названием — «почва» в рассказе больше не упоминается даже в переносном смысле — создавала комическую дистанцию между автором и повествователем, которая не фиксировалась в журнале. Благодаря этой дистанции и общей тональности книги оценки в рассказе звучат скорее иронически.

В журнальном контексте и даже в книжном контексте в год издания сборника скетинг-ринг играл центральное место в рассказе, однако по прошествии времени он воспринимается лишь как одно из мест, где естественно возникновение комических ситуаций, — просто как каток, ничем принципиально не отличающийся от обычной ледяной площадки.

Источники и литература

- 1. Аверченко, А. Без почвы // Скетинг-ринг. 1910. № 1. 7(20) апреля. С. 8–9.
- 2. Аверченко, А. Рассказы (Юмористические). Книга вторая. СПб.: Шиповник, 1910. 201 с.
- 3. Аверченко, А. Шутка мецената: Юмористический роман. Прага: Пламя, 1925. 193 с.
- 4. Додэ, А. Полное собрание сочинений: в 5 т. Т. 1: Сафо [роман] / Пер. с фр. А. Чеботаревской. М.: Изд. И. А. Маевского, 1914. 267 с.
 - 5. Кузмин, М. Третья книга рассказов. М.: Скорпион, 1913. 435 с.
- 6. Лейкин, Н. А. Пух и перья: Рассказы / Рис. худ. А. И. Лебедева. СПб.: тип. Р. Голике, 1888. 183 с.
- 7. М. П. [М. И. Пинос?] Скетинг-ринг // Скетинг-ринг. 1910. № 1. 7 (20) апреля. С. 2.
- 8. Николаев, Д. Д. Аркадий Аверченко // Русская литература 1920—1930-х годов: Портреты прозаиков: в 3 т. Т. 1. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН, 2016. С. 882—947.
- 9. Николаев, Д. Д. Первые книги Аркадия Аверченко: история изданий // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века / Отв. ред. Н. В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 518–540.
- 10. Пастернак, Б. Л. Люди и положения: Автобиографический очерк // Новый мир. 1967. № 1. С. 204–236.
 - 11. Речь. 1910. № 49 (1287). 19 февраля (4 марта). С. 1.
 - 12. Руль. 1910. № 214. 1 февраля С. 3.
- 13. Скетинг-ринг и его общественное значение / Сост. И. С. СПб.: тип. тва «Ш. Буссель н-ки», 1910. 61 с.
- 14. Скетинг-ринг: Самоучитель изящ. и фигур. езды на роликах. СПб.: Изд. Л. Б. Гарфельда, 1910. 90 с.
- 15. Скетинг-ринг: Руководство и правила: Сост. по нем. источникам / Л. С. Можаровский. Одесса: тип. газ. «Одес. Новости», 1910. 36 с. (Библиотека спортсмена; N_2 2).
- 16. Творчество А. Т. Аверченко в отзывах современников / Вступ. ст., подгот. текстов и примеч. Д. Д. Николаева // Комическое в русской литературе XX века / Отв. ред. Д. Д. Николаев. М.: ИМЛИ РАН, 2014. С. 368 –417.
 - 17. Толстой, А. Н. Хождение по мукам. Рига: Грамату Драугс, 1927. 222 с.
- 18. [Торелли-Виолье, М.] Скетинг-ринг: Рассказ маркизы Коломби / Пер. с итал. М. А. Урусовой. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1911. 16 с.
- 19. Цехновицер, О. В. Литература и мировая война 1914–1918. М.: Гослитиздат, 1938. 432 с.
 - 20. Чуковский, К. И. Лица и маски. СПб.: Шиповник, 1914. 355 с.

УДК 82-2

Миленко Виктория Дмитриевна

Кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; Российская Федерация, Севастополь, e-mail: vika-milenko@yandex.ru

СПЕКТАКЛЬ «ГНЕЗДО ПЕРЕЛЁТНЫХ ПТИЦ» КАК ПОПЫТКА ВОЗРОЖДЕНИЯ АВТОРСКОГО ТЕАТРА АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО

Автор статьи анализирует новейший спектакль Московского «Сфера» драматического meampa «Гнездо перелётных nmuu», возрождающий концепцию и репертуар одноимённого авторского театра Аркадия Аверченко. Заявленный создателями жанр «мокьюментари-драмы» рассматривается многоаспектно: выявляются документальный художественный контексты сюжета, степень соответствия подлинной биографии писателя и специфика прочтения его образа, принцип идейнотематического и пространственного решения спектакля, дизайн костюмов и др. В анализе учтены личные суждения автора инсценировки, режиссёра и сценографа, оформителя, музыкального a также зрительские критические отзывы.

Ключевые слова: театр «Гнездо перелётных птиц», авторский театр, театра-кабаре, «мокьюментари-драма», шпрехшталмейстер, конферансье, «театр в театре».

Victoriya D. Milenko

PhD in Philology science, Associate Professor Sevastopol State University; Russian Federation, Sevastopol

PERFORMANCE «THE NEST OF MIGRATORY BIRDS» AS AN ATTEMPT TO REVIVE THE AUTHOR'S THEATER OF ARKADY AVERCHENKO

Abstract. The author of the article analyzes the new performance of the Moscow Drama Theater "Sphere", "The Nest of Migratory Birds", which revives the concept and repertoire of the same Arkady Averchenko's author's theater. The genre of "mokumentary-drama" declared by the creators is considered multidimensionally: the documentary and artistic contexts of the plot, the degree of conformity of the writer's true biography and the specificity of reading his image, the principle of theological and spatial decision of the play, costume design, etc. are revealed. The analysis takes into account the personal judgments

of the author of the performance, the director of the stage, the head of the musical part of "Sphere", as well as audience and critical reviews.

Key words: theater "The Nest of Migratory Birds", author's theater, "mokumentary-drama", cabaret theatre, ringmaster, entertainer, "theater in the theater".

Для цитирования:

Миленко, В. Д. Спектакль «Гнездо перелётных птиц» как попытка возрождения авторского театра Аркадия Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1(8). С. 32–44.

Премьера спектакля «Гнездо перелётных птиц» состоялась 24 июня 2018 года в Московском драматическом театре «Сфера». Название постановки совпадает с названием авторского театра Аркадия Аверченко, созданного им в Севастополе в апреле 1920 года¹, затем возрождённого в Константинополе. Несмотря на краткую, двухлетнюю жизнь труппы писателя, она стала легендой белой эмиграции, которую в «Сфере» попытались рассказать языком современной драматургии. «Аверченко — это совершенно особая стилистика, — считает главный режиссёр театра Александр Коршунов, — особая природа чувств, особая природа юмора, и в неё проникнуть, воспроизвести её вместе с актёрами — это важно, трудно, дорогого стоит» [13].

Выпуск спектакля был приурочен к 100-летию начала Гражданской войны и тех событий в жизни Аркадия Аверченко, что стали её следствием. В июле 1918 года большевики закрыли журнал писателя «Новый Сатирикон», а в сентябре он покинул Петроград и — что немаловажно — некоторое время жил в Москве, сотрудничал с Зеркальным театром сада «Эрмитаж» в Каретном ряду. В том же саду, рядом с бывшим Зеркальным театром, сегодня работает «Сфера», т. е. столетие спустя Аверченко вернулся в эти места не только творчеством, но в некоторой степени и лично, благодаря актёру, исполняющему в спектакле его самого.

Время, прошедшее после премьеры «Гнезда перелётных птиц», позволяет с уверенностью говорить об успехе постановки. В связи с этим хотелось бы подвести некоторые итоги, а также продолжить тему, начатую нами в статье «Драматургия А. Т. Аверченко: современный контекст»².

¹ Подроб. см.: Миленко, В. Д., Хлебина, А. Е. Театр Аркадия Аверченко «Гнездо перелётных птиц» и его роль в культурной жизни белого Крыма // Трагические контексты отечественной культуры XX века и современность: к 95-летию начала Гражданской войны: материалы междунар. науч.-практич. конференции. Симферополь, 2014. С. 92–98.

 $^{^2}$ См.: Миленко, В. Д. Драматургия А. Т. Аверченко: современный контекст // Гуманитарная парадигма. 2018. № 2 (5). С. 79–91.

Константин Демидов, режиссёр спектакля, определяет его жанр как «мокьюментари-драму» (англ. mock — подделка + documentary — документальность) — художественный синтез факта и мистификации [5]. Чтобы такое содержание стало возможным, аверченковедение прошло долгий путь, ведь подлинная история театра писателя стала известна лишь недавно.

Впервые отдельные факты о «Гнезде перелётных птиц» изложил американский славист Д. А. Левицкий в докторской диссертации «Жизнь и литературное наследие Аркадия Аверченко» (Филадельфия, 1969). Эта работа под названием «Жизнь и творческий путь Аркадия Аверченко» была издана в России только в 1999 году, тем удивительнее, что ещё в 1986 году Крымским телевидением был снят телеспектакль «Гнездо перелётных птиц». Автор сценария, в то время заведующий литературной частью Севастопольского академического русского драматического театра им. А. В Луначарского Б. М. Эскин, вспоминал, что почерпнул информацию из разрозненного комплекта местной прессы [15]. Роли в телеспектакле исполнили актёры-«луначарцы», и он стал первой попыткой возрождения если не театра Аверченко, то некоего условного артистического кабаре Серебряного века. В этом кабаре пели Вертинский и Собинов, а за столиками обменивались репликами сам Аверченко, Влас Дорошевич и др. [16]. Несмотря на неточности (неверное указание адреса театра и даты его возникновения), участники программ были названы правильно. Исключая Вертинского, который никогда не пел в севастопольском «Гнезде перелётных птиц», так как ко времени его появления уехал в Константинополь.

Детальная история театра Аверченко стала известна лишь в 2011 году, когда нами совместно с А. Е. Хлебиной была изучена коллекция белоэмигрантской прессы в пражской Славянской библиотеке. Результатом работы стал сборник утраченного наследия Аверченко «Русское лихолетье глазами "короля смеха"» (М.: Посев). В книгу вошли материалы из севастопольских константинопольских газет, предоставивших И исчерпывающие сведения о составе труппы «Гнезда перелётных птиц», репертуаре, рекламных слоганах и анонсах, рецензиях на постановки театра [1, с. 353-354]. В 2013 году эти же данные вошли в 8-й том Собрания сочинений писателя издательства «Дмитрий Сечин». Ими заинтересовалась актриса «Сферы» Виктория Склянченкова, также работавшая в Славянской библиотеке и видевшая подлинники газет. У Виктории возникла идея спектакля.

³ Презентация сборника в Праге называлась «Перья из гнезда перелётных птиц» и включала концертную программу [2, с. 26].

Название пришло сразу, ведь специфика зрительного зала «Сферы» соответствует концепции «гнезда». Зал — круглый, наподобие циркового, камерный. Создательница театра Екатерина Еланская считала, что отказ от традиционной коробки сцены, от разделения на сцену и зал создают единое пространство общения актёра и зрителя, «сферу общения» как основу живого театра [3]. Эта «сфера общения» как нельзя лучше отвечала атмосфере театра Аверченко, скорее похожего на клуб, где актёров и постоянных зрителей называли «птенцами».

По словам Виктории Склянченковой, цель работы также рисовалась отчетливо: «Наш спектакль нужен зрителям, как глоток свежего воздуха, как бокал шампанского, как "сон золотой". Людям нужен юмор, хороший юмор! Им нужен Аверченко — сочный, вкусный, искромётный, точный и при этом невероятно глубокий. Мне хотелось подарить этого автора зрителям» [7]. Иначе говоря, планировалось не просто вернуть имя Аверченко современному театру и показать актуальность его творчества, но и рассказать о нём самом.

Виктория Склянченкова написала инсценировку. Поставить спектакль пригласили режиссёра Константина Демидова, который в результате выступил и сценографом, и автором дизайна костюмов. Изначальный замысел за восемь месяцев работы (длительный срок по театральным меркам!) претерпел кардинальные изменения. Эскизный вариант спектакля, показанный в декабре 2017 года, был выдержан в традиционном для постановок по Аверченко жанре ревю4: чередование инсценированных рассказов, шуток и экспромтов, песен Вертинского В основном были выбраны И т. Д. произведения

дореволюционного, сатириконского периода, поэтому и Автор-Аверченко (в исполнении *Дмитрия Новикова*) представал молодым и насмешливым, несколько капризным и несколько наигранно-театральным.

Рудиментом этого эскиза в финальной версии остался пролог — автономная часть спектакля, что за 20 минут до его начала показывается в холле и «служит своего рода ликбезом для тех, кто не знает жизни и

Фрагмент пролога: инсценировка рассказа «Неизлечимые». Аркадий Аверченко (Д. Новиков) выслушивает графомана (А. Алипов). Фото Юрия Губина (2018).

 $^{^4}$ Из значительных работ назовём спектакли Омского академического театра драмы «Чёртова дюжина» (2006—2018) и «Альбом» (премьера 2019 года), а также «Под холщовыми небесами» (премьера 2017 года) севастопольского Драматического театра им. Б. А. Лавренёва Черноморского флота РФ.

творчества литератора» [14]. Зрителей знакомят с героем: у него берут интервью, затем инсценируется рассказ «Неизлечимые», позволяющий оценить редакторское остроумие Аверченко.

В остальном же содержание полностью изменилось. Документально-биографической основой стали события 1920—1922 годов: эвакуация писателя из Севастополя, возрождение им «Гнезда перелётных птиц» в Константинополе и жизнь этого театра. Виктория Склянченкова так объясняет эволюцию замысла постановки: «Константинопольский период был взят потому, что ярче всего показывает грань между жизнью и смертью. Это пир во время чумы. Это ода жизни. Аверченко видел смешное во всём. И даже в двух шагах от смерти он не падал духом, не переставал улыбаться. Смешное и трагичное всегда рядом. "Перелётные птицы" изначально были обречены, но лучше умереть на взлёте» [7].

Эту человеческую и актёрскую драму разыгрывают артисты «Сферы», причём каждый из них исполняет кого-то из труппы «Гнезда перелётных птиц» и одновременно персонажей постановок этого театра (миниатюр «Четверо», «Муж, каких много», «Сердце молодой девушки» и «Самоубийца»). Например, Виктория Склянченкова, автор инсценировки, задействована в спектакле и как актриса, играет три роли. Не исключение и главный герой: Дмитрий Новиков играет и самого Аверченко, и Аверченко в разных ролях, причём в «Самоубийце» это — циник Берегов, которого некогда действительно играл Аверченко. Новикову — для внешней документальности — постарались придать максимальное сходство с портретами писателя (к сожалению, о внутренней документальности сегодня судить невозможно).

В остальном же спектакль — именно «мокьюментари-драма», в которой факты вплетены в мир художественной фантазии сборника Аверченко «Записки Простодушного» (1921). Яркий пример такого синтеза — образы актёров «Гнезда перелётных птиц». Ольга Платоновна Твардовская (*Ирина Померанцева*) носит фамилию реальной актрисы театра Аверченко, а имя — героини его фельетона «О гробах, тараканах и пустых внутри бабах» (1921). Актёр Бронзов (*Александр Пацевич*) — вымышленный герой фельетона «Приключение актера Бронзова» (1918). Аннушка (*Виктория Склянченкова*) — из фельетона «Русское искусство» (1920). У Екатерины Донецкой (*Елена Елова*) имя — из «Русских женщин в Константинополе» (1920), а фамилияпсевдоним — из рассказа «Актёры» (1915).

Единственное вполне реальное лицо в этой полувымышленной труппе — актёр Владимир Свободин (*Антон Алипов*), близкий друг Аверченко и соучредитель «Гнезда перелётных птиц». Однако подлинное имя — это всё, что использовано в спектакле. Портретное сходство не соблюдается, характер создан комический, где-то даже плутовской. Трудно упрекать авторов: до

недавнего времени о Свободине почти ничего не было известно. Уже после выхода спектакля появились данные о том, что он был весельчак и «невероятный шутник» [11, с. 100]. Значит, характер угадали верно. И домыслили: в спектакле Свободин — саксофонист.

Таким образом, зрелищное пространство «Гнезда перелётных птиц» вписано в пространство зала «Сферы» («театр в театре»). Звучат подлинные рекламные слоганы из константинопольской газеты «Presse du Soir», и зритель остро чувствует, что переносится во времени: «Со сцены слышны различные экспромты, "заманухи" и курьёзы. Аверченко провозглашает: "Сегодня у нас новая программа! Кто не увидит, тому самое время утопиться в Босфоре!". Представление складывается на наших глазах. <...>. Мы все пришли в кабаре, чтобы увидеть новые пьесы Аверченко. Послушать Вертинского и посмеяться от души» [10].

«Театр в театре»: зрелищное пространство «Гнезда перелётных птиц» в структуре зрелищного пространства театра «Сфера». На переднем плане – Владимир Свободин (А. Алипов) и Аннушка (В. Склянченкова). Фото Юрия Губина (2018).

Однако в спектакле есть и третье зрелищное пространство, что соседствует с «Гнездом перелётных птиц» по принципу вертепа: оно *над*, выше, на подиуме. В этом мире существуют Вестник (*Даниил Толстых*), пианист (*Павел Герасимов*) и скрипач (*Анна Тимченко*). Все трое в белоснежных костюмах с оперением (небесные птицы); все трое сверху взирают на земной, суетный мир «Гнезда перелётных птиц», в котором мечутся, кричат и выживают Аверченко и актёры. У тех другие костюмы: чёрные (они – галки, грачи?), с клетчатыми вставками-«заплатами», отсылающими к пестроте трико Арлекина. Режиссёр Константин Демидов поясняет: «Заплатки на костюмах актёров задумывались как символ

неустроенности жизни. Мне виделись дорогие фраки, в которых актёры могли появляться на светских раутах, но теперь, после побега от революции, у них не было возможности приобрести новые фраки, а выживать надо, а значит надо выступать много и часто. Так в моём представлении на некогда великолепных фраках и появились заплаты. Великолепное старьё...» [5].

Самый сложный персонаж в спектакле — Вестник из белоснежного «горнего мира». Он исполняет песни Вертинского, что служат музыкальным конферансом, обеспечивают смысловое единство, тематически перекликаясь с сюжетными перипетиями и миниатюрами, которые разыгрывают актёры. Например, «Испано-Сюиза» о том, что «измельчал современный мужчина, / стал таким заурядным и пресным», предваряет миниатюру «Четверо» на ту же «По отзывам смотревших спектакль, — делится музыкальный тему. оформитель постановки Павел Герасимов, — нет отдельных номеров, есть единое целое драматургии и музыки, некое "перетекание" одного в другое» [6]. Вестник тоже из мира «мокьюментари-драмы»: он и Вертинский — и нет. Внешнее сходство, на наш взгляд, весьма отдалённое, грим иной, одет не в домино Пьеро, а в белый фрак. Артист не копирует исполнительскую манеру Вертинского, разве что фрагментами пародирует. Это отмечает и Павел Герасимов: «Даниил Толстых — современный, в то время как у Вертинского есть очень индивидуальная манера исполнения "бедным Пьеро". Всё талантливое выдерживает испытание временем, может звучать современно, и от этого не теряет своей привлекательности и смысла» [6]. Однако зрители увидели иначе: «Вертинский поёт. Ах, как поёт... Как живой, прямо здесь и сейчас! Да, почему "как"? Это же он и есть: манера, лицо, голос — не отличишь! И только одно возвращает в реальность — не грассирует» [8].

Вестник (Д. Толстых). Фото Юрия Губина (2018)

Именно песни Вертинского передают «ауру, настроение и нерв спектакля, светлую печаль людей, мечтавших об утраченной Родине, навеки канувшей в прошлое» [12]. С этим трудно спорить: как указывалось выше, в телеспектакле «Гнездо перелётных птиц» 1986 года тоже пел Вертинский. Однако это художественное допущение: в Константинополе Вертинский был связан контрактом с кабаре «Чёрная роза» и никак не мог выступать у Аверченко (пресса также этого не подтверждает).

Вестник играет в спектакле важнейшую роль: его выходом начинается представление, уходом — заканчивается. Невольно приходит мысль о том, что именно он — главный герой, если бы его можно было счесть героем. Он — поющий конферансье? Возможно, хотя арена, на которой разворачивается действие, скорее заставляет вспомнить циркового шпрехшталмейстера. Да и появляется Вестник в луче прожектора вполне по-цирковому.

Однако шпрехшталмейстер обычно общается с артистами и залом, а Вестник нем (кроме песен он не произносит ни слова). И главное — актёры «Гнезда перелётных птиц» во главе с Аверченко его не видят, буквально смотрят сквозь него. Метафизическую природу этого персонажа отмечала и критика: «...его образ ассоциируется с каким-то бесплотным духом, мгновенно перемещающимся в пространстве. Вдруг появляется с песней в одних дверях и вот уже в других на противоположной стороне. А то и вмешивается в ход пьесы, но абсолютно гармонично, нисколько не разрушая его, а, наоборот, являясь своего рода deus ex machina. Как будто и в самом деле летает, а не ходит» [9].

Виктория Склянченкова поясняет: «Вестник — это сама судьба, рок, фатум, незримая сила, нечто, что всегда присутствует рядом с нами, но мы этого не видим, можем только почувствовать. В нашей истории Вестник белая сила, ангел, наперед знающий исход событий, помогающий своим любимым "птицам" прожить последние дни перед отлётом красиво, ярко, весело: "Спеша явиться, прогреметь, блеснуть, пленить и улететь..."» [7]. Константин Демидов обобщает: «Образ Вестника не трактуется как-то однобоко. Этот персонаж несёт на себе много всего. Это и ангел-хранитель Аверченко (в нашем спектакле), и судьба, и сверхсущество, которое наблюдает за происходящим, и некое связующее звено той жизни и тех людей, которых потеряла страна в тот ужасный период времени, и он же — смерть. Но смерть не такая, как привычно о ней думают — старуха с косой, а та смерть, которая проводник в новый, употреблю неологизм, "зажизненный" мир. А песни Вертинского в его исполнении — как заземляют Вестника для зрителя, так и раскрывают историю спектакля в новое измерение. Это очень важный персонаж, без него спектакль был бы не таким поэтичным и воздушным» [5].

Казалось бы, традиция диктует: раз есть образ Пьеро, должен быть Арлекин. Дуэт Белого и Рыжего клоунов. Образ Аркадия Аверченко вполне можно было бы достроить именно так: человеческие качества писателя это позволяли. Но биографический материал продиктовал иного героя: растерянного, вымученно бодрящегося, покорного судьбе. В финале спектакля он вдруг видит Вестника, сразу его узнаёт и начинает петь «Палестинское танго» Вертинского:

Манит, звенит, зовет, поёт дорога. Ещё томит, ещё пьянит весна, А жить уже осталось так немного, И на висках белеет седина.

«Аверченко поёт в конце, потому что, наконец, увидел Вестника и "говорит" с ним на его языке. А язык ангела — это песня», — поясняет Виктория Склянченкова [7]. Мало кто из зрителей понимает слова «Палестинского танго» буквально: не все знают, что после отъезда из Константинополя Аркадий Аверченко прожил всего 3 года. Тем не менее, зал погружается в тяжёлое молчание. Вестник подхватывает мелодию танго, они с Аверченко поют дуэтом. Вот и актёры «Гнезда перелётных птиц» впервые увидели Вестника, держащего развевающийся белый саван. Смотрят на него с тревогой, но и решимостью. Аверченко, осознающий истинный смысл материализации Вестника, оглядывается на своих актёров — пойдут ли за ним под саван? Идут... Вестник сворачивает саван, закрывает дверь. Тьма; спектакль окончен — и жизнь окончена.

Финал: герой и актёры видят Вестника. Фото Виктора Горячева (2018).

Глубинный философский смысл постановки, разумеется, открывается не сразу. На первый, поверхностный взгляд, в её основе лежит биографический задействующий линейное хронотоп, время: герой эвакуируется Севастополя — приезжает в Константинополь — возрождает свой театр играет в театре — умирает. С этим хронотопом связан достаточно традиционный хронотоп пути-дороги (судьбы), обозначенный в спектакле подвижной железнодорожной платформой рельсами, то наплывающим перестуком колёс поезда. Константин Демидов соглашается с тем, что основных пространств — два: «Мир музыки и реальный, точнее сказать, псевдореальный. Но псевдореальный ещё раз разбавлен реальными железнодорожными путями, которые по сути являются символическим образом, но которые я, уже как режиссёр, постарался органично вплести в структуру реального мира спектакля» [5]. Однако при более внимательном прочтении видна иная, кольцевая схема времени, вписанная в хронотоп сна. В первых минутах спектакля герой, убаюканный песней Вестника, спит, затем просыпается и с удивлением оглядывает мир, в котором оказался. В финале Вестник снова забирает его в мир вечного сна. То есть всё показанное — сон, в котором герою явилось будущее (или прошлое?).

Добавим к вышесказанному, что визуальный ряд спектакля продуман до мельчайших деталей. Так, Аверченко, собирая труппу, дарит актёрам бумажных журавликов как знак принадлежности к особому «цеху». Коммивояжер Сандомирский, герой миниатюры «Четверо», читает «Сатирикон». Свободин отправляется под белый саван Вестника, прижимая к груди прихваченную им картину Куинджи, и единственный из всех, прежде чем нырнуть под саван, на долю секунды сомневается, медлит...

Режиссёр Константин Демидов и эскиз сценографии спектакля из его личного архива.

Одним словом, спектакль необыкновенно сложен для понимания. Тем не менее, публика сразу приняла его так же благодарно, как 100 лет назад принимали самого Аркадия Аверченко и постановки его труппы. По словам Виктории Склянченковой, залогом этому служит талант писателя: «Самые выигрышные моменты в спектакле — это сами миниатюры без малейшего вмешательства извне. Это гениальный Аркадий Тимофеевич, и это работает всегда безотказно, потому что железно и грамотно изначально застроено им самим. Даже изобретать ничего не нужно — только дать ему правильно прозвучать, учесть все его пожелания, ремарки — и готово! Раскаты хохота! Больше всего смеются на "Самоубийце "» [7].

Судя по аншлагам и зрительским отзывам на сайте театра «Сфера», цель спектакля достигнута. Люди делятся тем, что им захотелось перечитать Аверченко, узнать подробнее его биографию, что, оказывается, он не просто юморист, а писатель чрезвычайно глубокий, что финал потряс до слёз. Константин Демидов рассказывает, что на первых показах были и курьёзы. Некоторые зрители, смотря пролог, принимали Дмитрия Новикова за настоящего современного писателя, чью пьесу им сейчас покажут. Некоторые обсуждали прекрасное качество фонограмм Вертинского, звучащих в спектакле (на самом деле Толстых работает без фонограммы). Но гораздо больше других зрителей — тех, что после окончания спектакля ещё долго сидят в зале и не могут, не хотят уходить.

Подводя итоги пока ещё краткой сценической жизни спектакля, режиссёр размышляет: «Сложно сказать, в чём секрет популярности. Из-за переезда в Краснодар я его не видел несколько месяцев⁵. Но по обратной связи с актёрами и, судя по зрительским рецензиям на сайте театра, актёры всё больше обосновываются внутри, а зрительский интерес к спектаклю не угасает. Билеты на него всегда проданы, а, как известно, зритель голосует рублём. Но тут надо отметить, что успех — не в количестве проданных билетов, а в чём-то другом. Мне вообще сложно говорить про успех, этого слова практически нет в моём профессиональном лексиконе, но я могу предположить. Думаю, что секрет в том, что мы с Викторией Склянченковой хотели честного разговора о том, что случилось с этими людьми. И делали это — по отношению к автору — максимально искренне и деликатно внутри работы. А, на мой взгляд, искренность и деликатность — это дефицитный "товар" в наши дни. Возможно, на спектакле "Гнездо перелётных птиц" зритель получает его» [5].

⁵ В октябре 2018 года Константин Демидов был назначен главным режиссёром Краснодарского академического театра драмы им. Горького.

Остаётся добавить, что критика, также доброжелательно принявшая спектакль, считает, что он заставляет о многом задуматься и, может быть, в который раз «поразмышлять над проблемой утечки мозгов и талантов за рубеж, где русский мир по-прежнему уподобляется "перелётным птицам"» [4].

Таким образом, анализ спектакля «Гнездо перелётных птиц» позволяет говорить об успешной попытке возрождения концепции одноимённого авторского театра Аркадия Аверченко. Впервые поставлен не просто спектакль по произведениям писателя (их было и ещё будет немало), но спектакль о нём самом, что видится значительной вехой в возвращении «короля смеха». Ни монографии, ни собрания сочинений, имеющие достаточно узкий круг читателей, никогда не охватят такой аудитории, какая доступна театрам.

Возможно, именно Театру стоит заняться дальнейшей широкой популяризацией творчества Аверченко, гарантирующего зрительский успех, тем более что это единственный русский писатель, чей день рождения по удивительной, но, вероятно, совсем не случайности выпадает на 27 марта — Всемирный день тетра.

Источники и литература

- 1. Аверченко, А. Т. Русское лихолетье глазами «короля смеха» / Подгот. текстов, сост., вступит. ст., коммент. А. Е. Хлебина, В. Д. Миленко. М.: Посев, 2011. 428 с.
- 2. Давыдова, Линаида. Перья из гнезда перелётных птиц // Русское слово. 2011. № 12. С. 26.
- 3. Екатерина Ильинична Еланская создатель Московского драматического театра «Сфера», народная артистка России [Электронный ресурс] // Московский драматический театр «Сфера». URL: https://www.spheratheatre.ru/about/ekaterina-elanskaya/
- 4. Лебедина, Любовь. На сцене «Сферы» «Гнездо перелётных птиц» [Электронный ресурс] // Деловая трибуна. 2018. 29 июня. URL: http://newtribuna.ru/news/2018/06/29/81686/
 - 5. Личная беседа автора с К. Н. Демидовым от 27.02. 2019 г.
 - 6. Личная беседа автора с П. М. Герасимовым от 7.02. 2019 г.
 - 7. Личная беседа автора с В. О. Склянченковой от 19.02. 2019 г.
- 8. Лосева, Алёна. Аверченко и Вертинский встреча на сцене через 100 лет [Электронный ресурс] // Русский блоггер. 2018. 28 июня. URL: https://rblogger.ru/2018/06/28/gnezdo-pereletnyh-ptiz/
- 9. Муалим, Фазир. Гнездо перелётных птиц [Электронный ресурс] // Rara Avis. Открытая критика. URL: http://rara-rara.ru/menutexts/gnezdo pereletnyh ptic

- 10. Панкова, Татьяна. Гнездо перелётных птиц или Приют эмигрантов [Электронный ресурс] // LOCALDRAMAQUEEN. 2018. 27 июня. URL: http://localdramaqueen.moscow/2018/06/gnezdo-perelyotnyh-ptic/
- 11. Перфильев, Александр. «О, эти чёрные глаза...» // Даугава. 1997. № 1. C. 98–107.
- 12. Подкладов, Павел. Перелётные птицы, эолова арфа и счастье за деньги. Три спектакля театра «Сфера» [Электронный ресурс] // Московский драматический театр «Сфера». URL: https://www.spheratheatre.ru/about/press-about-us/pereletnye-pticy-eolova-arfa-i-schaste-za-dengi/
- 13. Премьера в театре «Сфера». Спектакль «Гнездо перелётных птиц» [Видео] // Телеканал «Культура». Эфир передачи «Новости культуры» от 25.06.2018; ведущий Михаил Зеленский. URL: http://tvkultura.ru/article/show/article_id/264968/
- 14. Семёнова, Дарья. Жить в обратную сторону: О спектакле в театре «Сфера» «Гнездо перелётных птиц» [Электронный ресурс] // Агентство культурной информации. 2018. 22 декабря. URL: http://www.akiros.ru/news/39173.html
- 15. Эскин, Борис. Предыстория «Гнезда перелётных птиц» [Электронный ресурс] // Тредиаковский: Литературно-художественный альманах. 2010. 8 мая. URL: http://www.trediakovsky.ru/predystoriya-gnezda-perelyotnyh-ptic
- 16. Эскин, Борис. «Гнездо перелётных птиц». Исторический этюд для телевидения [Электронный ресурс] // Тредиаковский: Литературнохудожественный альманах. 2010. 4 мая. URL: http://www.trediakovsky.ru/gnezdo-perelyotnyh-ptic-istoricheskiy-etyud-dlyatelevideniya

~

УДК 82-43

Караваева Евгения Сергеевна

Магистрант направления «Педагогическое образование», Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; Российская Федерация, Севастополь, e-mail: evgeniya.karavaeva.2011@mail.ru

ПРОБЛЕМА ЖАНРОВОГО СВОЕОБРАЗИЯ «ЭКСПЕДИЦИИ В ЗАПАДНУЮ ЕВРОПУ САТИРИКОНЦЕВ: ЮЖАКИНА, САНДЕРСА, МИФАСОВА И КРЫСАКОВА» А. Т. АВЕРЧЕНКО

В статье предпринимается попытка уточнения жанровой природы «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911, 1915) А. Т. Аверченко. Анализируя новейшие научные источники, автор доказывает, что жанровое определение «Экспедиции...» сегодня подменяется внежанровым термином «книга» либо её относят к литературному травелогу — понятию, чуждому отечественной традиции, в рамках которой работал Аверченко. Последовательно выявляя в произведении черты путевого очерка и характеризуя их особую смысловую и эмотивную трансформацию, автор статьи относит «Экспедицию...» к особому жанру путевой прозы — комическим путевым очеркам и намечает дальнейшие пути изучения данного сочинения А. Т. Аверченко.

Ключевые слова: журнал «Сатирикон», жанровый канон, путевые записки, путевые очерки, путевой дневник, литературный травелог, юмористическая повесть, комическая трансформация.

Eugene S. Karavaeva

Master's Degree student (Pedagogy), Humanitarian and Pedagogical Institute Sevastopol State University; Russian Federation, Sevastopol

THE PROBLEM OF GENRE ORIGINALITY OF «THE EXPEDITION TO WESTERN EUROPE OF SATIRIKONTSY: YUZHAKIN, SANDERS, MIFASOV AND KRYSAKOV» BY A. T. AVERCHENKO

Abstract. The article attempts to clarify the genre nature of "The Expedition to Western Europe of Satirikontsy: Yuzhakin, Sanders, Mifasov and Krysakov" (1911, 1915) by A. T. Averchenko. Analyzing the latest scientific sources, the author argue that the genre definition of "The Expedition …" today is replaced by the extra-generic term "book" or it

belongs to literary travelogue — a concept alien to the domestic tradition in which Averchenko worked. Consistently identifying the features of the travel essay in the work and describing their special semantic and emotive transformation, the author attribute "The Expedition …" to a special genre of travel prose — comic travel essays — and outlines further ways of its study.

Key words: "Satirikon" magazine, genre canon, travel notes, travel essays, travel diary, literary travelogue, humorous story, comic transformation.

Для цитирования:

Караваева, Е. С. Проблема жанрового своеобразия «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» А. Т. Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1(8). С. 45–53.

Научное изучение творчества Аркадия Аверченко — одна из актуальных задач современного литературоведения. В работах Д. А. Левицкого, Л. А. Спиридоновой-Евстигнеевой, С. С. Никоненко, Е. Н. Брызгаловой, Д. Д. Николаева, В. Д. Миленко и др. рассматриваются общие особенности авторского стиля писателя, проблематики его прозы и драматургии, редакторской и издательской политики, восстанавливается биография писателя. Некоторые новейшие труды (Н. С. Егоровой, О. И. Саловой, Т. А. Кадоло) посвящены теме детства в рассказах Аверченко. Что же касается больших форм, к которым следует отнести «Экспедицию в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (1911, 1915), то они

ещё ждут своего исследователя. Исключением служит единственный роман писателя «Шутка Мецената» (1923), к которому сегодня обращаются достаточно часто (работы В. Д. Миленко, Н. С. Егоровой, Н. А. Карпова, Ю. Н. Кучерявых и др.).

«Экспедиция Западную В Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» (далее — Экспедиция...») занимает особое место в творчестве Аверченко. Она рассказывает о первом в его жизни заграничном путешествии, совершённом вместе с коллегамисатириконцами Г. А. Ландау, А. А. Радаковым и Η. В. Ремизовым-Васильевым (Ре-Ми). Командировка состоялась в мае – июле 1911 года, вскоре вышла книга: как бесплатное приложение «Сатирикона» для подписчиков как

Обложка 1915 г. работы Ре-Ми. Слева направо: Сатир, Южакин, Мифасов, Сандерс, Крысаков (с чемоданом).

коммерческое издание. Её популярность была настолько велика, что, к примеру, прозвище Крысаков навсегда пристало к художнику Радакову¹. В 1914 году анонсировалось продолжение — путешествие сатириконцев по России, но Первая мировая война нарушила эти планы, поэтому в 1915 году Аверченко переиздал «Экспедицию...», значительно её сократив и переработав. Именно эта редакция впоследствии многократно тиражировалась и стала канонической. Она и послужила нам материалом исследования.

Изучение «Экспедиции...», на наш взгляд, следует начинать с уточнения её жанровой природы, которую и сами сатириконцы затруднялись определить, а потому просто рекламировали «роскошно иллюстрированное издание» [2, с. 2]. Аверченко однажды употребил достаточно расплывчатое понятие «новая география» [9, с. 59]. Современные исследователи чаще всего обходятся внежанровым «книга», что можно обнаружить даже в научном комментарии С. С. Никоненко к последнему собранию сочинений Аверченко [10, с. 452]. Однако О. Н. Туманов счёл произведение повестью [12, с. 8]. С ним согласен С. С. Жданов, который в работе «Образ Германии в повести А. Т. Аверченко "Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова"» (2018) оперирует одновременно тремя терминами. В заглавии статьи автор относит «Экспедицию...» к повести, в тексте — к юмористической повести, а в аннотации к статье — к литературному травелогу [4]. Таким образом, актуальность и научная новизна темы нашего исследования видятся несомненными.

Прежде чем приступить к анализу, мы должны выяснить, как исследователи определяют жанр книг, оказавших на Аверченко несомненное влияние. Это «Простаки за границей, или Путь новых паломников» (1869) Марка Твена и «Трое в лодке, не считая собаки» (1889) Дж. К. Джерома. Оказалось, что современные источники относят их к тому же травелогу. Советское же литературоведение в случае с Джеромом употребляло термин повесть (хотя автор в предисловии называл свой труд «беспристрастным отчётом о действительно происходивших событиях») [6, Т. 2, с. 648], с Твеном — цикл юмористических репортажей² [6, Т. 7, с. 423]. В то же время биограф Твена тех же советских лет М. О. Мендельсон выражался более традиционно, но не менее туманно, назвав «Простаков...» циклом очерков и путевых заметок юмористического характера [7, с. 141].

¹ Под этим прозвищем Радаков выведен и в детском стихотворении Даниила Хармса «Крысаков и две собачки» (1935).

² Видимо, по той причине, что «Простаки за границей...» были составлены из доработанных писем и корреспонденций Твена, поначалу публиковавшихся в газетах «Дейли Альта Калифорния», «Трибюн» и «Геральд».

Теперь обратимся к «Экспедиции...» Аверченко. Отнесение её к жанру повести, тем более юмористической (как предположил С. С. Жданов), на наш взгляд, вызывает вопросы. Единственный формальный признак — средний объём — не может определять жанр в целом, а содержательных признаков нет. документально-хроникальная пестрота сюжета законченных эпизодов, вместо литературных героев статичные персонажи комикса (книга была обильно карикатурные актанты, иллюстрирована шаржами и карикатурами). Сужение же сферы комического исключительно до критерия «юмористическая» перечёркивает как минимум сатирические темы и образы «Экспедиции...», а их немало. Что касается травелога (этим термином порой заменяют едва ли не все жанры «литературы путешествий»), то мы не стали бы выходить за рамки той традиции, что сложилась ко времени создания «Экспедиции...» и которую продолжал Аверченко, вряд ли подозревавший о том, что пишет травелог.

В связи с вышесказанным ограничиваем жанровый анализ следующим рядом: путевой дневник — путевые заметки — путевые очерки (оставляя без внимания сугубо прагматичный жанр путеводителя, признаками которого «Экспедиция...» не обладает уже потому, что не рекламирует Западную Европу, а высмеивает).

К сожалению, чётких критериев дифференциации жанров «путевой прозы» по сей день не существует. Так, путевым дневником называют произведение, написанное от первого лица в форме ежедневных (чаще всего с указанием даты) или периодических записей, современных описываемым событиям [13, с. 11]. Однако и в определении путевых записок присутствует указание на то, что жанр «реализует себя в форме дневниковых, эпистолярных и мемуарных путевых записей художественного или художественнопублицистического характера (курсив наш. – Е. К.)» [5, с. 12]. Не комментируя явный казус, ограничимся утверждением о том, что перечисленные критерии к «Экспедиции...» не применимы. Ни подневных записей, ни дат, ни — главное — особой исповедальной интонации, неизбежной для дневника или письма, в ней нет. Рассказчик скорее намеренно растворяется в коллективе, гораздо чаще употребляя «мы», нежели «я».

Что же касается путевого очерка, то принадлежность «Экспедиции...» именно к этому жанру видится нам очевидной. Разумеется, наше утверждение дискуссионно, ведь окончательной дефиниции нет и здесь. Тем не менее научная литература (работы Г. Н. Поспелова, В. П. Вомперского, Н. И. Глушкова, Н. М. Масловой, К. А. Панцерева, О. М. Скибиной и др.) позволяет выделить формально-содержательные черты путевого очерка, которые мы обнаруживаем в анализируемом произведении:

Схема маршрута сатириконцев: Россия (Санкт-Петербург) – Германия (Берлин, Дрезден, Мюнхен) – Австрия (Инсбрук) – Италия (Венеция, Флоренция, Рим, Неаполь, Генуя) – Франция (Париж) – Россия (Санкт-Петербург).

Малая повествовательная форма, стоящая на стыке документальной и художественной литературы, и тяготеющая к циклизации. «Экспедиция...» — цикл из 12 очерков («Германия вообще», «Человек за бортом», «Тироль», «Венеция», «Флоренция», «Рим», «Неаполь», «На пароходе из Неаполя в Геную», «Генуя», «Страшный путь», «Ницца» и «Париж»), в котором циклообразующими факторами выступают рассказчик, образы его компаньонов И маршрут путешествия, хронологически

прочерченный заглавиями.

Композиция цикла асимметрична: очеркам предпослано введение, однако заключение отсутствует, поэтому о «рамке» говорить не приходится. Нет и пропорциональности: «Ницца» (по мысли рассказчика, в этом городе нечего делать) по объёму уложилась в восемь предложений, в то время как «Венеция» и «Неаполь» включают по два обширных подпункта.

Синтез документальности и художественности обнаруживается уже в названиях очерков-глав: наряду со стилистически нейтральным перечислением стран и городов присутствуют «Человек за бортом» и «Страшный путь».

2. Содержание определяется мотивом путешествия, оперирует фактами, однако вымысел допустим. Само заглавие «Экспедиции...» говорит о её принадлежности к «литературе путешествий», однако по издательскому (и, видимо, авторскому) замыслу читатель осмысливал его в три приёма. Сначала он видел на обложке сокращённый вариант «Сатириконцы в Европе», снабжённый весёлым шаржем на героев книги, ведомых куда-то толстым Сатиром. Далее, на титуле, появлялось полное заглавие «Экспедиция в Западную Европу», лишь на миг рождающее предположение о научном содержании, так как ниже следовал подзаголовок с перечислением странных, а то и шутовских (Крысаков) фамилий участников событий. Таким образом, заглавие создавало комический эффект обманутого ожидания.

Сегодня, столетия спустя, мы улавливаем комический, но не подражательный смысл заглавия, в то время как образованный современник

Аверченко наверняка вспоминал предисловие к «Простакам за границей» Марка Твена: «В этой книге рассказывается об увеселительном путешествии. Если бы она была рассказом о настоящей научной экспедиции³, она обладала бы той серьёзностью, тем глубокомыслием и той внушительной неудобочитаемостью, которые приличествуют такого рода трудам и делают их столь увлекательными» [11]. Предположим, что «Экспедиция...» во многом была отечественной версией «Простаков за границей», и Аверченко называли «русским Твеном» ещё и по этой причине.

3. Рассказчик является непосредственным участником/наблюдателем путешествия, раскрывает его цель, описывает маршрут/участки
маршрута, сохраняя подлинные топонимы. Игра с читателем, осмыслившим
заглавие, продолжалась при разгадывании им псевдонимов, которые также —
очерковое сочетание документальности и художественности. Как отмечала
В. Д. Миленко, «современники без труда их узнавали, тем более что Аверченко
изменил только фамилии, а имена-отчества оставил подлинными. Южакин —
это он сам, Крысаков — Радаков, Мифасов — Ремизов, Сандерс — Ландау.
Первая фамилия совершенно объяснима, вторая явно основана на комическом
созвучии, третья, вероятно, "нотно-музыкальная": Ре-Ми(зов)/Ми-фа(сов).
Насчёт Сандерса — вопрос...» [8, с. 199]. Даже личность слуги Мити
устанавливается по воспоминаниям Н. Н. Евреинова:

«У сатириконцев <...> был наивный слуга Василий, которого хозяева, вечно отсутствовавшие, проверяли по возвращении подозрительными взглядами и суровыми окриками:

- Василий... опять?..
- Да я только две папиросы взял! отвечал Василий, мня, что его "залопали"» [3]. Схожие анекдотические (оказывается, документальные) ситуации включены в «Экспедицию...».

Повествование в полном соответствии с очерковой традицией ведётся реальным биографическим автором (Аверченко-Южакиным), однако основной тип авторской эмоциональности — ирония — снижает все искания традиционного рассказчика. Пытливыми путешественниками-натуралистами Южакина и его компаньонов сложно назвать. Вот цели их поездки: «...стремления у нас были разные: кое-кто хотел просто "расширить кругозор", кое-кто мечтал по возвращении "принести пользу дорогой России", у одного явилось скромное желание "просто поболтаться", а слуге Мите рисовалась единственная заманчивая перспектива, между нами говоря, довольно убогая: утереть, по возвращении, своим коллегам нос» [1, с. 7]. Позднее рассказчик

³ В оригинале также «scientific expedition» («научная экспедиция»), хотя Аверченко не владел английским языком и читал Твена только в переводе на русский.

признается, что начиная с Венеции, они с Крысаковым «якшались с подонками населения, пили ужасное грошовое вино, ели каких-то пауков, каракатиц и разных морских чудовищ, пожирали червяков, похожих на макароны, и макароны, очень смахивавшие на червяков» [1, с. 66]. Признается и в том, что увиденные картинные галереи оставили одно впечатление: «Всюду целое море полотна — зелёного, красного, розового, старинного и нового…» [1, с. 97].

Одним словом, мы видим комическое расхождение формы и содержания: путешественник мало интересуется тем, чем обычно интересуются путешественники. Это впечатление усиливают карикатурные портреты компаньонов Южакина. Например, Крысаков — это человек-живот, который заменял оторвавшиеся пуговицы «булавками, иголками и главным образом замысловатой комбинацией из спичек и проволоки от лимонадных бутылок» и неизменно проигрывал в схватке с собственным чемоданом — зооморфным, похожим «на животное с распоротым брюхом» [1, с. 11].

Рассказ о путешествии строится по принципу пародийного обыгрывания штампов учебников географии и путеводителей. Так, размышляя над физико-географическим положением Европы, её флорой и фауной, статистическими данными, рассказчик замечает: «Европа лежит между 36-й и 71-й параллелями Северного полушария. Мы собственными глазами видели это» [1, с. 26]. Или: «Берега Европы омывают два океана сразу: Северный Ледовитый и Атлантический. Не знаю, как омывает Европу Ледовитый океан, но Атлантический — особой тщательностью в возложенной на него работе не отличается — грязи на берегу сколько угодно» [1, с. 26]. Или: «Нища — небольшой городок, утыканный пальмами» [1, с. 154]. Наконец, такой пример: «Генуя знаменита своим Сатро Santo; Сатро Santo знаменито мраморными памятниками; памятники знамениты своей скульптурой, а так как скульптура эта — невероятная пошлятина, то о Генуе и говорить не стоит» [1, с. 150]. Курьёз в том, что кладбище Сатро Santo («священное поле») находится не в Генуе, а в Пизе.

Этому принципу рассказчик изменит лишь единожды, посвятив восторженное лирическое отступление Венеции. В то же время маршрут путешествия — документален и обеспечивает принцип хроникальности повествования.

4. Присутствуют пейзажно-климатические, этнографические, портретные зарисовки. Этнографические зарисовки и описания достопримечательностей — также карикатура. Например, тирольца автор отнёс к «семейству ленточных», потому что тот был «с ног до головы убранный разноцветными лентами и утыканный перьями, точно петух, которого кухарка начала ощипывать и, не окончив, побежала в мелочную лавочку за бутылкой прованского масла. Голова этого дюжего парня была украшена какой-то

бумажной короной, а за ушами торчали два пучка цветов» [1, с. 45]. Неаполитанец — это человек, у которого стремление «надуть туриста возведено в культ» [1, с. 106]. Везувий — «обыкновенная гора с дырой посредине», ещё и не дымится, а знаменитая Траянова арка — «обыкновенная арка, с дырой посредине и тоже не дымится».

5. Присутствуют различные формы «чужой речи», маркирующие пространство (диалектизмы, сленг). Комически развивая тему «наши за границей» (а именно — незнание сатириконцами иностранных языков), рассказчик широко задействовал приём «макаронической речи». Так, слуга Митя путал «"бутер" и "брудер", "шинкен" и "тринкен"» и испугал немца непереводимой фразой: «Гиб мир эйн кусс. Битте цаллен. Цузамен» [1, с. 43]. Мифасов оперировал тремя словами: «В Германии, входя в ресторан, он первым долгом о, "Кёльнер! ", в Италии: "Камерьере!" и во Франции: "Гарсон!"» [1, с. 16]. Крысаков во всех случаях применял макаронизм «биттедритте» и обходился им. Рассказчик же пытался понять фонетические

Крысаков, Сандерс и Мифасов шлют привет родному «Сатирикону» с высоты Троянской колонны. Рисунок из книги.

особенности языков, что продемонстрировал очерке-главе «Венеция». Когда соотечественник один просил по-русски y итальянского лакея вермута, не понимал, Южакин TOT посоветовал:

- «— Скажите ему по-итальянски...
- Да я не умею.
- Как-нибудь... "прего, синьоре камерьере, дате мио гляччио вермуто..." Только ударение на "у" ставьте. А то не поймёт.
- Ага! Мерси. Эй ты, смейся паяччио! Дате мио, как говорится, вермуто. Да живо!
- Субито, синьоре, обрадовался итальянец.
 - То-то, брат. Морген фри» [1, с. 70-71].

Или обратная ситуация: венецианские торговцы сувенирами обходились тремя русскими словами: «русс», «карашо» и «купаться».

6. Путевой очерк, как правило, бессюжетен, что связано с хроникальной композицией и отражением живых, непосредственных впечатлений. Смысловое единство «Экспедиции...», как сказано выше, обеспечивают рассказчик, его компаньоны и маршрут их путешествия. Сквозного сюжета нет.

Таким образом, в результате проведенного исследования стало очевидно, что мы имеем дело с особым жанром, задействующим канон путевого очерка, но комически трансформирующим все его формально-содержательные признаки. Мы склонны определить жанр «Экспедиции в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» как комические путевые очерки.

Разумеется, не претендуем на окончательное решение проблемы и открыты для новых дискуссий. В качестве перспективных путей дальнейшего изучения «Экспедиции...» видятся: сравнение её редакций 1911 г. и 1915 г. (первая, например, включает дневниковые записи рассказчика и имеет более сложную композицию), детальный анализ приёмов комического и проч.

Литература

- 1. Аверченко, А. Т. Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова. Петроград: Издание журнала «Новый Сатирикон», 1915. 174 с.
 - 2. Анонс подписной премии на 1911 год // Сатирикон. 1910. № 45. с. 2.
- 3. Евреинов, Н. Н. В школе остроумия: Воспоминания о театре «Кривое зеркало». М.: Искусство, 1998. 366 с.
- 4. Жданов, С. С. Образ Германии в повести А. Т. Аверченко «Экспедиция в Западную Европу сатириконцев: Южакина, Сандерса, Мифасова и Крысакова» // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8-2 (86). С. 235–238.
- 5. Иванова, Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века (тематика, поэтика): автореф. дис... канд. филол. наук: 10.01.01 / Иванова Надежда Викторовна. М., 2010. 24 с.
- 6. Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. М.: Советская энциклопедия, 1962—1978.
 - 7. Мендельсон, М. О. Марк Твен. М.: Молодая гвардия, 1958. 383 с.
 - 8. Миленко, В. Д. Аркадий Аверченко. М.: Молодая гвардия, 2010. 327 с.
- 9. Миленко, В. Д. «Нечто вроде лекции о юморе»: неизвестная рукопись А. Т. Аверченко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 48–63.
- 10. Никоненко, С. С. Комментарии / Аркадий Аверченко. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 2: Зайчики на стене. Рассказы 1910–1911 гг. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 458–460.
- 11. Твен, Марк. Простаки за границей или Путь новых паломников [Электронный ресурс]. URL: https://www.litmir.me/br/?b=93333&p=1
- 12. Туманов, О. Н. Заграничное путешествие русских писателей и публицистов в Западную Европу в конце XIX начале XX вв.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / Туманов Олег Нерусевич. М., 2012. 24 с.
- 13. Хлыбова, Н. А., Краснова, А. О. Генетические особенности путевых дневников и путеводителей // Лингвокультурные пролегомены: мифология, фольклор, религия: сб. науч. трудов. Симферополь, 2017. С. 14–21.

~

УДК 82-7 (Аверченко)

Икитян Людмила Нодариевна

Кандидат филологических наук, главный редактор журнала «Гуманитарная парадигма», Межрегиональный институт развития территорий; Российская Федерация, Армянск

КОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ В ПОВЕСТИ А. Т. АВЕРЧЕНКО «ПОДХОДЦЕВ И ДВОЕ ДРУГИХ»

Предметом анализа в данной статье стала категория «комическое», приёмы и средства художественного воплощения которой рассмотрены на материале повести Аркадия Аверченко «Подходцев и двое других» (1917). Затронуты вопросы структурно-семантической, стилистической, сюжетно-ситуативной специфики комических эффектов в этом произведении. В статье представлена выборка текстового фактажа: сцен, речи персонажей, диалогов, в которых ярко проявляется комическое; все примеры освещены преимущественно в констатирующей манере.

Ключевые слова: Аркадий Аверченко, «Подходцев и двое других», комическое, язык художественной литературы, смех.

Lyudmila N. Ikityan

PhD of Philology science, chief editor of the magazine «Humanitarian paradigm», Inter-regional Institute for Spatial Development (Yalta); Russian Federation, Armyansk

COMIC EFFECTS IN AVERCHENKO'S STORY «PODHODZEV AND TWO OTHERS»

Abstract. The subject of the analysis in this article is the category of «comic», the methods and means of which are discussed on the basis of the material by Averchenko's novel «Podhodzev and Two Others» (1917). The issues of structural-semantic, stylistic, plot-situational specificity of comic effects in this work of the writer are touched upon. The selection of situations, scenes, speeches (dialogues) of the characters, in which comic effects are clearly manifested, is presented predominantly in the stating manner.

Key words: Arkady Averchenko, «Podhodzev and Two Others», comic, language of fiction, laugh.

Для цитирования:

Икитян, Л. Н. Комические эффекты в повести А. Т. Аверченко «Подходцев и двое других» // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 54–69.

– Расскажите что-нибудь смешное! Говорят — вы мастер на это. Аверченко А. Нечто вроде лекции о юморе

> Когда мы были в России — вся Россия смеялась, потому что жизнь — есть смех и творчество. Аверченко А. Нечто вроде лекции о юморе

Имя Аркадия Аверченко имеет стойкую привязку к тому, что мы назвали бы смехо-творением — извлечение смеха из всего виденного, испытанного на себе, услышанного, мыслимого и пр. и созидание смеха во всём, что выводит перо писателя. Смех Аверченко — обоюдоострое оружие¹ (если это применимо к человеку, ни с кем не воюющему): «утробное жизнерадостное» (за что критики ругали нещадно) и при этом подъемлющее на острие юмористической «шпаги» все изъяны человеческой натуры. Не умея быть злым, Аверченко был честен [7] — отсюда и особенности его смеха, и авторская позиция, и творческое кредо. «Короля смеха», имевшего «мужество <...> поставить его [смех — Л. И.] целью, а не средством», награждали и титулом «рыцаря» смеха ²— как человека, всецело отдавшего себя служению «его свободной и независимой стихии» [13].

Художника сильной комической жилки закономерно рассматривать как автора каламбуров, ироничных подтекстов, парадоксов, фарсовых ситуаций, остроумных диалогов пр., всё ЭТО анализировать, обобщать, типологизировать. Однако системное упорядочивание несколько претит Аверченко. Не потому, что писатель не заслуживает осмысления в подобном формате, напротив, «умеренный» интерес к нему исследователей ничего кроме сожаления не вызывает. Однако системно-классификационная, статистикоотчётная, выборочно-вымороченная «атрофия» меркнет (и всегда будет общением с меркнуть) перед непосредственным классиком русской юмористики посредством его сочинений3.

Обращаясь к теме комических эффектов аверченковской прозы, достойной — повторимся — самого серьёзного теоретизирования, хотелось бы наши наблюдения представить без претензий на академизм и исчерпывающую научную аналитику. Несомненно, в работе использованы научные методы — лингвопоэтического, структурно-семантического, стилистического,

 3 «...вместо сухой классификации юмора — будет живое его воплощение в слове...» — принцип самого Аверченко [см. 2, с. 60].

 $^{^{\}scriptscriptstyle 1}$ Ср. с метафорическим определением иронии Е. Замятиным: «Это — оружие европейца, у нас его знают немногие; это — шпага, а у нас — дубинка, кнут» (статья «Новая русская проза»).

² См. Оречкин, Б. Рыцарь Улыбки // Эхо. 1925. № 12 (85). С. 4.

контекстного анализа. Однако соположение оригинального авторского материала с сухими научными формулировками не в пользу последних. Сциентические выкладки могут не только затушевать предмет исследования, но и, что хуже, вызвать аберрации, подобные тем, что, к сожалению, имели место в творческой биографии Аверченко⁴. Всё это определило формат нашей публикации как «обзора» с попыткой непритязательного анализа, но больше — восхищения бойкостью пера «русского чистокровного юмориста».

Итак, если причинами искажённого восприятия раннего рассказа «Праведник» считаются просчёты молодого писателя [подроб. 10, с. 122], то его «зрелая» повесть «Подходцев и двое других» (1917), выросшая из разрозненных рассказов, опубликованных Аверченко в сборниках 1912—1916 гг. и тем апробированных на предмет читательских реакций, уже ни формой, ни содержанием, ни героями никак не может быть воспринята иначе, нежели история об авантюрно-бесшабашной «троице» друзей, «лёгкость бытия» которых осложняют две вещи — хроническое отсутствие средств и моментальное их проматывание в случае появления. Впрочем, повесть всё же о дружестве — союзе людей, основанном на единстве особого рода, а также угрозах ему, коими выступают по-житейски естественные, но для свободных во всех отношениях героев катастрофические вторжения извне, каждое из которых способно стать обстоятельством непреодолимой силы.

В целом, в том, что автором обозначено как «двое других», нами усматривается устойчивая формула «1 + 2», в развитии сюжета проявляющаяся с большой частотностью. Её суть определяется соотношением, подобным нерасторжимому единству вершин треугольника равнобедренного), где угол А противопоставлен стороне с вершинами В и С, угол В — стороне АС, угол С — стороне АВ. Однако, как и треугольник, фигура дружбы героев наиболее устойчива лишь в комбинации А+В+С. В момент же «отпадения» одной из «вершин» ослабевают точки соединения. Например: одно из немногих дел Громова (его отъезд «на завод летним практикантом») сделало жизнь «двух других» (а именно, ничем не занятых Подходцева и Клинкова) «сиротливой» и «унылой» [1, с. 345]⁵; большое состояние Клинкова «автоматически, как нож гильотины» отделило его от «двух других», несмотря на уверения новоиспечённого наследника в безвозмездной трате всего ему вычёркивал принадлежащего (430);наконец, брак из компании

⁴ Речь о «презабавном», в понимании Аверченко, его рассказе «Праведник» (впервые в 1904 г. в «Журнале для всех»), что интерпретировался как трагическое повествование о неприятии косным обществом человека-правдоносца. Во избежание подобного «в дальнейшем юморист стремится исключить возможность сопереживания, за счёт активного использования гиперболизации, фантастики, буффонады, явной неправдоподобности ситуаций, показывая "выдуманность" описываемых событий» [11].

⁵ Ссылки на текст повести далее приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

«несчастного», имевшего неразумие его заключить. Последнее обстоятельство в тексте особо акцентировано. Главу «Вести оттуда» (следующую за повествованием о женитьбе Подходцева) автор начинает горькой преамбулой: «В большой комнате, в которой жило раньше трое, а теперь, после женитьбы Подходцева, только двое, было тихо...» (401). Эта фраза с точки зрения своей информативности избыточна, ибо понятно, что после переезда Подходцева, на прежнем месте проживания друзей остаются только двое. А для продвижения сюжетной линии достаточно конструкции: «В большой комнате (тема) было тихо (рема)». Однако автору важно не то, что понятно без пояснений, ибо логически выводимо из ранее сказанного, сколько передать, точнее, словесно отчеркнуть линию отрыва А от В и С, чему и служит констатация печальной очевидности — «в которой жило раньше *трое*, а теперь <...> *только двое*». Реакция же на анекдотичную, но неотвратимую в своей нелепости женитьбу Громова и вовсе «трагическая». Её автор ироничными заглавиями разделов, посвящённых процессу «сватовства» и свадьбы героя, фиксирует как момент его гибели. От не предвещающего беды названия «Безоблачное небо. Добрый Громов» (Ч. II, гл. XV) Аверченко посредством прямой градации нагнетает до «Небо хмурится. Буря. Громов в опасности» (глава XVI), «Шторм. Громов идёт ко дну» (гл. XVI), наконец, финального «Похороны Громова. Семейное воркование» (гл. XVI). Последнему названию комизма придаёт сочетание «компонентов», слабо соотносимых по смыслу, однако логичных для «двух других», для которых «семейное воркование» их друга равно его смерти. Поэтому следующую за «свадебной» главу автор вновь начинает констатацией разрыва «треугольника» по формуле «один» vs «двое других»: «Клинков и Подходцев занимали в гостинице большой угловой номер с двумя кроватями. Квартиру, в которой жили все трое, сейчас же после свадьбы Громова оставили, мотивируя это тем, что в ней "трупиком пахнет"» (424).

Издательская иллюстрация обложки с силуэтами трёх героев. Слева — первого и единственного прижизненного издания повести в России (Петроград: Изд. журнала «Новый Сатирикон», 1917. 173 с.); справа — её воспроизведение в более позднем издании (Аверченко, А. Т. Подходцев и двое других: Повесть в двух частях. [Харьков]: Космос, [1927]. 170 с.)

Впереди

Конечно, в повести много моментов о единстве и неразрывности вершин A+B+C — по сути, именно они соль повествования. Чего стоят лишь авантюры «троицы» со знакомым Харченко, неоднократно подвергавшимся их небезобидным, но виртуозным, исполняемым в духе «один за всех, и все за одного» розыгрышам! Среди авантюр героев есть место и общему делу, и любви, способных не только разрушать, но и цементировать отношения друзей. Так захватывает их идея издания юмористического журнала; объединяет симпатия к Марье Николаевне Кандыбовой и её дочке Вале. Только первое разрушают цензурные реалии (столь понятные Аверченко-редактору), а другое — в принципе не имеет перспективы, да и прервано более удачливым претендентом на руку и сердце Марьи Николаевны.

Повесть «Подходцев и двое других» — это слепок с жизни трёх соратников по журналу «Сатирикон»: самого́ Аверченко (в тексте —

Подходцев), Алексея Радакова (Клинков) Николая Ремизова (Громов) — с безмятежной молодости «человеческой троицы», волею судьбы сведённой «разными путями к одной и той же точке» (313). К сюжету, главной скрепой которого жизнь предстаёт сатириконцев, Аверченко обращался и ранее — в книге «Экспедиция в Западную Европу...» (1911) и позднее юмористическом романе «Шутка Мецената» случайно, «сотрудники (1925).И не ибо <...> "Сатирикона" одно время были неразлучны друг с другом и всюду ходили гурьбой. Завидев одного, можно было заранее сказать, что сейчас увидишь остальных.

выступал

Прототипы героев повести (слева направо): А. Радаков, Н. Ремизов, А. Аверченко. Фрагмент рекламного фотоплаката журнала «Новый Сатирикон». 1913.

Аркадий Аверченко, крупный, дородный мужчина, очень плодовитый писатель, неистощимый остряк... Рядом шагал Радаков, художник, хохотун и богема, живописно лохматый, с широкими, пушистыми баками, похожими на петушиные перья. ...и над всеми возвышался Ре-Ми (или попросту Ремизов), замечательный карикатурист — с милым, нелепым, курносым лицом. <...> Аверченко, в преувеличенно модном костюме, с брильянтом в сногсшибательном галстуке, производил впечатление моветонного щёголя. Ре-Ми не отставал от него» [14, с. 276]. В «Сатириконе» «атмосфера царила самая товарищеская, несмотря на то что любое мнение и взгляд высказывались в самой резкой определённой форме. Взаимное уважение страховало от обид, а общее увлечение любимой работой сглаживало все шероховатости» [3]. По

круглолицый

воспоминаниям И. Л. Оршера (литературный псевдоним О. Л. Д'Ор), «Аверченко периода "Сатирикона" часто улыбался, и в его улыбке можно было прочесть:

- Я — парень хороший и товарищ отменный... <...> У меня широкая рука: когда что есть — поделюсь. Но своего не спущу. В ресторан же всегда готов...» [Цит. по: 6]. Ресторан, через один из которых одно время пролегал путь в редакцию журнала «Сатирикон», для его сотрудников являлся символической дорогой «к юмору и сатире» [6]: «Сотрудники чаще собирались не в самой редакции, а в отдельном кабинете ресторана. Здесь же оценивали рукопись, здесь доводили рисунки, здесь обсуждали очередные темы» [Там же].

Не могло остаться всё это вне повести, которая воспроизводила жизнь, быт, специфику занятий, стиль общения друзей-сатириконцев. Хотя, избегая вероятности вновь быть воспринятым буквально, Аверченко не создавал подобие «автобиографии», «не стремился по тем же опасениям [11]: правдоподобию» «Юморист любил странные, удивительные происшествия и характеры. Комическое у него строилось на нарушении нормы, причём на нарушении иногда фантастическом, нереальном» [Там же]. Эффект достоверности, создаваемый частым у писателя повествованием от первого лица, вступал в конфликт с беспрецедентностью описываемых событий, вскрывая их иллюзорность, а несообразность изображённого реальному ходу вещей рождала комический эффект. Автор и сам в качестве сущностного признака юмора утверждал «неожиданность» [2, с. 51], намеренно уточняя — «приятная неожиданность, от которой всем хорошо и которая вызывает смех» [Там же, с. 53]. Несоответствие, которое всегда лежит в основе комического, в повести «Подходцев и двое других» находит выражение на всех уровнях текста. Качественным маркёром смеха Аверченко является отказ писателя «от принципа "экономии" комического, которым руководствовалось большинство его предшественников» [11]. И если ранее сатирикам «для сценки хватало одного смешного слова — второе он приберегал для следующей публикации», то «Аверченко, наоборот, старается добиться максимальной концентрации комического. Смешно должно быть всё — сюжет, характеры, реплики, текст от автора...» [Там же]. Поэтому «Аверченко — весь в факте, в сценке, в мелочи, в непритязательном диалоге, в быстрой и естественной импровизации. Он весь на живую нитку. Но именно — живую!..» [6].

В «Подходцеве...» — повести, почти полностью состоящей из разговоров персонажей (чем она очень напоминает сценарий, например, к фильму), языковых комических эффектов (а это и обмолвки героев, речевые каламбуры и нелепицы, и речь не к месту, и воспроизведение особенностей звучащей речи [5]) закономерно много. Первый возникает уже в предваряющем знакомство героев разговоре Подходцева с извозчиком о медлительности его лошади. Стилистический «разнобой» речи участников диалога сразу определяет тональность их общения: иронию главного героя и конфуз его собеседника: «Покупая, ты требовал именно лошадь или сорт имеющего быть всунутым в оглобли животного был безразличен?» (314), — вопрошает Подходцев. Форма деланной наукообразности этой фразы (не столько научный стиль, сколько претензия на заумь, её стилистический «фальсификат») избирается героем по двум причинам. С одной стороны, свойственная реплике перегруженность конструкциями типа «имеющего быть всунутым», «сорт животного» делает её ироничной в связи с избыточностью таких формулировок для обозначения тривиального содержания; с другой стороны, использование стиле-речевых штампов научного дискурса в разговоре с тем, кто заведомо не способен его уразуметь, реализует установку говорящего не на то, чтобы быть понятым, а, наоборот, огорошить собеседника «учёностью». «Туманность» Подходцева и его неуместность в общении с извозчиком закономерно вызывают у того вопрос в ответ, который звучит в не менее стилистически яркой огласовке: «Чаво?» Эту «тональность» подкрепляют просторечные лексемы в речи извозчика, такие как «антирес» (интерес) (316) и «на-кося» (разг. на) (315). Ему вторит многоголосая толпа ругательствами: «Прут на народ. Рази так ездют» (316) и трюизмами: «Надо хорошо ездить, а не плохо ездить надо» (316).

Речь основных героев повести метко охарактеризована одним из них: «Все эти ... остроты, взаимные шпильки. Никогда ... не поговорят, как люди, а всё с вывертом» (367). К числу наиболее эффектных «вывертов» относятся, конечно, каламбуры, большинство которых (и у Аверченко тоже) строятся на омонимии и полисемии:

• «- У меня порядочная дыра на локте.

- –У такого порядочного человека даже дыра на локте должна быть *порядочная...*» (318);
 - «- Может быть, вам *трудно* идти тогда я уступлю вам моего извозчика.
 - Не могу ехать.
 - Почему? Вам трудно сидеть?
 - Да, *трудно*, когда не знаешь, чем заплатить извозчику» (318);
 - «- Убийственная логика.
 - Верно, за неё *убить* мало» (328);
 - «Офицер рассмеялся:
 - А вы, видно, рубаха-парень?!
 - Совершенно верно. Многие до вас тоже находили у меня сходство с *этой* частью туалета» (362–363);
 - «-А где же больная?

Все онемели от изумления.

- Какая больная?
- -Да ведь я специалист по женским болезням.
- <...>
- Здесь есть двое больных. И оба они больны хронической женской болезнью глупостью...» (366).

Игра слов на основе созвучий от частичного совпадения их морфемного состава (парономазия) также имеет место в тексте: «У людей знакомые бывают на крестинах, а у нас на кретинах» (337). Как и переосмысление «корневого» морфа слова в соответствии со случайными созвучиями и совпадениями с другими существующими в языке единицами (в духе народной этимологии):

- «— Сам же затеял это пасхальное торжество и сам же среди бела дня приводишь жрицу свободной любви...
 - Нашли *жрицу*, сказала женщина, входя в комнату и осматриваясь. Со вчерашнего дня *жрать* было нечего» (339);
- «– Ты знаешь, что такое *резон?* <…> Это такой человек, который детей *режет*, когда они пристают к нему с расспросами» (388).

Моделирование фразы у Аверченко само по себе уже «заряжено» комизмом в способе подбора лексики и «подгонке» одних слов с другими. Неожиданными связями в комбинации слов создаётся комическая среда, в которой изначально нейтральное слово звучит смешно, например: «инициатор оплеухой» награждения извозчика (316);«припадки непонятной рассеянности» (362); «лучший специалист по съестному» (363); «ворочая отяжелевшими от римского права мозгами» (363); «истерический припадок любви к измызганному пищавшему малышу» (364). На комическое восприятие неожиданные определения и образов «работают» также «Подходцев, изнемогавший от приступа деликатности» (323), «Картина

смерти была тяжёлая, *потрясающая…*» (349); «три друга, *эскортировавшие* крохотную девочку» (394); «со слезами *бессильного бешенства* на глазах» (422); «жених сидел возле невесты, *как придавленный дубовым бревном*» (421).

Комически экспрессивной оказывается и работа писателя с фразеологизмами. Как, например, контаминация разных смыслов фразеологизма «Мухи дохнут (мрут)» — 1. Прост. Экспрес. Погибают в огромном количестве. 2. Прост. Презрит. Невыносимо скучно:

- «- Это будет чрезвычайно приятный журнал.
- -И полезный в хозяйстве, добавил Подходцев...
- Почему?
- Как средство от мух. <...> Мухи будут дохнуть от ваших рисунков и стихов» (329).

Или сложная смысловая организация диалога при сведении в один контекст выражений «козырной туз», «туз на спину» и многозначного слова «козырь»:

- «- Проигрываем, потому что ты козырного туза держишь в рукаве...
- А у тебя на спине туз скоро будет, всякому свой козырь» $(376)^6$.

Или материализация фразеологизма, точнее одного входящего в его состав «компонента»:

- «- ...Вы на него не обижайтесь, Марья Николаевна, он ведь ни одной женщины не может видеть равнодушно... *Юбки не пропустит!* Один раз написал любовное письмо даже дамскому портному» (384);
- «- Впрочем, может быть, я тут и лишний, кротко и задумчиво сказал Клинков, впадая в лирический тон, -так вы мне в таком случае скажите я уйду.
 - Нет, ты должен быть здесь, строго сказал Подходцев.
 - Почему?
 - Потому что сор из избы обычно не выносится!
 - А у тебя глазки закрываются? спросила Валя, ...изучая лицо Громова.
 - На многое, усмехнулся Громов.

<...>

– А ну, закрой.

Громов закрыл» (385).

Одним из «эффектных» приёмов комизма, представленных на уровне языка, является так называемый сдвиг в логике. Нарушающие разумный ход мысли изменения в высказывании своей курьёзностью обращают особое внимание читателя. Сдвиг в логике возникает в результате неожиданного сочетания слов или необычного поворота мысли, что позволяет взглянуть на

⁶ «Козырной туз» — наивысшая игральная карта; «туз на спину» — нашивка в виде ромба на одежде осуждённых на каторгу; козырь — 1. Карта старшей в игре масти, 2. перен. Преимущество в нужный момент плюс 3. собственно авторский ироничный смысл, так как с случае каторжного заключения слово «козырь» не может означать «преимущество», а, скорее, наоборот.

предмет с новой стороны или продемонстрировать нестандартное мышление героев:

- «-Что, поезд на Киев ещё не ушёл? подлетел Подходцев к начальнику станции.
 - Две минуты тому назад ушёл.

Подходцев вспылил:

- И чёрт вас знает, куда вы так всегда *торопитесь*?! Вам бы только *крушения* устраивать» (372);
 - «-Правильно сказали, многоуважаемый Семён Семёныч!
 - Я не Семён Семёныч, а Василий Власич...
 - Что вы говорите! Никогда бы не сказал по первому впечатлению! (422);
 - «Один человек с таким пронзительным голосом сделал блестящую карьеру <...> Капитан океанского парохода нанял его в пароходные гудки» (368).

В процессе логического «сдвига» нередок эффект обманутого ожидания:

- «-...вчера вечером пили чай.
 - И только? Голый чай?
 - Нет. Громову в стакан попала муха. Так что чай был с варёным мясом» (413);
- «- Громов! Можно надеть твой серый жилет?
 - Нельзя. Он мне сейчас будет нужен.
 - Для чего?
 - Чернилами буду обливать» (400);
- «Да у меня всё сделано, подхватил энергичный Подходцев, похлопывая рукой по свёрткам.
 - Пистолеты?
 - Они самые.
 - Странно, что они имеют бутылочную форму.
 - Новая система. Казённого образца!» (365).

Безусловно, виртуозная работа со словом у Аверченко заключается в живом восприятии его как такого и той «свободе дыхания», которой писатель, по мысли А. И. Куприна, «пользовался без труда», сначала запечатлевая в памяти, а затем воспроизводя «множество лиц, говоров, метких слов и оборотов, включая ... и неуклюже-восхитительные капризы детской речи» [8].

Несколько шире сугубо языкового аспекта интертекстуальный принцип, который также выступает в повести основанием для создания комического эффекта. Комический характер некоторых пассажей создают отсылки к культурным кодам. Таковыми являются как образцы высокой литературы, так и расхожие беллетристические штампы. Например, такая зарисовка, как: «У Клинкова был трагический характер. Каждый час, каждую минуту он был кому-нибудь должен, и каждый час, каждую минуту ему приходилось выпутываться из самых тяжёлых, критических обстоятельств» (363), перекликается с гоголевским текстом: «Ноздрёв был в некотором отношении исторический человек. <...> Какая-нибудь история непременно

происходила...». А выпада в сторону собратьев по перу Аверченко добивается «цитированием» их пошлых клише и ироничным указанием на «сорт» таких литераторов: «Прошло три дня со времени этого тяжкого бракосочетания... Всё это время унылый муж бродил по комнатам, насвистывал мелодичные грустные мотивы, хватался за дюжину поочередно начатых книг и даже "прижимался горячим лбом к холодному оконному стеклу", что по терминологии плохих беллетристов является наивысшим признаком скверного душевного состояния» (422).

По-аверченковски непосредственно (и без нравоучений), мило (но без слащавого умиления) и, как водится, весело изображена в повести сцена празднования Пасхи. В ней автор использует один из симптоматичных для мировой литературы мотивов о блуднице, умело обходя и сентенциозность духовных и назидательных сочинений, и канон святочной литературы, с её раскаявшимися грешниками. В теме пробуждённого в жрице любви «человека», которого способно оскорбить всякое поползновение на его чистоту, сквозит сюжет Достоевского, однако у Аверченко вышла милейшая история великого праздника, встреченного воистину по-христиански (336).

В контекстном плане может быть рассмотрено и название журнала, детища предприимчивых друзей. И это — контекст эпохи. «Апельсин» не только ярко для названия журнала (даже юмористического), не только легко обыгрываемо в разговоре то ли о периодическом издании, то ли о цитрусовой культуре (329–330), но и нарочито «непретенциозно» относительно зловещей «музыки названий» [3] реальных юмористических журналов в России начала XX века: «Молот», «Пулемёт», «Скорпион», «Бич», «Плеть», «Комар», «Живчик», «Пощёчина», «Сигнал», «Жало», «Рвач», «Адская почта», «Жупел», «Жгут», «Оса», «Кнут» и др. Самому Аверченко в молодости пришлось поработать в не менее «острых» харьковских юмористических журналах «Штык» и «Меч». В сопоставлении с такой колюще-жалящебичующей агонией смеха «Апельсин», будь он реальностью, а не художественной выдумкой, явно смотрелся белой (точнее, оранжевой!) вороной.

Не менее колоритно у Аверченко комическое, создаваемое на уровне сюжетной организации текста. Комизм ситуаций повести в недоразумениях (подзадоривание извозчика платой за обгон других извозчиков), неузнавании (розыгрыши Харченко и Кандыбова), странных стечениях обстоятельств и действий (жрица любви и празднование Пасхи), травестизме (изображение двух братьев Громовым) и др. Есть место в повести и сценам, по сути, фарсовым. При всей нелюбви Аверченко к «примитивному, дикарном» «юмору для

дураков»⁷ (который он связывал с кинематографическими трюками: хаотичной беготнёй персонажей, избиениями и падениями — и французским фарсом с распутниками и блудницами всех мастей [2, с. 55, 56]), свои шутки писатель оформлял тоньше, удачно, на наш взгляд, окрестив их как «наглядные аллегории». Например:

- «На следующее утро приступили к составлению второго номера. ...в открытых по случаю духоты дверях стоял околоточный.
- Вот вам тут бумага из управления. По распоряжению г. управляющего губернией издание сатирического журнала "Апельсин" за его вредное антиправительственное направление прекращается.

Трое пошатнулись и, не сговариваясь, как по команде упали на пол в глубоком обморочном состоянии.

Это была наглядная аллегория падения всего предприятия, так хорошо налаженного» (335).

• «– Мои поцелуи не для этого случая. Не для Пасхи-с! Позвольте хоть ручку. Желание его [Клинкова — Л. И.] было исполнено не только Марусей, но и двумя товарищами, сунувшими ему под нос свои руки» (344).

Обилие приёмов, богатство средств выражения комического у Аверченко, бесспорно, велико. Тем не менее в череде сменяющих друг друга подходов, не дающих в отдельных моментах читателю перевести дух, всё же есть место «паузам» — свободным от комического эпизодам. Так, концентрация комического резко снижается в нескольких главах, открывающих вторую часть повести, в которых описывается момент влюблённости героев в Марью Николаевну Кандыбову. В момент знакомства с ней друзья ещё сохраняют бодрость и остроту привычного для их общения «эффектного» языка. Например, обнаружив плачущую на лестничной площадке «незнакомку», Громов отпускает остроту по поводу её носового платка: «Курьёзные вы, женщины... Когда дорвётесь до слёз — море выльете, а платочки у вас, как нарочно, величиной с почтовую марку» (374). А общее знакомство с ней тирадой-представлением сопровождается Клинкова, только характеризующего своих друзей, но и забавно представляющего самого себя:

«...это Подходцев. У этого человека нет ничего святого — иногда он может обидеть даже меня... <...> Пальца ему в рот не кладите — не потому, что он его откусит, а вообще — не заслуживает он этого. <...> Положительные качества у него, конечно, есть. Но рядом со мной он бледнеет. <...> Громов. Сентиментальная душонка, порывается всё время в высоту, несколько раз был даже заподозрен в писании стихов.

⁷ См. рассказ Аверченко «Юмор для дураков» из сборника «О хороших в сущности, людях» (1914) (Аверченко, А. Т. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 5: Сорные травы / Сост., комм. С. С. Никоненко. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 95–99).

За что пострадал. Верит во всё благородное — в меня, например, — и не без основания. Возвышенные свойства его души, однако, не мешают ему быть виртуозом по части добывания денег. <...> А впрочем, и в этом отношении я выше его. К женскому полу равнодушен (идиот!)... <...> Иногда пьёт разные напитки, довольно красив, как видите, чисто одевается. Рядом со мной бледнеет. Теперь перейдём к третьему — ко мне. Но о себе я ничего не скажу: пусть за меня говорят мои поступки» (376).

Забавной и несколько по-водевильному смешной представляется сцена взаимной ревности трёх героев:

- «- Заметили, как она на меня смотрела? спросил Клинков.
- Да, отвечал Подходцев, с отвращением.
- Врёте вы. Она сказал, что напоминаю ей покойного брата.
- -Очень может быть. В тебе есть что-то от трупа.
- Тише! грозно зашипел Громов...

Клинков ревниво захихикал:

"Громов влюблён, или — Дурашкин в первый раз отдал сердце! <...>"» (381–382).

Но впоследствии, когда чувства героев к Марье Николаевне нарастают, но не находят выхода, остроты героев, которые в другое время воспринимались бы как комичные, в ситуации, когда «в воздухе пахнет серой и испорченными настроениями» (392), произносятся надрывно, резко, в попытке грубостью замаскировать чувство нежности и привязанности, например, по отношению к маленькой Вале, дочке героини:

«Клинков <...> сказал с озабоченным видом:

– Если девчонка проснётся <...> и начнёт плакать, заткните её рот мармеладом... <...> А то терпеть не могу этого визга. <...> ...если такое сокровище раскричится, так и через три улицы слышно!..» (392).

В целом, в контексте повести о настоящей мужской дружбе⁸ «женский вопрос» самый, что называется, болезненный. Момент отказа одного из трёх от холостой жизни либо предпиковый, как в случае женитьбы Подходцева (к радости друзей, счастливо разрешившийся), либо кульминационный (брак Громова) и уже неотвратимо переломный в судьбе героев. Поэтому и шутки друзей относительно женщин, любви, брака, хотя и составлены по «схеме» типичных острот героев, но звучание имеют напряжённое: в одном случае, вскрывают сложные моменты их реальной жизни, о которых те невольно проговариваются (см. ниже — 1), в другом, оказываются горьким предзнаменованием⁹ (см. 2). Например:

1. Клинков:

⁸ Аверченко о книге: «В этом романе я не воспеваю любовь мужчины к женщине, ту любовь, что быстро проходит — я пою гимн чистой дружбе, вечной и непреходящей» [Цит. по: 9, с. 85].

⁹ Громовым «угадана» несколько мещанская привычка называть супругов иностранными аналогами их имён. В своём «спиче» Громов выбрал имя Жан (русское Иван), жена же Подходцева будет называть его Боб (сокращённое от Роберт), хотя имя Подходцева — Александр (403).

«Ты думаешь, это шутка — жена? <...> Пришёл пьян — бац лампой по голове! Завёл интрижку — бац тарелкой по спине. Сидишь дома — нервы, вышел из дому — истерика. А в промежутках — то у неё любовник сидит, то она платье переодевает, то ей какое-нибудь там кесарево сечение надо делать» (399);

2. Громов:

«А не приходило тебе в голову, Подходцев, такое: просыпаешься ты утром после свадьбы — глядь, а сбоку чужая женщина лежит. И сам ты не заметил, как она завелась. То да се — хочешь ты к нам удрать — "нет-с, говорит, постойте! Я твоя мужняя жена, и ты из моих лап не вырвешься". Ты в кабинет — она за тобой; ты на улицу — она за тобой. Ночью пошёл в какой-нибудь чуланчик, <...> чтобы хоть на полчаса одному побыть — не тут-то было! Открывается дверь, и чей-то голос пищит: "Ты тут, Жанчик? Что же ты от меня ушел? Ну, я тут с тобой посижу! Зачем ты меня одну бросил, Жанчик?" Ну, конечно, ты ей возразишь: "Да ведь двадцать-то пять лет ты жила же без меня, дрянь ты этакая?! Почему же сейчас без меня минутки не можешь? — "Нет, Жанчик, — скажет она, — надо было бы тебе на мне не жениться... Раз женился — так тебе и надо!" Повеситься захочешь, и то не даст — из петли вынет, да ещё поколотит оставшейся свободной верёвкой: "Как, дескать, смел, паршивец, вдову без прокормления оставлять!"» (400).

В результате тяжело переживаемого героями момента расставания они приходят к выводу, что при отсутствии поводов к шутке (а таковым им видится женитьба Подходцева) сам источник юмора и острословия иссякает:

«По уходе его [Подходцева — Л. И.] Клинков тяжело встал с кровати, подошёл к зеркалу и с плаксивой миной стал разглядывать себя.

- ...Охота тебе всякую дрянь разглядывать! Уж не думаешь ли и ты жениться?..
- Стареем, брат, мы... ...у меня уже седые волосы на висках появились.А с рёбрами благополучно?
- С какими ребрами?
- Беса в ребре не ощущаещь?
- Какого беса?
- Ну, говорят же: седина в бороду, а бес... и так далее.

Клинков кротко, печально улыбнулся.

- Не острится нынче что-то...
- Голова не тем наполнена.
- Ну, в отношении себя ты преувеличиваешь. <...> Она у тебя ничем не наполнена.
- Нет, Клинков, улыбнулся Громов ещё печальнее, чем давеча Клинков. И у тебя ничего не получается. Не остри, брат.
 - Плохо вышло?
 - Чрезвычайно.
 - Да, действительно. Что-то не то...» (401).

Диалоги героев и ситуации в последних главах повести практически лишены комизма — в повествовании выдержана нота недоговорённости и скрываемого ею напряжения, которое ещё сильнее акцентируют попытки друзей острить по-прежнему непринуждённо. Юмор здесь словно «погружается в неподвижность» (442), как и центральный герой Подходцев в финале повести в ожидании возвращения друзей, а с ними и лучших времён.

Однако при всём очевидном смешении стихии бесшабашного юмора и ноты грусти, а возможно, и неизбывной конечности «лёгкого бытия», комическое в повести всё же нельзя характеризовать как «смешное в страшном», как многое Аверченко после 1917 года (например, созданного Простодушного»). Финал повести самим автором обозначен в предисловии к сербскому её изданию (8 июля 1922 года) довольно оптимистично: «Роман "Подходцев и другие" закончен; слово "конец" написано. Однако я оставил маленькую щёлочку, через которую снова смогу усталым оком подсмотреть какими путями пойдут дальше Подходцев и его друзья» [Цит. по: 9, с. 85]. Возможно, об этом был бы роман, задуманный Аверченко в Праге, где писатель окончательно «осел» после скитаний по Европе. Возможно... Хотя ещё в одном образце столь редкой у этого писателя крупной прозы, его финальном романе «Шутка Мецената» (1925), при похожей попытке воскресить весёлый смех и «сатириконовскую» атмосферу 1910-х годов уже «отчётливо звучит ностальгия по утраченному душевному миру, по петербургской жизни» [3].

В смехе Аверченко, если представить его в виде идеальной фигуры сферы, совмещено множество радиальных его точек вплоть до диаметрально "гы-гы-гы"» противоположных, таких как «здоровое интеллигентское "xe-xe"» [3]. Книги писателя обладают контрастными чертами характера их сочинителя — «внешней беспечностью» и «внутренней серьёзностью» [13]. Эта внутренняя серьёзность явственно прорывается сквозь игриво-комичную ткань повествования в книге «Подходцев и двое других». Не предвещающий вначале никакого надрыва рассказ о встрече таких непохожих, но единых в страхе перед скукой жизни и одиночеством героев в финале оставляет горькое послевкусие. При этом повесть можно считать как историей драмы человека, противостоящего всему, что способно помешать ему наслаждаются жизнью, так и повествованием о чистых сердцем чудаках, которым всегда везёт и многое сходит с рук. И все эти полюсы аверченковского смеха не противоречие, а синтез, что лежит в основе высокого юмора, где общий «баланс» положительных И отрицательных для воспринимающих его не опасен, даже приятен и вызывает чувство удовольствия [4].

Представленный нами разбор комических эффектов повести Аверченко «Подходцев и двое других» далеко не полный, не претендует на академический, лишь демонстрирует «эффектный» во всех отношениях язык Аркадия Аверченко. А он и вне классификаций и схем представляет собой самодостаточную систему ярких слово-смыслов и фразо-острот, понятных если не всем, то максимально широкой аудитории читателей. Как «первый защитник прав смеха» [13], «рыцарь улыбки» Аверченко — писатель подчёркнуто смеховой творческой и, без сомнения, личностной ориентации.

Литература

- 1. Аверченко, А. Т. Подходцев и двое других // Аверченко, А. Т. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 9: Позолоченные пилюли / Сост., комм. С. С. Никоненко. М.: Дмитрий Сечин, 2014. С. 313–442.
- 2. Аверченко, А. Т. Нечто вроде лекции о юморе / Публикация, вступ. ст. и коммент. В. Д. Миленко // Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (8). С. 51–63.
- 3. Андраша, М. Я. Ave, Аверченко // Аверченко Аркадий Тимофеевич. Хлопотливая нация: Юмористические произведения / Сост. М. Андраша. М.: Политиздат, 1991.
- 4. Бондаренко, Н. Г. Языковые средства создания комического эффекта в анекдоте // Филология и лингвистика в современном мире: материалы I Междунар. науч. конф. (июнь 2017 г., Москва). М.: Буки-Веди, 2017. С. 56–59.
- 5. Гнидина, А. Т. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Уральского гос. педагог. ун-та, 1996. 225 с.
- 6. Горелов, П. Чистокровный юморист: вступ. ст. // Аверченко Аркадий Тимофеевич. Рассказы / Сост. П. Горелов. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 6–12.
- 7. Горный, С. «Сатирикон» (Силуэт). Аркадию Аверченко // Руль. 1925. № 1301. 14 марта. С. 3.
- 8. Куприн, А. И. Аверченко и «Сатирикон» // Сегодня. 1925. № 72. 29 марта. С. 10.
- 9. Миленко, В. Д. А. Т. Аверченко в Белграде: новые факты и неизвестные тексты // Гуманитарная парадигма. 2018. № 3 (6). С. 77–89.
- 10. Николаев, Д. Д. Поэтика комического (рассказ А. Т. Аверченко «Праведник») // Slavica Revalensia. 2017. Vol. IV. C. 113–146.
- 11. Николаев, Д. Д. Русский юморист (А. Т. Аверченко) [Электронный ресурс] / lit-info.ru: офиц. сайт. URL: http://averchenko.lit-info.ru/averchenko/kritika-ob-averchenko/nikolaev-yumorist-averchenko.htm
- 12. Николаев, Д. Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики : автореф. ... канд. филол. наук : 10.01.02. Москва, 1993. 24 с.
 - 13. Пильский, П. А. Т. Аверченко // Сегодня. 1925. N° 60. 15 марта.
- 14. Чуковский, К. И. Саша Чёрный // Чуковский, К. И. Собрание сочинений: в 15 т. Т. 5: Современники: Портреты и этюды / Сост., коммент. Е. Чуковской. 2-е изд., электрон., испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. С. 276–295.

~

ЗНАКОМЫЙ НЕЗНАКОМЕЦ:

НОВОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ АРКАДИЯ АВЕРЧЕНКО¹

В 2012—2017 годах московская издательская компания «Дмитрий Сечин» осуществила публикацию 13 томов нового Собрания сочинений Аркадия Аверченко. Этой небольшой, но уже не раз демонстрировавшей умение решать непростые издательские задачи компанией проделана огромная работа, непростая даже для академических научных организаций. Одним из «дерзких» проектов издательства «Дмитрий Сечин», специализирующегося на выпуске многотомных собраний произведений известных писателей, поэтов,

философов, эпистолярия художников, стали произведения Аркадия Аверченко. Как впоследствии оказалось, весьма востребованные современным читателем.

Предпринятое в наши дни издание сочинений «короля смеха» — третье по счёту: первое Аверченко успел

¹ Аверченко, Аркадий. Собрание сочинений: в 13 т. М.: Дмитрий Сечин, 2012–2017. Фото: портрет Аверченко на фронтисписе его сборника «Сорные травы» (под псевдоним Фома Опискин). Санкт-Петербург. Издание журнала «Новый Сатирикон». 1914. В новом издании это фото использовано для иллюстрирования 5 тома.

выпустить сам, в 1923–1925 гг., на чешском языке, в пражском издательстве «Josef R. Vilímek» [подроб. 3]; второе увидело свет много лет спустя на родине писателя в 1999 году (издательство «TEPPA») и выдержало два переиздания (2007, 2014). В основном они представляли собой перепечатку авторских сборников рассказов.

Новое издание наиболее полное на сегодня собрание сочинений Аверченко — об этом свидетельствует как количество томов, так и их содержание. Многое из представленного в серии «восстановлено» первоначальном авторском объёме, значительное — впервые переиздано после столетнего интервала, немало и вовсе неизвестного читателю, не включённого писателем в прижизненные сборники или не опубликованного им в периодических изданиях. С этой целью инициатором новейшего издания, а составителем и комментатором большинства томов Станиславом Степановичем Никоненко (кстати, одного из первых в советское время публикаторов А. Т. Аверченко [4]) и привлечёнными к сотрудничеству Викторией Дмитриевной специалистами Миленко (T. (комментарии)), Анной Евгеньевной Хлебиной (Т. 13) — были подняты с полок И систематизированы разрозненные архивных материалы отечественных (киевских, севастопольских, ростовских) и зарубежных (константинопольских, пражских) газет и журналов 1918 — начала 1920-х годов. В составе собрания и дореволюционные публикации Аверченко, как, например, выпуски Дешёвой юмористической библиотеки «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» (Т. 6 и Т. 13), Художественно-юмористический календарь-альманах за 1914 год (Т. 5), сборник «Одесские рассказы», впервые здесь напечатанный полностью (Т. 2), и произведения эмигрантского периода творчества писателя, покинувшего родину в ноябре 1920 года: одноактные пьесы, например, «Хвост женщины», «Одесский язык», «Сила красноречия» и др. (Т. 8) и впервые публикуемая на родине писателя книга «Рай на земле» (1922) (Т. 12). В современном издании обнародованы также тексты из европейской периодики, напечатанные, к сожалению их автора — русского (!) писателя — «по-чешски, по-немецки, по-румынски, по-болгарски, по-сербски» [см. 2]: так, в 8 томе впервые издана на русском языке пьеса «Игра со смертью» (1919–1923); а 13 том украсили неизвестные русскому читателю материалы из пражской газеты «Prager Presse». А 11 том «Салат из булавок» практически полностью составлен из публикаций Аверченко, никогда не включавшихся автором в сборники или переиздаваемых впервые после их публикации в 1918-1920, 1922 годах. Вероятно, особую знаковость материалы этого тома имеют для крымчан, ибо преимущественно здесь представлена публицистика Аверченко беженских и эмигрантских лет из севастопольской и симферопольской прессы 1919-1920 годов.

Работа по поиску «труднодоступных материалов, которые находятся в библиотеках, архивах, частных коллекциях» представляется издателю Дмитрию Ефимовичу Сечину наиболее сложной в процессе подготовки собраний сочинений [1]. И именно этот трудоёмкий момент повлиял на то, что издание многотомника Аркадия Аверченко, вначале шедшее, по свидетельству Д. Сечина, легко, затормозилось в определённый момент — «пока ... не добрались до двух последних томов с рассказами из "Нового Сатирикона" и газет эпохи революции и Гражданской войны, где они зачастую были напечатаны под разными псевдонимами. Эти рассказы надо собирать

Автограф Аркадия Аверченко. Фото разных лет, использованные для иллюстрирования Собрания сочинений в 13 томах. Коллаж Л. Икитян

по крупицам в разных архивах и библиотеках» [1]. Однако сотрудничество издательства со специалистами-энтузиастами, постоянный контакт с научными центрами и другими издательствами, не позволил работе прерваться и дало на выходе серьёзное, стремящееся к максимально полному Собрание сочинений, тщательно и основательно проработанное всеми участниками данного проекта.

Итак, перед нами качественное издание в твёрдой бордового цвета обложке с тиснением серебром. В новой версии сохранён традиционный для большинства многотомных собраний сочинений хронологический принцип расположения материала. Новейшая аверченковская серия включает:

•		•
4	Том 1: Весёлые устрицы. Рассказы 1908–1910 гг. (2012)	*
*	Том 2: Зайчики на стене. Рассказы 1910–1911 гг. (2012)	4
4	Том 3: Круги по воде. Рассказы 1911–1912 гг. (2012)	*
*	Том 4: Чёрным по белому. Рассказы 1912–1913 гг. (2012)	4
*	Том 5: Сорные травы. Рассказы 1914–1915 гг. (2012)	4
*	Том 6: О маленьких – для больших. Рассказы 1914–1915 гг. (2014)	*
*	Том 7: Чёртова дюжина. Пьесы и монологи 1911–1913 гг. (2013)	4
4	Том 8: Чудаки на подмостках. Пьесы и инсценировки 1914–1924 гг. (2013)	*
4	Том 9: Позолоченные пилюли. Рассказы, не вошедшие в сборники	*
	1909–1917 гг. (2014)	
*	Том 10: Почтовый ящик «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» (2017)	4
4	Том 11: Салат из булавок. Рассказы из газет и журналов 1917–1920 (2015)	公
*	Том 12: Смешное в страшном. Рассказы 1920-1923 гг. (2014)	*
*	Том 13: Рассказы циника. Рассказы 1924–1925. Шутка мецената (2015)	*

Несомненным достоинством тринадцатитомника является дополнение текстов Аверченко так называемыми свидетельствами эпохи. В приложения

составителями собрания сочинений включены материалы, связанные с театральной деятельностью Аверченко, воспоминания о нём современников, его письма в редакции и пр., — всё то, что даёт возможность расширить представление о том или ином периоде творчества писателя.

Весомым вкладом в создание полновесного представления о жизни Аверченко стала выпущенная в 2013 году тем же издательством монография

Анны Хлебиной и Виктории Миленко «Аркадий Аверченко: Беженские и эмигрантские годы (1918-Книга рекламируется издателем 1925)». приложение (или дополнительный том) к собранию, поэтому и дизайн — одинаковый. В ней устоявшиеся мифы биографии переосмысливаются писателя авторами на уникальных публицистических, мемуарных и эпистолярных материалах российских и зарубежных архивов. Книга иллюстрирована фотографиями и документами из архива Аркадия карикатурами ИЗ журналов «Новый и «Барабан» (оба — Петербург) и Сатирикон» «Зарницы» (Константинополь).

Живой читательский и исследовательский интерес к осуществлённому в 2017 году Собранию сочинений А. Т. Аверченко побудил издателя Дмитрия Сечина продолжить его новой серией — «Аверченко: Несобранное». Выход дополнительного 14-го тома, в который войдут материалы журнала «Сатирикон» за 1908–1909 гг., ожидается в этом году.

Литература

- 1. Алексеенко, Василий. Серебряный век Дмитрия Сечина: интервью с издателем [Электронный ресурс] // Год литературы.РФ : сайт. 2016. 22 сентября. URL: https://godliteratury.ru/projects/serebryanyy-vek-dmitriya-sechina
- 2. Андраша, Михаил. Ave, Аверченко: вступ. ст. // Аверченко, А. Т. Хлопотливая нация: юмористические произведения / Сост., предисл., примеч. М. Андраши. М.: Политиздат, 1991. 463 с.
- 3. Бельговский, К. Как работал Арк. Аверченко (от пражского корреспондента «Сегодня» // Сегодня Вечером (Рига, Латвия). 1925. № 68. 25 марта. С. 2.
- 4. Никоненко, С. С. Аркадий Аверченко: вчера, сегодня, завтра: вступ. ст. // Аверченко, А. Т. Собрание сочинений: в 13 т. Т. 1: Весёлые устрицы / Сост., подгот. текста и коммент. С. С. Никоненко. М.: Дмитрий Сечин, 2012. С. 5–26.

Редакция

Методика преподавания

УДК 372.881.161.1

Хоменко Елена Викторовна

Кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература», Гуманитарно-педагогический институт, ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; Российская Федерация, Севастополь, e-mail: nikita1390@ya.ru

РАЗВИТИЕ ЛЕКСИЧЕСКИХ УМЕНИЙ У ОБУЧАЮЩИХСЯ основной школы

статье обоснована важность развития лексических умений у учащихся основной школы. Представлен комплекс лексических упражнений, разработанных в соответствии с психологическими этапами усвоения знаний (рецептивные, репродуктивные, аналитические, конструктивные, творческие). Приведены примеры этих упражнений.

Ключевые слова: лексические умения; рецептивные, репродуктивные, аналитические, конструктивные творческие и упражнения, учащиеся основной школы.

Elena V. Khomenko

PhD of Philology Science, Associated Professor of Department of Russian language and Russian literature, Humanitarian and Pedagogical Institute, Sevastopol State University; Russian Federation, Sevastopol

DEVELOPMENT OF LEXICAL SKILLS OF STUDENTS OF THE PRIMARY **SCHOOL**

Abstract. The article substantiates the importance of the development of lexical skills in primary school students. The complex of lexical exercises developed in accordance with the psychological stages of knowledge assimilation (receptive, reproductive, analytical, constructive, creative) is presented. Examples of these exercises are given.

Key words: lexical skills; receptive, reproductive, analytical, constructive and creative exercises, primary school students.

Для цитирования:

Хоменко Е. В. Развитие лексических умений у обучающихся основной школы // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 75–81.

Формирование лексических умений у учащихся основной школы — одна из важнейших проблем, стоящих перед учителями-практиками. Это обусловлено тем, что именно со знакомства со словом, его значением начинается введение учащихся в духовный мир народа, в мир национального языка. Лексические знания и умения помогают школьникам усваивать нормы литературного языка, овладевать качествами хорошей речи, свободно выражать свои мысли в устной и письменной форме, легко устанавливать и поддерживать контакт с окружающими людьми. Иными словами, лексические умения лежат в основе формирования коммуникативной компетенции, т. е. способности учащихся правильно и грамотно общаться с людьми в различных жизненных ситуациях.

В понимании терминологического сочетания «лексические умения» считаем целесообразным опираться на требования школьной программы [2; 4]. Все лексические умения, которыми овладевают школьники, можно объединить в четыре основные группы. К первой группе относятся умения толковать лексическое значение известных учащимся слов, фразеологизмов, определять лексическое значение слова, фразеологизма в предложении. Вторая группа умений связана с опознанием и подбором изученных групп слов: это умения находить в тексте синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, устаревшие слова, фразеологизмы и определять их функции. В третью группу входят умения по использованию изученных языковых единиц в речи: употреблять известные слова в свойственном им значении, использовать синонимы, антонимы, омонимы, паронимы, многозначные фразеологизмы в собственных устных и письменных высказываниях. И, наконец, в четвёртую группу входят умения пользоваться различными типами лингвистических словарей.

Ведущим методом развития лексических умений учащихся является метод упражнений. Напомним, что упражнение — это «многократное, повторное выполнение умственных или практических действий с целью овладения этими действиями, выработки навыка их выполнения» [5, с. 164]. Считаем, что при разработке видов лексических упражнений важно учитывать теорию поэтапного формирования умственных действий П. Я. Гальперина [1]. Полагаем, что такой подход может быть реализован в выделении шести видов упражнений: рецептивных, репродуктивных, аналитических, конструктивных и творческих.

Рецептивные упражнения направлены на восприятие и узнавание изученных лексических единиц, определение их функциональной роли в тексте, обеспечивают формирование у школьников опознавательных действий, развитие лексической зоркости. Приведём примеры подобных упражнений.

Упражнение 1. Вы уже знаете, что существует несколько способов, которые помогают объяснить лексическое значение слова: а) нарисовать то, что обозначается словом; б) подобрать к слову синонимы; в) назвать его отличительные признаки; г) объяснить через ближайшее родственное слово. Среди предложенных примеров найдите те слова, значение которых объясняется с помощью ближайшего родственного слова. 1. Собака — домашнее животное семейства псовых. 2. Медведь — крупное хищное млекопитающее с длинной шерстью и толстыми ногами. 3. Медвежонок — детёныш медведя. 4. Храбрый — смелый, бесстрашный, мужественный. 5. Сероватый — чуть-чуть серый. 6. Грустный — печальный, нерадостный, унылый. 7. Дзюдоист — тот, кто занимается дзюдо. 8. Подснежник — цветок, который растёт под снегом. 9. Страх — ужас, боязнь, трепет. 10. Строитель — тот, кто что-то строит.

Упражнение 2. Вы уже знаете, что лексическое значение слова можно посмотреть в толковом словаре. Каждое слово описывается в отдельной словарной статье, которая включает в себя: 1) заглавное слово; 2) толкование значения слова и примеры его употребления; 3) производные слова; 4) грамматические и стилистические пометы. Прочитайте словарную статью слова скоморох. Найдите в ней все структурные компоненты словарной статьи.

Скоморо́х, -а, м. 1. В Древней Руси: певец-музыкант, бродячий комедиант, острослов и акробат. 2. *Перен*. Несерьёзный человек, потешающий других своими шутовскими выходками (разг. неодобр.) // прил. **скоморо́ший**, -ья, -ье и **скоморо́шеский**, -ая, -ое [3, с. 722].

Упражнение 3. Прочитайте и найдите в тексте многозначные слова. Объясните их лексическое значение.

Класс может быть в школе не только первым, шестым или десятым, но и интересным, шумным, хорошо успевающим (это уже о ребятах), а также светлым, уютным и чистым (а это — о комнате, в которой идут занятия).

Репродуктивные упражнения содействуют усвоению системы умственных действий, необходимой для выполнения определённой практической задачи. В этих упражнениях обязательным компонентом является наличие образца, опираясь на который учащиеся выполняют задание. Приведём примеры подобных упражнений.

Упражнение 1. Прочитайте текст. Опираясь на справочный материал, объясните лексическое значение выделенных слов, используя один из двух

предложенных способов: а) подбор синонимов; б) через ближайшее родственное слово.

Образец выполнения: снегопад — это выпадение снега из облаков (через ближайшие родственные слова, так как слово сложное). После **снегопада** вся земля **покрывается пушистым** белым снегом. На **безоблачном** небе ярко **сверкает** солнце. **Голубоватые** от солнца тени деревьев ярки, как на экране. **Школьники** любят в такую погоду лепить **снеговика**, а **лыжники** кататься с высокой горы.

Справочный материал: чистый, ясный, светлый; чуть-чуть голубой; мягкий, рыхлый, пышный; выпадение снега из облаков; скульптура из снега; одевается, застилается, укрывается; блестит, светится, переливается; тот, кто ходит на лыжах, занимается лыжным спортом; те, кто учатся в школе.

Упражнение 2. Прочитайте предложения. Опираясь на «Словарь русского языка» С. И. Ожегова, определите лексическое значение выделенных слов. Помните, чтобы найти в словаре нужное слово, его надо поставить в начальную форму, а затем найти в словаре соответствующую букву и нужное слово.

Образец: божеством — н.ф. — божество. Божество — это бог.

1. Верховным **божеством** наших предков был Перун. 2. Слышал ли ты что-нибудь о **геральдике**? 3. Прекрасно, если человек внешне красивый, **пригожий**, элегантный. 4. Умеете ли вы отличать **тактичность** от вежливости? 5. В шестилетнем возрасте Моцарт **виртуозно** владел скрипкой.

Упражнение 3. Охарактеризуйте животных — героев сказок и басен с помощью антонимов-прилагательных. Образец: Волк простодушный, а лиса хитрая.

Лев — заяц (по храбрости); муха — слон (по величине); ягненок — волк (по силе); лисица — ворона (по уму); стрекоза — муравей (по трудолюбию).

Упражнение 4. Подберите, пользуясь «Словарём русского языка» С. И. Ожегова по 2 примера однозначных и многозначных слов.

Аналитические упражнения предполагают отработку у учащихся навыков анализировать, определять и дифференцировать лексические явления. К ним относятся упражнения, включающие в себя анализ, группирование, классификацию, сравнение и сопоставление языковых единиц. Большую роль аналитические упражнения играют при обобщении и обобщенном повторении. Примеры упражнений.

Упражнение 1. Прочитайте слова. Какие из предложенных слов нельзя объяснить через ближайшее родственное слово. Обоснуйте свой ответ. Безоблачный, облако, облачко, лесоруб, лес, лесник, сахар, сахарница, сахарный, дерево, деревянный, вода, подводный, ворона, воронёнок, чёрный, черноватый, чернить.

Упражнение 2. Прочитайте словарные статьи к слову *ключ*. Какую информацию о слове вы узнали?

Ключ ¹, -а, м. 1. Металлический стержень для отпирания и запирания замка. Запереть на ключ. 2. Перен. То, что служит для разгадки, понимания чего-нибудь. Ключ к шифру. 3. Знак в начале нотной строки, определяющий высоту нот (спец.). Музыкальный ключ [3, с. 279].

Ключ 2 , -а, м. 1. Вытекающий из земли источник, родник. *В овраге бьют ключи* [3, с. 280].

Упражнение 3. Пользуясь «Словарём русского языка» С. И. Ожегова, определите, какие из слов являются многозначными, а какие — однозначными.

Свежий, добрый, ручей, играть, тяжёлый, пылесос, хлопать, десять.

Конструктивные упражнения ориентируют на конструирование, моделирование, трансформацию, дополнение, синонимическую замену, сознательный выбор тех или иных лексических единиц с учётом требований речевой ситуации. Примеры упражнений.

Упражнение 1. Дополните словосочетания нужными по смыслу словами из справочного материала. Объясните, почему вы выбрали именно эти слова.

Свежая (ий) ... (в значении «новая (ый)»). Свежая (ий) ... (в значении «прохладная (ый)»). Свежая (ий) ... (в значении «чистая (ый)»). Свежая (ий) ... (в значении «только что сорванная (ый)»). Свежая (ий) ... (в значении «доброкачественная (ый)»).

Справочный материал: газета, фильм, обои, бельё, молоко, говядина, роза, утро, ветер.

Упражнение 2. Дополните словосочетания нужными по смыслу словами из скобок. Объясните, почему вы выбрали именно эти слова.

Воздушный... (за́мок, замо́к); велосипедный ... (за́мок, замо́к); (компания, кампания) ... друзей; избирательная ... (компания, кампания); немецкий ... (дог, док); корабельный ... (дог, док); (косный, костный) ... ум; (косный, костный)... мозг; (па́рить, пари́ть) ... в бане; (па́рить, пари́ть) ... в воздухе; вкусный ... (и́рис, ири́с); дивный ... (и́рис, ири́с); дверной ... (порог, порок); (порок, порог) ... сердца; вкусное (жарко́е, жа́ркое); (жарко́е, жа́ркое)... лето; выпей ... (чайку́, ча́йку); посмотри на... (чайку́, ча́йку).

Упражнение 3. Прочитайте пословицы, добавляя пропущенные антонимы.

1. Легко подружиться, ... разлучиться. 2. Умный научит, ... наскучит. 3. Не для того живём, чтоб есть, а для того едим, чтоб 4. Не мудрено начать, мудрено 5. Добрые дети — дому венец, ... дети — дому конец. 6. Смелый там найдёт, где ... потеряет. 7. В долг брать ..., да платить тяжело. 8. Много шума, да ... толку. 9. Недорого начало, дорог 9. Труд кормит, а ... портит. 10. Слово серебро, а молчание 11. Знайка по дорожке

бежит, а незнайка на печке 12. Летом не вспотеешь, так и ... не согреешься. 14. Что посеешь, то и

Слова для справок: дурак, лень конец, жить, мало, злые, тяжело, робкий, кончить, легко, золото, лежит, зимой, пожнёшь.

Упражнение 4. Соберите из данных структурных компонентов словарную статью к слову *микроклимат*.

1. Особенности климата на небольшом	// прил. микроклиматический, -	
участке земной поверхности.	ая, -ое	
Нравственный микроклимат.	2. Перен. Обстановка,	
	взаимоотношения в небольшом	
	коллективе, в семье.	

Творческие упражнения нацелены на активизацию изученной лексики и формирование у школьников умения правильно и уместно употреблять эту лексику с учётом её смысловых и стилистических особенностей в собственных устных и письменных высказываниях разных типов. Приведём примеры подобных упражнений.

Упражнение 1. Составьте предложения со словами-омонимами. Покажите разницу в значениях этих слов. Мина (снаряд) — мина (лицо); рысь (хищное животное) — рысь (бег лошади); дача (место отдыха) — дача (от глагола давать); ключ (родник) — ключ (дверной); наряд (одежда) — наряд (документ); лук (растение) — лук (оружие); коса (причёска) — коса (орудие труда).

Упражнение 2. Составьте и запишите словарную статью к слову молния.

Упражнение 3. Составьте и запишите предложения, употребляя слова в каждом из указанных значений.

 $3a\partial aua-1$) то, что требует исполнения, разрешения; 2) упражнение, которое выполняется посредством умозаключения, вычисления.

Kopehb-1) подземная часть растения, служащая для укрепления его в почве; 2) внутренняя, находящаяся в теле часть волоса, зуба, ногтя; 3) основная значимая часть слова.

Ручка-1) часть предмета, за которую его держат или берутся рукой; 2) письменная принадлежность.

Упражнение 4. Представьте, что вам нужно описать грозу. Адресат речи — ваши одноклассники. Подберите глаголы-синонимы, с помощью которых можно рассказать о приближении грозы; подумайте, какие слова вы употребили бы в переносном значении. Составьте устное высказывание.

Упражнение 5. С помощью словаря антонимов подберите антонимы к выделенным словам. Составьте рассказ о дружбе, используя данные словосочетания. Запишите его.

Жалкий **трус**, **тихий** разговор, прыгает **высоко**, **хитрый** взгляд, **бурные** ручьи, **надежный** друг, **преданный** взгляд.

Упражнение 6. Прочитайте предложения, передавая разные чувства человека: радость, огорчение, удивление. Используя данные предложения, напишите две миниатюры, в одной из которых выражена радость, в другой — огорчение. Уместно используйте слова в переносном значении.

Выпал снег. На улице мороз. Скоро каникулы.

Важным вспомогательным средством формирования у учащихся лексических умений являются толковые словари. Самым распространённым является однотомный словарь русского языка Сергея Ивановича Ожегова [3]. Приведём примеры заданий, направленных на формирование умения работать с толковым словарём: 1) найдите слово в толковом словаре, укажите его значение; 2) найдите слово в словаре, определите, однозначное слово или многозначное; 3) найдите слово в словаре, определите, какие из его значений прямые, а какие переносные; 4) прочитайте определение слова и найдите это слово в словаре.

В заключение отметим, что овладение лексическими умениями является одним из важнейших условий реализации принципа коммуникативной направленности школьного лингвистического образования. Именно поэтому так важно формировать у школьников интерес к слову, его форме и значению; воспитывать у них стремление расширять и обогащать свой словарный запас.

Литература

- 1. Гальперин, П. Я. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий // Исследование мышления в советской психологии. М.: АПН СССР, 1966. С. 236—277.
- 2. Канакина, В. П., Горецкий, В. Г., Бойкина, М. В. Русский язык. Программа и планирование учебного курса. Предметная линия учебников системы «Школа России». 1–4 классы : пособие для учителей общеобразоват. организаций. М. : Просвещение, 2011. 352 с.
- 3. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Русский язык, 1990. 921 с.
- 4. Русский язык. 5—9 классы: программа к учебникам для общеобразовательных учреждений [Электронный ресурс]/ Под ред. Е. А. Быстровой, Л. В. Киберевой. М.: Русское слово учебник, 2011. 32 с. URL: http://mitryaeva.ucoz.ru/4/bystrova_5-9_kl..pdf
- 5. Рыжов, В.Н. Дидактика : учеб. пособие для студентов пед. колледжей и лицеев. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 318 с.

~

УДК 372.882

Кравцов Максим Александрович

Учитель русского языка и литературы 1 категории, ГБОУ «Академическая гимназия № 56»; Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: maxkravt1@rambler.ru

Боева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

«МЕРЦАНИЕ СМЫСЛОВ» В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА

В статье предлагается опыт преподавания прозы С. Д. Довлатова, в частности его сборника «Наши», в контексте русской классической литературы, актуальной для школьного канона. Довлатовские герои, включая автобиографического повествователя, помещаются в галерею персонажей классики, и обнаруживается парадоксальная преемственность авторской позиции по отношению к ценностям писателей-предшественников. Методическая направленность статьи сочетается с достоверностью представлений о довлатовской прозе, утвердившихся в современном литературоведении.

Ключевые слова: С. Довлатов, проза, «Наши», литературная традиция, классика, авторская позиция.

Maxim A. Kravtsov

Teacher of Russian Language and Literature, 1st category State Secondary School «Academic Gimnasium» № 56 St. Petersburg, Russian Federation

Galina N. Boeva

Doctor of Philological Sciences, Professor Department of Advertisement and Public Relations St. Petersburg University of Industrial Technologies and Design St. Petersburg, Russian Federation

«FLICKERING OF MEANINGS» IN S. DOVLATOV'S PROSE

Abstract. The article provides a description of experience of teaching Dovlatov's prose, in particular his collection «Ours», in the context of Russian classical literature topical for the school canon. Dovlatov's characters, including the autobiographical narrator, are placed within the gallery of characters in Russian classics, and paradoxical continuity is demonstrated between Dovlatov's position and values of his literary predecessors. The methodological character of the article is combined with major notions of Dovlatov's prose commonly accepted in contemporary literary criticism.

Key words: S. Dovlatov, prose, «Ours», literary tradition, classics, the authorial position.

Для цитирования:

Кравцов, М. А., Боева, Г. Н. «Мерцание смыслов» в прозе С. Довлатова // Гуманитарная парадигма. 2019. Nº 1. С. 82–87.

Практика преподавания в школе показывает, как сложно настроить детей на восприятие текстов разных «литературных эпох»: и классических текстов XIX века, с их резонёрским, порой нескрываемым публицистическим пафосом, и идеологизированных произведений советского периода, и сочинений постсоветского периода, которые «ничему не учат». Читательская оптика для интерпретации текстов разных эпох требуется разная, и задача преподавателя — помочь школьникам выработать нужный эстетический код восприятия книги.

Мы хотим показать, как можно «встроить» разговор о творчестве С. Д. Довлатова (изучение его творчества предлагает, например, учебник по литературе для 11 класса И. Н. Сухих [10, с. 329–344]), на первый взгляд, «безыдейного писателя» XX века, в традиционный дискурс русской классической литературы. Этот аспект изучения прозы Довлатова уже неоднократно привлекал внимание литературоведов [9; 4].

Довлатов многократно подчёркивал принципиальную «безыдейность» своего творчества. «Идейность» великих русских писателей, изменявших чистой художественности, он осуждал, полагая, что на этом пути поэта ожидают потери, а часто и творческая гибель [5]. Довлатов декларировал отказ морализаторства, поучительности, называл себя не писателем, рассказчиком, показывал, что его «сквозной» автобиографический герой подвержен слабостям и порокам чуть ли не в большей степени, нежели другие персонажи, старался уклониться ОТ нравственной оценки Использование анекдота как приёма изображения подтверждает заявленную позицию автора: герой анекдота не осуждается, даже если это тиран или бандит, а лишь становится объектом осмеяния, не исключающего некоторого любования. Причём смешное у Довлатова не результат сатирического обличения, а способ про — становится податливой, пластичной.

Довлатов лукавит. Возможно, и перед самим собой. Декларативный отказ от нравственных оценок сродни его псевдодокументализму. Тема наслаждения жизнью раскрывается в творчестве писателя во вполне традиционном для русской литературы ключе, и Довлатов, несмотря на его открещивание от нравственных оценок, является наследником отечественных классиков. Здесь и начинается работа учителя по реконструкции авторской позиции, а заодно и «путешествие» по всей предшествующей изучению этого автора школьной программе.

Важно показать, что гедонизм в его антично-возрожденческом понимании рассматривается в русской классической литературе (а потом, несомненно, в текстах соцреалистической ориентации) как проявление себялюбия, ограниченности, эгоизма. В галерею героев, стремящихся наслаждаться жизнью, попадают в основном отрицательные и второстепенные персонажи: в «школьном каноне» — от Митрофанушки до Свидригайлова, от Стёпы Лиходеева до пелевинских оборотней и вампиров. Простодушное державинское жизнелюбие, ранний Гоголь, образ Наташи Ростовой, «Сон Обломова» и симпатичный Стива Облонский — редкие исключения. В классической литературе подобное отношение к гедонизму продиктовано православной традицией презрения к земным благам или гражданственнодемократическими идеалами. В советской же литературе гедонизм революционному противопоставлен жертвенному служению народу, аскетизму (можно припомнить хрестоматийных героев соцреализма — Павла Власова, Павла Корчагина и др.). Антагонистом такого героя можно счесть в раннесоветской литературе героя-трикстера, героя-«прохиндея», например, Остапа Бендера.

Довлатов противопоставляет любым «большим идеям» безупречный стиль, юмор. Но его проза не отменяет, как может показаться, нравственного подхода к жизни. Конечно, здесь напрашивается сравнение с Чеховым, которого критики-современники яростно упрекали в «безыдейности», и это прекрасная возможность продемонстрировать школьникам смену парадигмы: явные авторские «оценки» героя в прозе XX века, в отличие от прозы предшествующего столетия, крайне редки (если речь не идёт о соцреализме) и зачастую уходят в подтекст.

Возьмём для анализа «семейный альбом» Довлатова «Наши» (1983). В отличие от большинства произведений писателя, здесь главный герой стремится отойти на второй план, исполняя скромную роль рассказчика (кстати, этим приёмом пользовал и Чехов, что служит ещё одним доказательством родственности художественных стратегий двух писателей).

Но даже при такой установке рассказчик остаётся главной текстообразующей фигурой, так как проза Довлатова — это, в первую очередь, его неповторимый стиль, интонация. Среди двенадцати историй о представителях одной семьи нет отдельной главы, посвящённой самому рассказчику, хотя он появляется в каждой главе в качестве «семейного персонажа», участвует в жизни остальных героев. Поскольку интонация рассказчика и есть цемент, скрепляющий текст, то автор — это сумма персонажей, включая рассказчика, а рассказчик — «замаскированный» главный герой. Таким образом, рассматривая других героев, мы всё же говорим об авторе и авторской позиции. «Как и остальные сочинения Довлатова, "Наши" — книга эгоцентрическая. Но если раньше Сергей изображал других через себя, то тут он через других показывал себя» [3, с. 236].

Разговор о повести должен быть конкретен, как всякий анализ текста. Довлатовским героям, «нашим», даны все возможности наслаждаться жизнью, но используют их только полубылинный дед Исаак да ограниченные и самовлюбленные дядья Роман и Леопольд — бездумный физкультурник и «добрый, хоть и примитивный» бизнесмен-эмигрант. Что мешает остальным «нашим» радоваться жизни? Исторические причины: репрессии, цензура? Действительно, беды русской истории XX века не минуют семью: безвинно расстрелян дед Исаак, тётка Мара скрывает имя отца своего сына, разочаровываются во власти Арон и отец рассказчика, а сам он со своими близкими становится эмигрантом. Однако только историческими причинами не объяснить мизантропию деда Степана, стихийный экзистенциализм брата Бори, рефлексию рассказчика. Когда Довлатов пишет: «Жизнь превратила моего двоюродного брата в уголовника» или «Чтобы сделать из меня рефлектирующего юношу, потребовались (буквально!) — нечеловеческие усилия», — он говорит обо всём многообразии жизни, а не только о советском режиме.

Довлатовские персонажи вызывают в памяти галерею «лишних людей» русской литературы, что даёт прекрасную возможность порассуждать с детьми об общем и различном в этих типах героев, поупражняться в приведении аргументов, доказывании собственного мнения с опорой на тексты разных авторов и разных литературных формаций.

«Наши» наделены всем, чтобы наслаждаться жизнью, но ради удовольствий они должны поступиться чем-то главным: совестью, талантом. Именно этот нравственный барьер герои Довлатова отказываются переступать. Что мешает двоюродному брату Боре сделать успешную карьеру? Советский режим? Ничуть. Уже в школе брат проявляет задатки лидера, успешного человека: «Это был показательный советский мальчик. Пионер, отличник, футболист и собиратель металлического лома. Он вёл дневник, куда записывал

мудрые изречения. Посадил в своём дворе березу. В драматическом кружке ему поручали роли молодогвардейцев...» [7, с. 184]. В институте он в числе лучших: «...занимался он великолепно. Был секретарём комсомольской организации. А также — донором, редактором стенной газеты и вратарём...» [Там же, с. 185]. Поступив работать в Театр имени Ленинского комсомола, он стремительно делает карьеру. Ничто не мешает ему взлететь ещё выше: «Его посылали в ответственные командировки. Он был участником нескольких кремлевских совещаний. Ему деликатно рекомендовали стать членом партии» [Там же, с. 186]. Однако что-то толкает Борю постоянно совершать дикие, уголовно наказуемые поступки, сбрасывающие его с вершин социальной лестницы. Автор называет это стихийным экзистенциализмом и считает, что брату повезло: «Иначе он неминуемо стал бы крупным партийным функционером» [Там же, с. 183]. Для «беспринципного» автора никакие «удовольствия» не могут сравниться с творчеством. Еда функциональна: пища или закуска; алкоголь (преимущественно водка) не радует, а на время примиряет с жизнью и является обыденностью; отношение к искусству, как правило, иронично, к литературе — пристрастно, то же можно сказать об отношении к окружающим и к самому себе; газетное ремесло раздражает; любовь становится судьбой.

Выводы, возможные в результате представленного анализа, таковы. В быту, газетной работе, конфликтах довлатовский автобиографический персонаж, в котором «просвечивает» авторская позиция, готов пойти на компромисс. Но он остаётся бескомпромиссным в своём творчестве, отказываясь что-либо менять в нём, поскольку это ведёт к потере себя как личности. Наслаждение жизнью в художественном мире Довлатова невозможно, потому что невозможно достигнуть совершенства в творчестве. И, одновременно, единственное настоящее наслаждение ему даёт только литература, которая помогает без отчаяния принимать абсурдную жизнь. Не так уж «безыдеен» Довлатов, каким кажется на первый взгляд.

Подобный анализ предполагает своего рода двойную оптику: пристально читать довлатовский текст, исследуя его поэтику, — и в то же время помещать его в контекст всего корпуса изученных классических произведений (начиная с «Недоросля»), обнаруживая мировоззренческие и эстетические «схождения» и «отталкивания» писателей разных эпох. Вариантом сравнительного анализа прозы Довлатова с произведениями предшествующих периодов литературы может стать исследование её в контексте «петербургского текста» [1; 2]. Наконец, можно выйти к обобщениям следующего характера: в «Записных книжках» Довлатов размышляет о двух типах авторов (рассказчик прозаик — писатель): «Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик — о том, как должны жить люди. Писатель — о том, ради чего живут люди» [6, с. 112]. К «классификации» пишущих Довлатов возвращается не раз, и сама

настоятельность этой рефлексии показательна. Интересно сравнить её с «классификацией» писателей В. В. Набокова: учитель — рассказчик — волшебник [8, с. 28]. Ещё интереснее предложить старшеклассникам самим построить типологию писателей, с творчеством которых они знакомы.

Такой разговор на уроках литературы обещает быть и интересным, и продуктивным, и методологически профессиональным.

Литература

- 1. Боева, Г. Н. Проявление авторской позиции в изображении города, или «ленинградский текст» Сергея Довлатова // Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. 1. Кустанович, К. В. От Пастернака до Пелевина: Статьи о русской литературе XX века. 2. Статьи участников международ. конф. «Невские чтения» (СПб., 23–25 апреля 2002). Вып. 5. СПб.: НИЯК, 2003. С. 261–270.
- 2. Вейсман, И. З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2005. 211 с.
 - 3. Генис, А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2001. 288 с.
- 4. Доброзракова, Г. А. Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы: (обзор исследований) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 2 (2). 2011. С. 407–412.
- 5. Довлатов, С. Д. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов, С. Д. Соло на ундервуде и другие сюжеты: филологическая проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттиус, 2014. С. 243–259.
- 6. Довлатов, С. Д. Записные книжки // Довлатов, С. Д. Соло на ундервуде и другие сюжеты: филологическая проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттиус, 2014. С. 145–175.
- 7. Довлатов, С. Д. Наши // Довлатов, С. Д. Ремесло. Наши. СПб.: Домашняя библиотека «Звезды», 1991. С. 141–220.
- 8. Набоков, В. В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе / Пер. с англ.; под ред. В. А. Харитонова; предисл. А. Г. Битова М.: Независимая Газета, 1998. С. 23–29.
 - 9. Сухих, И. Н. Сергей Довлатов: Время, место, судьба. СПб.: Азбука. 284 с.
- 10. Сухих, И. Н. Литература: учеб. для 11 класса: среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2 ч. Ч. 2. 4-е изд. М.: Академия, 2011. 368 с.

~

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА КРЫМА

УДК 81`373.217

Руденко Жанетта Анатольевна

Старший преподаватель, кафедра «Русского языка и русской литературы», Гуманитарно-педагогический институт, Севастопольский государственный университет; Российская Федерация, Севастополь, e-mail: riv1953@ya.ru

ОНИ СЛУЖИЛИ РОССИИ — «ГОЛЛАНДСКИЕ» ПОДШЕФНЫЕ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ

Статья посвящена исследованию социальной роли уникального в истории России эргонима Морской Его Императорского Величества Наследника Цесаревича Корпус (Севастополь), содержащего культурную информацию о традициях в воспитании русских морских офицеров нескольких поколений. Данный эргоним своим возникновением на топонимической карте Севастополя определил духовные ориентиры жителей города и тех, кто обучается в стенах здания бывшего Морского корпуса.

Ключевые слова: Севастополь, Бизерта, Морской кадетский корпус, Государь, Цесаревич, шеф, Голландия, Черноморский флот, колыбель офицеров Императорского флота.

Zhanetta A. Rudenko

Senior lecturer

Department of Russian language and Russian literature, Humanitarian and Pedagogical Institute, Sevastopol state University; Russian Federation, Sevastopol

THEY WERE RUSSIAN — «HOLLANDS» SPONSORED HIS IMPERIAL MAJESTY TSAREVICH ALEXEI

Abstract. The article is devoted to the study of the social role unique in the history of Russia ergonom Sea of His Imperial Majesty Tsarevich Housing (Sebastopol),

containing cultural information about the traditions in the education of Russian naval officers of several generations, which will allow current students to determine for themselves the spiritual guidance.

Key words: Sevastopol, Bizerte, Sea cadet corps, Emperor, Prince, chief, Holland, the Black sea fleet, the cradle of the officers of the Imperial Navy.

Для цитирования:

Руденко, Ж. А. Они служили России — «голландские» подшефные его Императорского Величества Цесаревича Алексея // Гуманитарная парадигма. 2019. N^0 1 (8). С. 88–93.

Уверен, что возникающий на исторических берегах, свидетелях былой и новой славы Черноморского флота, Корпус сумеет воспитать достойных сынов нашей великой Родины.

Николай (Из телеграммы государя директору Морского кадетского корпуса контр-адмиралу С. Н. Ворожейкину 17 сентября 1916 года)

Лингвокультурным достоянием и уникальным пластом языковой системы является ономастическая лексика (собственные имена различных типов). Предметом изучения ономастики является имя собственное (оним), служащее для выделения именуемого им объекта из череды иных объектов: наименования людей, животных, географических объектов, племён и народов, стран, поселений. Эта лексика прочнее другой связана с культурой и историей народа и востребована обществом.

Огромное значение имеют исследования в области топонимики. Социальная функция топонима — служить индивидуализирующим указанием определённого территориально фиксированного объекта. Благодаря специфическим закономерностям передачи и сохранения географических названий лингвисты называют историческими памятниками. Топонимика даёт ценнейший материал для истории, устанавливает места поселений и пути миграций исчезнувших народов, представляет тип поселений и городов, рассказывает об общественных отношениях и образе жизни людей.

Различные классы имён собственных, имеющие денотаты практической сфере деятельности человека, условно объединены под термином прагматоним, который является родовым по отношению к эргонимам: название предприятий учреждений, организаций, учебных заведений, обществ и т. п. Вместе с урбанонимами (названиями улиц, скверов, площадей, зданий) эргонимы составляют городское ономастическое пространство, позволяют ориентироваться в нём, так как являются своего рода знаками в информационном пространстве города [4]. Эргонимы стали объектом изучения языкознания лишь во второй половине XX века. Первые исследования по собственным именам комплексных объектов (предприятий, учреждений, обществ, объединений и т. д.) в отечественном языкознании были представлены Л. М. Щетининым в 1968 году, Б. З. Букчиной и Г. А. Золотовой в статье «Слово на вывеске» (1968), А. В. Суперанской в работе «Общая теория имени собственного» (1973). Сам термин «эргоним» впервые был предложен Н. В. Подольской в 1988 году, а первые исследования по эргонимии как отдельном направлении появились в 90-х годах XX века (А. В. Беспалова, С. В. Земскова, Н. В. Носенко, Е. С. Отин и др.). В XXI столетии их продолжают А. Э. Гунтов, Г. А. Донскова, А. М. Емельянова, М. В. Китайгородская, И. В. Крюкова, М. Я. Крючкова, Н. Н. Лесовеп, Н. В. Пушкарева, Н. Н. Розанова, Т. П. Романова и др.

В нашей работе мы пользуемся классификацией эргономического материала Н. В. Шинкевича, который разделил эргонимы по типу влияния на адресата: непрагматические и прагматические. Исследуемый эргоним — Морской Его Императорского Величества Наследника Цесаревича Корпус — можно отнести, по нашему мнению, к прагматическим — культурнообусловленным, опирающимся на исторические реалии, относящимся к категории вечных ценностей, несущим мощный духовный заряд.

15 сентября 1916 года приказом по корпусу № 39 была объявлена телеграмма Главного морского штаба: «Государю Императору благоугодно было назначить Его Императорское Высочество Наследника Цесаревича Шефом вверенного вам корпуса». Корпус в Севастополе стал именоваться «Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича кадетский корпус», а белые погоны кадет, на которых была надпись: «Морской Е. И. В. Насл. Цесар. Кад. Корп.», украсились накладными золотыми вензелями Августейшего Шефа [3].

Главное здание учебного корпуса. 1960. Фото из кн. С. Я. Чупрынина [7].

Товарищ морского министра (таково называние должности) вицеадмирал И. Г. Григорович так объяснял, почему для строительства нового кадетского корпуса выбран Севастополь («sebastos» — «священный» «город», «священный город» [5]): «...B ЭТОМ исключительное преимущество представляет Севастополь как город, имеющий чисто военно-морской характер... При этом славная история этого города, неразрывно связанная с незабываемыми подвигами черноморских моряков, постоянное наличие там нашего боевого флота и прекрасный южный климат делают Севастополь благоприятным для успешного воспитания будущих офицеров». В своих воспоминаниях он отмечал: «...я хочу, чтобы корпус с младшего возраста был бы на юге... в постоянном общении с морем, молодые люди закончат корпус и отправятся сюда на старшие курсы в Морское училище (Санкт-Петербург)» [1].

Для постройки здания корпуса было выбрано обширное плато у бухты Голландия, пригодной для стоянки плавсредств и учебных судов. Здесь была казенная дача адмиралов Черноморского флота, которую Николай II использовал как уединенное место для купания. При посещении Севастополя Император с семьей располагался на царской яхте «Штандарт». В летнюю жару, по утрам, он ездил на дачу купаться, о чём свидетельствует запись в личном дневнике 1916 года: «14 мая. Суббота. Дивный жаркий день. В 10.15 отправился на линкор «Императрица Мария» к обедне... В 2.45 отправился с

детьми на Северную сторону, где осмотрел возводятся постройки участок, на котором здешнего Морского Рядом корпуса». Императором постоянно его наследник цесаревич Алексей. Отец-император постарался как можно лучше подготовить его к будущей роли самодержца. Выбора у Алексея не было: цесаревич родился в «императорском сане» и иной доли единственному сыну императора не кабинете полагалось [2].В государя Александровском дворце стоял детский столик, Алексей МОГ чтобы присутствовать заседаниях и аудиенциях, проводимых его отцом. Заведующий музеем Севастопольского Высшего военно-морского инженерного училища (ВВМИУ) A. A. Каменский

Николай II с цесаревичем Алексеем на яхте «Штандарт». Фото из альбома Анны Вырубовой (№398).

высказывал мысль, что именно в Морском корпусе в Севастополе Николай II собирался дать образование и воспитание царевичу Алексею [1].

Документальных подтверждений этому нет, но и косвенных вполне достаточно.

В 1998 году Российское отделение ордена св. Константина Великого в Москве при участии журнала «Наше наследие» издало книгу под названием «Узники Бизерты» [6]. Это сборник документальных повестей о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 годах. В воспоминаниях Владимира фон Берга «Последние гардемарины» находим: «В продолжение шестнадцати лет прослужил я в Морском корпусе в Петербурге и в Севастополе... За эти 16 лет я прошёл через все офицерские должности в корпусе до ротного командира включительно. ...Вот я в Севастополе — командир роты Его Величества; в этой роте должен воспитываться наследник Цесаревич — Апогей мечты всякого воспитателя!» [Там же]. А о Голландской пристани он писал: «Кого только не встречал я на этой пристани: Государя императора Николая II и наследника Колчака, И адмирала И Министра генерал-адъютанта Григоровича, и адмиралов Русина и Карцева, и множество других...» [Там же].

Именно с этой пристани ушли навсегда в Бизерту юные кадеты. Это было

утром 30 октября 1920 года: гружённая имуществом Морского корпуса баржа пристани Голландии и отошла от направилась к стоявшему в Южной бухте Севастополя линейному кораблю «Генерал Алексеев». Личный состав Севастопольского Морского кадетского корпуса покинул учебное заведение в глубоком молчании. По воспоминаниям очевидцев, на берегу горько рыдала бабушка одного из кадетов...

Линейный корабль «Генерал Алексеев», 1920. Фото из кн. В. Бойко [3]

В бухтах Минной, Северной и Стрелецкой шла спешная погрузка на корабли. Охваченные паникой и ужасом, люди любой ценой старались взойти на борт. Некоторые, потеряв надежду, кончали жизнь самоубийством. 31 октября 1920 года, в 23 часа, «Генерал Алексеев» снялся с якоря и вышел в открытое море. Последним видением родного берега стал для беженцев Херсонесский маяк. К этому времени (17 июля 1918 года) уже была расстреляна в Екатеринбурге вся царская семья вместе с цесаревичем Алексеем...

Сегодня, к сожалению, кроме некоторых бывших офицеров Голландии, мало кто знает, что стоит за эргонимом Морской Его Императорского Величества Наследника Цесаревича Корпус, в какую скорбную страницу истории Российского флота вписаны годы его существования.

Памятник цесаревичу Алексею Николаевичу в Петергофе (парк Александрия). 1994. Скульптор В. В. Зайко

парадного Ha ступеньках входа бывшего Морского кадетского корпуса поставлен памятник пролетарскому вождю, чья деятельность не имела никакого отношения к этому месту, но надолго определила судьбу страны. Наверное, было бы уместно установить изображение того, кто был неоднократно и являлся шефом Морского корпуса, и чье имя изначально было присвоено уникальному военно-морскому учебному заведению.

В середине 50-х годов, состарившийся на чужбине, русский офицер-моряк, с горечью писал: «Наша смерть унесёт в небытие все вековые традиции бывшего Морского корпуса — колыбель офицеров Императорского флота, жизнь и воспитание целых

поколений...» [6]. С мыслью о сохранении памяти писана нами эта статья, закончить которую хочется трогающими душу строчками стихотворения корабельного гардемарина Юрия Степанова:

Мы скажем: честно мы носили Андреевский могучий флаг, Ты воспитал нас, Корпус славный, Ты создавал Российский флот... И в дни изгнания лихие Завет твой свято сохраним И верность Флоту и России Потомкам нашим возвестим.

Литература

- 1. Боднарчук, В. И. Виват, «Голландия», виват! Севастополь: СНУЯЭиП, 2011. 200 с.
- 2. Боднарчук, В. И. Севастопольской Голландии 100 лет. Севастополь: СИЯЭиП. 2015. 75 с.
- 3. Бойко, В. А. Морской Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича Корпус в Севастополе. Севастополь: СПД Бакулин В. А., 2013. 640 с.
- 4. Курбанова, М. Г. Эргонимы современного русского языка: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Волгоград, 2015. 191 с.
- 5. Съедин, Н. А. Что в имени твоём? О значении крымских названий. Симферополь: Ариал, 2011. 183 с.
- 6. Узники Бизерты : Документальные повести о жизни русских моряков в Африке в 1920–1925 гг. / Сост. С. Власов ; Под ред. Н. Алексеевой. М.: Наше наследие, 1998. 271 с.
- 7. Чупрынин, С. Я. Севастопольское инженерное. Очерк истории Севастопольского высшего военного-морского инженерного училища / Под ред. А. А. Саркисова. Севастополь: Изд-во СВВМИУ, 1976. 180 с.

УДК 908:37.018.523 "18" (477.75)

Громова Наталья Фёдоровна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Таврической академии

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Российская Федерация, Симферополь, e-mail: gronafed@yandex.ru

СЕЛЬСКИЕ ШКОЛЫ ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНИИ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ РЕФОРМЫ 60-Х ГОДОВ XIX ВЕКА

В статье освещена история создания сельских школ в ходе реализации в Таврической губернии «Положений о начальных народных училищах 1864 года. На основе систематизации и обобщения исторических фактов, зафиксированных архивных материалах опубликованных и законодательных документах, автором проанализирован важный этап в истории сельских школ Таврической губернии, связанный с началом претворения в жизнь «Положений». На конкретных примерах рассмотрено участие в этом процессе управленческих и контролирующих структур, самоуправления, сельских органов местного обществ; выявлены особенности организации учебной работы сельских учебных заведений во второй половине 60-х и в 70-е годы XIX века. Показана роль уездных училищных советов, сельских обществ, инспекторов народных училищ в расширении сети сельских школ в уездах Крыма и Северной Таврии; рассмотрено влияние на этот процесс социально-экономических факторов, в том числе фактора, связанного с усилением в 60-е годы переселенческого движения в Таврическую губернию; показаны недостатки и негативные стороны организации в сельских школах учебного процесса и попытки их устранения. В статье нашли отражение статистические данные о динамике и тенденциях развития сельских школ Таврической губернии, их количестве, численности учащихся и учителей.

Опыт создания сельских школ, накопленный в Таврической губернии за полтора десятка пореформенных лет, дал возможность развернуть в последней четверти XIX века масштабную работу в этом направлении на более высоком уровне и более быстрыми темпами.

Ключевые слова: уездные училищные советы, начальные народные школы, инспекторы училищ, учебный процесс.

Natalya F. Gromova

PhD in Historical sciences, Associate Professor of the Department of Russian History, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Russian Federation, Simferopol

THE RURAL SCHOOLS OF THE TAURIDA GOVERNORATE AT THE INITIAL STAGE OF EDUCATIONAL REFORM OF 60s OF XIX CENTURY

Abstract. The article highlights the history of the creation of rural schools during the implementation of the Provisions on Primary Public Schools of 1864 in the Taurida governorate (province). On the basis of systematization and generalization of historical facts recorded in archival materials and published legislative documents, the author analyzed an important stage in the history of rural schools in the Tauride province, related to the beginning of the implementation of the "Provisions". With concrete examples, the participation in this process of management and control structures, local governments, and rural societies has been considered; the features of the organization of educational work of rural educational institutions in the second half of the 60s and in the 70s of the XIX century are revealed. The role of county school councils, rural societies, inspectors of public schools in expanding the network of rural schools in the counties of Crimea and Northern Tavria is shown; the impact on this process of socio-economic factors, including the factor associated with the intensification of the migration movement in the Tauride province in the 1960s; It shows the shortcomings and negative aspects of the organization in rural schools of the educational process and attempts to eliminate them. The article reflects statistical data on the dynamics and trends in the development of rural schools in the Taurida province, their number, number of students and teachers.

The experience of creating rural schools, accumulated in the Taurida province for a half dozen post-reform years, made it possible in the last quarter of the 19th century to start large-scale work in this direction at a higher level and at a faster pace.

Key words: county school councils, elementary public schools, school inspectors, educational process.

Для цитирования:

Громова, Н. Ф. Сельские школы Таврической губернии на начальном этапе образовательной реформы 60-х годов XIX века // Гуманитарная парадигма. 2019. N^0 1 (8). С. 94–107.

История сельских школ в России берёт своё начало в первой половине XIX века, когда за два с половиной десятилетия, предшествовавших буржуазно-демократическим реформам 60-х гг., российскими властями было разрешено всем министерствам, заинтересованным в появлении грамотных людей в волостях и селах, открывать учебные заведения [2, д. 851, л. 31]. Этим правом

воспользовалось прежде всего Министерство государственных имуществ [3, с. 346]. Поставив целью подготовить из крестьянской среды для нужд своего ведомства специалистов не только высших, но и низших квалификаций (в основном писарей), это министерство явилось зачинателем в деле создания первых сельских школ в Российской империи, в том числе в Таврической губернии, где значительная масса населения, особенно материковых уездов (Мелитопольского, Бердянского, Днепровского) состояла из переселившихся из других регионов страны государственных крестьян [10, с. 27]. К началу 60-х годов XIX века количество школ, открытых Министерством госимуществ в селах Таврической губернии, достигало 45 и в них числилось 3 053 учащихся [2, д. 1024, л. 54-79]. Однако, взявшись за несвойственный своему ведомству педагогический вид деятельности, Министерство госимуществ, несмотря на приложенные усилия и вложенные средства, не смогло достичь желаемых результатов и организовать в селах Таврической губернии достаточную сеть образовательных заведений. Школы этого министерства финансовые и материальные затруднения, страдали от непрофессионализма учителей, от негативного отношения к ним крестьян [подр. см.: 4, с. 48–62].

В это же время Министерство народного просвещения, призванное заниматься непосредственно образовательными проблемами в стране, обходило сельские школы стороной, направляя свои усилия и средства на создание городских средних и начальных учебных заведений — гимназий, уездных и приходских училищ. В отношении же сельских школ интересы Министерства просвещения в первой половине XIX века ограничивались сбором общих сведений об их количестве и уровне организации в них учебного процесса.

Так продолжалось до начала «великих реформ», когда в середине 60-х годов сферу народного образования затронули активные преобразования. Проследить события, связанные с претворением в жизнь образовательной реформы, в частности по организации обучения сельского населения, примере Таврической губернии. Главным информации являются материалы Госархива Республики Крым (Фонд Дирекции училищ Таврической губернии), которые позволяют составить всестороннее представление об особенностях, тенденциях, темпах и масштабах процесса, о влиянии на них экономических и социальных факторов, о роли и вкладе в него местных и центральных органов власти, земства, сельских обществ. Здесь мы рассмотрим начальный этап образовательной реформы, когда в сёлах Таврической губернии осуществлялись преобразования в соответствии с положениями 1864 года о создании уездных училищных советов и начальных народных училищ, то есть период с конца 60-х до конца 70-х годов XIX века.

«Положения о начальных народных училищах» от 14 июля 1864 года и их воплощение в жизнь в Таврической губернии

После отмены крепостного права в 1861 году одним из неотложных дел явилась реформа народного образования. Особенно остро стоял вопрос об организации начального обучения для большей части населения страны — крестьян. Российские власти понимали, что заниматься учебными проблемами должны профессионалы и поручили подготовку проекта школьной реформы Министерству народного просвещения во главе с министром А. В. Головниным [9, с. 389]. В течение нескольких лет два комитета — Ученый и Особый — разрабатывали проект о народной школе, который сначала был рассмотрен в Особом Совещании, затем 14 июля 1864 г. одобрен Государственным Советом и, наконец, утверждён императором Александром II под как «Положения о начальных народных училищах» [7, с. 614–617].

 \mathbf{C} этого момента В структуре российской государственной образовательной системы появилась новая самая нижняя ступень школы, которая была закреплена в ведении Министерства народного просвещения и называлась «начальные народные училища». В эту категорию согласно ст. 2 Положений были включены школы разных ведомств (в том числе Министерства госимуществ), а также элементарные школы при православных церквях, воскресные, частные. В основном это были школы, размещённые в сельской местности, которых ранее у Министерства просвещения не было. В результате число подчинённых Министерству просвещения начальных учебных заведений увеличилось с 692 (в 1863 г.) до 17 678 (в 1869 г.) [5, с. 130-131]. Чтобы наладить управление этой новой категорией народных школ, в губерниях и уездах учреждались (согласно ст. 18) специальные органы из представителей заинтересованных ведомств — Училищные советы. Новые народные школы в селах могли открывать сельские общества за средства, собранные с крестьян, а забота об их хозяйственных нуждах предоставлялась нарождающимся в это же время земствам. Контроль за осуществлением учебно-воспитательной работы в народных сельских школах Министерство просвещения поручало своим представительствам в губерниях — Дирекциям училищ, а с 1869 года учреждало дополнительно для этой цели должность инспектора народных училищ [6, с. 636–637].

Претворение в жизнь «Положений» 1864 года в Таврической губернии началось с создания училищных советов. Эта работа заняла несколько лет и завершилась к началу 70-х годов, когда были окончательно сформированы губернский и 8 уездных училищных советов: Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский, Перекопский, Ялтинский, Бердянский, Днепровский, Мелитопольский. В состав каждого входило 8 членов, в том

числе от Министерства просвещения (обычно смотритель уездного училища), Министерства внутренних дел (чаще всего начальник уездной полиции), от местного духовенства, уездного земства, городских и сельских обществ. Всего в составе училищных советов Таврической губернии числились 66 человек: 9 председателей, 15 членов от Министерства просвещения, 9 — от духовенства, 8 — от Министерства внутренних дел, 18 — от земств, 7 — от сельских и городских обществ [2, д. 1947, л. 178–179]. В руках уездных училищных советов было сосредоточено, главным образом, административное управление народными школами.

С целью упорядочения контроля и наблюдения за организацией учебновоспитательной работы и качеством обучения в народных сельских школах Таврическая губерния была разделена на 4 учебных района: Крымский Евпаторийский, Феодосийский, Ялтинский (Симферопольский, уезды), Днепровско-Перекопский (Днепровский, Перекопский уезды), Мелитопольский (Мелитопольский уезд), Бердянский (Бердянский уезд). За каждым учебным районом был закреплён инспектор народных училищ: за Крымским — Д. Писаревский; за Днепровско-Перекопским — П. Синимский, за Бердянским — И. Соловьевич, за Мелитопольским — В. Мартынович [2, д. 1932, л. 14, 224, 148; д. 1975, л. 86]. Инспекторы были обязаны регулярно объезжать сельские школы в своём районе, знать об их проблемах, посещать занятия и, если возникала потребность, самим проводить показательные уроки, давая пример сельским учителям. На основании отчётов об инспекционных посещениях сельских школ Дирекция училищ составляла годовые отчёты о состоянии народного образования в губернии для Одесского учебного округа и Министерства просвещения.

К работе по организации народных школ в сёлах Таврической губернии со второй половины 60-х гг. подключились и земства, создававшиеся в соответствии с Положением о земских учреждениях 1864 года [11, с. 46]. Первым шагом в этом направлении было уточнение земствами списков Картина существовавших сельских школ. при ЭТОМ открывалась неутешительная. Бердянское земство, например, выявило, что для 150тысячного населения уезда в середине 60-х гг. работали только 13 сельских Министерства госимуществ, в которых по спискам 754 учащихся, а фактически посещали каждую школу 5-7 детей [2, д. 2047, л. 10–12]. Было принято решение помочь сельским обществам Бердянского уезда открыть в течение 2-3 лет 30 новых школ, приняв их содержание на средства земства. Подобным образом действовали земства и в других уездах Таврической губернии.

Влияние социально-экономических факторов на процесс создания сельских школ

Создание в сёлах Таврической губернии народных школ оказалось, вопреки ожиданиям земств, очень непростым и совсем не быстрым делом. На оказало влияние значительное усиление в 60-е годы переселенческого движения на юг из центральных губерний страны. В это время российское правительство всячески пыталось привлечь крестьянпереселенцев из малоземельных губерний, стремясь побыстрее заселить ими земли, оставленные после Крымской войны эмигрировавшими в Турцию татарами и ногайцами. В ходе эмиграции только за 1860-1866 гг. в Таврической губернии опустело 686 селений. В одном Перекопском уезде татары оставили 278 своих аулов и деревень, в Евпаторийском — 196, Симферопольском — 146, Феодосийском — 67 [10, с. 32]. Поэтому крестьянампереселенцам было разрешено не только занимать выделенные для этой цели свободные казённые участки, но и приписываться к уже существующим сельским общинам. В результате за 60-е – 70-е годы в Таврическую губернию переселилось около 156 тыс. человек (из них официально — 51,5 тыс., самовольно — 104,5 тыс.). В подавляющем большинстве (как минимум 2/3) это были крестьяне [1, с. 114, 204].

Крестьянская миграция оказала влияние не только на увеличение численности православного населения Таврической губернии, но и привела к расширению старых и появлению новых сёл. За 20 пореформенных лет на территории Таврической губернии возникло более 2 тыс. новых населённых пунктов, большинство из которых находилось в материковых уездах — Мелитопольском, Бердянском, Днепровском [1, с. 123]. В Крыму также появились новые сёла, например, в Симферопольском уезде — Новожиловка, Вишенное, Лобаново, Александровка, Полтавка, Виноградово, Воробьёво, Крайнее; в Феодосийском уезде — Ровное, Митрофановка, Ахтырка, Владимировка; в Евпаторийском уезде — Александровка, Михайловка, Болатни и др. [1, с. 128, 123].

Состояние сёл было не одинаковым, а зависело от места их нахождения, времени основания и категории крестьян-переселенцев. В Крыму, например, поселения русскоязычного населения были небольшими, компактными; многие русские крестьяне заселяли пустующие татарские сёла. Селения в материковых уездах, основанные ещё в первой половине XIX века, наоборот, были большими и густонаселёнными, в них нередко проживало до 8–10 тыс. человек, они часто растягивались на 5–7 верст, а в Бердянском уезде некоторые слободы — на 10–15 верст [2, д. 1946, л. 50–51]. Крестьяне в таких сёлах за несколько десятилетий проживания в губернии успевали построить дом и обустроить своё хозяйство.

Новые же села, основанные официально прибывшими в губернию в 60-70-х гг. крестьянами, были, чаще всего, лишь в стадии заселения, многие сёла не имели даже названия. Полученных крестьянами-переселенцами из государственной казны денежных пособий (в начале 60-х гг. — 100 руб., с 1863 года — вдвое меньше) не хватало ни на хозяйственное обзаведение, ни на постройку дома. Многие крестьяне в таких сёлах по нескольку лет вынуждены были жить в землянках. Например, в селе Павловка Днепровского уезда, основанного в середине 60-х годов 264 переселенцами-однодворцами, к 1870 году было построено лишь 5 домов [1, с. 104].

В наихудшем положении находились поселения самовольных переселенцев, не получавших от государства ни земельных участков, ни денежных пособий. Эти села состояли обычно из одних землянок.

К жилищной необустроенности жителей многих сел добавлялись трудности освоения твёрдых целинных земель в Мелитопольском, Бердянском, Днепровском уездах, незнание особенностей местного полеводства, безводье крымских северных территорий, засухи и прочие невзгоды. Из-за всего этого многие крестьяне терпели значительные убытки и, чтобы выжить, им приходилось во всём экономить, сокращать свои расходы, в том числе и на школьное строительство.

Кроме этих проблем надо учитывать и то обстоятельство, что крестьяне, за редким исключением, были неграмотными, многие вообще не знали, что такое школа, её значения и необходимости. Поэтому идею открывать школы за свой счёт многие селяне восприняли весьма негативно [2, д. 1816, л. 66]. Представителям уездных училищных советов и земств приходилось прилагать массу усилий, чтобы убедить крестьянские общества в целесообразности отчисления средств на открытие школы в селе [2, д. 1816, л. 280]. Такое отношение к школам было характерным явлением в крестьянской среде вплоть до середины 70-х годов XIX века.

Возникавшие трудности в селах Таврической губернии тормозили намеченную государством программу школьных преобразований. В 60-е годы сеть сельских школ расширялась медленно. Сперва в нее были включены старые школы, созданные ещё Министерством госимуществ (их в 1864 году было порядка 45), школы при сельских православных церквях (точный учёт таких школ до 80-х гг. не вёлся, но их было совсем немного), а также частные, созданные для крестьян и содержавшиеся в ряде сёл состоятельными жителями. До начала 60-х годов таких школ в губернии насчитывалось около 24 [2, д. 839, л. 81]. Так, в Днепровском уезде было 5 частных школ, в том числе в селе Заводовке, где ещё в 1852 году школу открыла для своих крестьян графиня Кочубей. В селе Большой Токмак Бердянского уезда школу содержала

мещанка Субботина. В сёлах Мелитопольского уезда насчитывалось 5 частных школ [2, д. 878, л. 125–126].

Кроме старых школ в сёлах начали создаваться и новые, открывавшиеся, как того требовали Положения 1864 г., сельскими обществами при содействии земств, по разрешению училищных советов. К 1869 году в сёлах Бердянского уезда, например, было открыто 19 новых школ [2, д. 2047, л. 22]. В сёлах близ Керчи — 8 школ, в том числе капканская, булганакская, осовинская, баксинская, аджи-мушкайская, кетерлежская [2, д. 1682, л. 112]. Всего же в начале 70-х годов в сёлах губернии насчитывалось уже около 120 начальных народных школ: в Днепровском уезде — 25, Мелитопольском — не менее 40, Бердянском — 32, Феодосийском — 13, Евпаторийском — 4, Симферопольском — 3, Перекопском — 2 [2, д. 1530, л. 14,27; д. 1382, л. 4; д. 1682, л. 101].

По сравнению с дореформенным десятилетием общее число сельских школ в губернии увеличилось более чем в 1,5 раза, но этого было очень мало на почти полумиллионное население губернии. Даже многие большие селения не имели школ. Так, остро стоял вопрос о создании школ в сёлах Карагозы и Султановка Феодосийского уезда, Курцы Симферопольского уезда [2, д. 1975, л. 121]. В Перекопском уезде работало всего 2 начальные народные школы в сёлах Ак-Шеих и Ташлы-Кипчак [2, д. 1816, л. 331]. В таких условиях сельские общества, открыв у себя школу, начинали ревностно следить, чтобы там учились только местные дети, посторонние же зачислялись лишь в исключительных случаях [2, д. 1975, л. 87].

Недостатки в организации работы сельских начальных народных школ

Согласно Положениям 1864 года все сельские школы, состоявшие в управлении училищных советов, должны были соответствовать единым нормам: один класс, рассчитанный на 3 года обучения, 1 учитель гражданских предметов, 1 законоучитель, одинаковый набор учебных предметов (Закон Божий, гражданское и церковно-славянское чтение, письмо, арифметика, церковное пение). Обучение мальчиков и девочек предполагалось совместное (хотя допускались и раздельные школы, как, например, в двух сёлах Днепровского уезда — Збурьевке и Новой Маячке [2, д. 1903, л. 36]). Вероисповедание и социальное положение при приёме детей в школу роли не играли.

Однако, в течение первого десятилетия после начала образовательной реформы лишь незначительная часть сельских школ соответствовала понятию «школа». Среди лучших было несколько частных, как, например, школа в селе Ташлы-Кипчак Перекопского уезда, находившаяся на содержании землевладельца Люстина, который на свои деньги обучал 12 беднейших

учеников, платил жалование учителю, снабжал школу всеми учебными пособиями. Здание этой школы было лучшим во всем уезде [2, д. 1723, л. 200].

Большинство же сельских школ, особенно в материковых уездах, вызывали массу нареканий. Характерными были жалобы школ на нехватку денежных средств, что приводило к их материальному необустройству. Государство не выделяло пособия из казны на народные школы, сельские общества на школах экономили, а земства лишь начинали подключаться к хозяйственным проблемам сельского населения. Поэтому многие школы в сёлах в начале 70-х гг. походили на постоялые дворы — без ограды, без двора, без зелёных насаждений. Квартиры учителей повсеместно располагались не при школах, а в наёмных домах, классы были тесными, душными, грязными (нередко не имелось даже вёдер и мётел для уборки). Классная мебель, чаще всего, находилась в убогом состоянии и не чинилась. Стол и стул для учителя был редкостью [2, д. 1816, л. 363]. Поэтому, по меткому замечанию одного из инспекторов, «...учителя сельских школ олицетворяли героя из русской сказки: голову спрячешь — хвост виден, хвост спрячешь — голова видна» [2, д. 1816, л. 280—282].

Проблемным для всех сельских школ, состоящих в управлении училищных советов, было обеспечение учебными пособиями. Этим должны были заниматься, в первую очередь, сельские общества, бравшие на себя соответствующие обязательства, но часто или их не выполнявшие, или, в лучшем случае, отчислявшие на потребности школ мизерные суммы. Чаще же всего сельские общества отсылали учителей с их просьбами к земствам, а те, вплоть до середины 70-х гг., выделяли на эти цели не более 5 руб. на школу в год (на 5 руб. можно было в то время приобрести всего 15 книг «Родного слова» К. Ушинского) [2, д. 1816, л. 70]. По свидетельству одного из проверяющих сельских школ отсутствие письменных принадлежностей приводило к тому, что нередко на уроке «...перед учеником лежал остаток грифельной доски, вершка 2–3, в руке у него находился обломок грифеля, еле удерживаемый в пальцах» [Там же, л. 70–72]. Часто можно было видеть, как ребенок учиться писать, используя стальное перо без ручки [Там же].

Очень непросто решался в сельских школах и вопрос с учительскими кадрами. До середины 70-х гг. там редко можно было встретить учителей, получивших право на преподавание в народной школе в результате сдачи специального экзамена (как того требовали «Положения» 1864 г.), ещё реже — с образованием, превышающим курс уездного училища [2, д. 1816, л. 67]. Так, из 39 учителей сельских школ Днепровского и Перекопского уездов 10 вообще не имели свидетельства на право обучения в народных школах [Там же, л. 26]. По признанию Бердянского земства до середины 70-х гг. в сельских школах уезда «...учителей по профессии вовсе не было, выбор учителей не всегда

являлся удачным, чаще всего в школах работали те, кто нуждался в куске хлеба» [Там же, л. 378]. В качестве сельских учителей часто выступали бывшие сельские писари, отставные дьячки, местные грамотеи.

Некоторые инспекторы народных училищ предлагали оценивать работу сельских школ по 3 категориям, в зависимости от профессиональных качеств и подготовленности учителей:

- 1 (лучшая) категория где учителя не только обладают педагогической подготовкой и знаниями, но и применяют их разумно и усердно в своей работе. Дети с такими учителями обнаруживают хотя бы задатки правильного умственного, религиозного и физического развития;
- 2 (посредственная) категория где учителя хоть и имеют некоторые педагогические знания, но недостаточно и часто неправильно применяют их в работе; учащиеся же не обладают набором требуемых знаний и достаточным умственным развитием;
- 3 (худшая) категория где учителя и мало знают, и мало делают в педагогическом отношении. Дети вовсе не развиты и почти ничего не знают.

В результате применения такого подхода к оцениванию 32 сельских школ Бердянского уезда оказалось, что в первую категорию попали 9 школ, во вторую — 13, в третью — 11 (то есть треть всех школ) [2, д. 1816, л. 380–382].

Обращает на себя внимание и плохая организация работы сельских школ, управляемых училищными советами. Приём детей в них проводился не единовременно, а несколько раз в году. Начало учебного года в школах не совпадало: где-то в октябре, где-то в ноябре, а где-то и в декабре. По причине разновременного приёма в школу класс приходилось делить на несколько отделений (3—4 и даже больше). На одного учителя в больших сёлах северных материковых уездов часто приходилось при нескольких отделениях по 100 и более учеников, что не позволяло достичь успехов в обучении [2, д. 1816, л. 72].

Бичом всех сельских школ была низкая посещаемость уроков. Главная причина этого крылась в массовом привлечении крестьянами детей к работе по дому и в поле. Инспекторы училищ, земские управы и уездные училищные советы винили в этом родителей и сельские общества. Те, в свою очередь, упрекали земства, открывавшие новые школы, чаще всего, на окраинах сёл, в неудобных, отдалённых от крестьянских домов местах, куда детям приходилось добираться, особенно в грязь и холод, проходя из одного конца села в другой иногда по несколько вёрст. Кроме того, родители часто объясняли пропуски занятий слишком строгим отношением учителей к детям, из-за чего, мол, те обходят стороной школу, или, наоборот, отсутствием в школах порядка, дисциплины, что делало школу похожей на «настоящий базар — шум, драки, самовольное хождение по классу во время уроков» [2, д. 1816, л. 378]. Да и сами инспекторы училищ во время контрольных посещений занятий в сельских

школах часто сталкивались «с рутиной, выражавшейся в утомительном стоянии учеников у доски, в механическом и молчаливом решении задач по арифметике, или диктовках по русскому языку, в котором учителя так же сильны, как и ученики» [2, д. 1816, л. 356].

Не удивляет в связи с этим большое число учащихся, покидавших школу ещё до её окончания. Обычно таких детей в 70-х гг. было в сельских школах значительно больше, чем заканчивавших полный курс обучения. Так, согласно годового отчёта Дирекции училищ Таврической губернии в 1879 году из всех сельских школ выбыли, не закончив учёбы, 2 615 детей, а прошли полный курс и получили об этом документ лишь 518 [2, д. 1816, л. 230, 231].

Несколько лучше обстояли дела у сельских «образцовых» школ, которые открывались в 70-х годах по решению Министерства просвещения в некоторых крупных сёлах и волостных центрах [6, с. 636]. Цель создания «образцовых» школ виделась Министерству в том, чтобы они, во-первых, служили примером для училищных советов и земств, как надо успешно организовывать работу начальных учебных заведений, а во-вторых, демонстрировали крестьянам, какими должны быть настоящие школы и как в них должно быть построено обучение детей. Управление министерскими «образцовыми» возлагалось исключительно на инспекторов училищ в обход училищных советов [8, с. 639]. Сельские общества выделяли для этих школ участки земли, заботились об их ремонте, отоплении, освещении. В отличие от школ, находившихся под управлением училищных советов, «образцовые» получали из государственной казны денежные пособия на содержание (от 226 до 1 тыс. руб. в год), полностью обеспечивались учебными пособиями. Количество учащихся в расчёте на одного учителя ограничивалось 60 детьми, учителям Закона Божьего выплачивалось фиксированное жалование [6, с. 636-637].

«Образцовые» школы могли быть как 1-классными, рассчитанными на 3 года обучения, так и 2-классными (3 года первый класс, 2 года второй). Благодаря дополнительному классу в учебные программы 2-классных «образцовых» школ были включены история, география, черчение, пение [2, д. 1719, л. 46]. В Таврической губернии таких «образцовых» школ было открыто семь 2-классных (в селах: Кишлав Феодосийского уезда, Большой Токмак Бердянского уезда, Каховка Днепровского уезда, Акимовка, Михайловка, Великая Лепетиха и Нижние Серагозы Мелитопольского уезда), и две 1-классные (в сёлах Саблы Симферопольского уезда и Михайловка Мелитопольского уезда) [2, д. 1946, л. 56].

Однако, и в «образцовых» школах не всё было благополучно. На их работу также оказывало сильное влияние трудное экономическое положение жителей сёл, вынужденных привлекать своих детей к крестьянскому труду с ранних лет и, поэтому, оставлявших их в школе не более чем на 3 года. Второго

класса достигала обычно лишь 1/4 или даже 1/5–1/6 часть учащихся, а заканчивали полный школьный курс сельской 2-классной «образцовой» школы, в лучшем случае, 5% учащихся [2, д. 1946, л. 56].

Сельские школы Таврической губернии в конце 70-х годов XIX века

Во второй половине 70-х годов положение сельских школ в Таврической губернии стало понемногу улучшаться. Это было связано, прежде всего, с активизацией деятельности земств в области образования. выделяемые земствами на содержание начальных народных школ из года в год увеличивались: в 1877 году - 80 261 руб. (из общей суммы 160 459 руб.), в 1879 - 84 162 руб., в 1885 - 125 272 руб. (из общей суммы 201 641 руб.) [2, д. 1816, л. 4, 14, 244; д. 1947, л. 191]. Это давало возможность повышать плату за труд сельских учителей, приближая её средний размер (у мужчин 359 руб., у женщин — 290 руб.) к уровню городских школ (мужчины — 436 руб., женщины — 303 руб.) [2, д. 1816, л. 67; д. 1947, л. 182]. Труд сельского учителя становился более привлекательным, увеличивалось число кандидатов на учительские должности. В конце 70-х гг. в числе учителей 1-классных сельских народных появились выпускники учительских семинарий, которые знали специфику своей работы: умели вести занятия одновременно в трёх отделениях, поддерживать дисциплину и внимание детей [2, д. 1816, л. 281]. Благодаря земствам в сельских школах оформлялись библиотеки, которые пополнялись учебной и художественной литературой, комплектами учебных пособий, в том числе таблицами, шведскими счётами, глобусами, образцами мер длины и ёмкости, циркулями, транспортирами [2, д. 1932, л. 24].

Постепенно менялось и отношение крестьян к школе, приходило осознание её пользы и значимости. Всё чаще не земствам и училищным советам приходилось убеждать крестьянское общество завести школу, а, наоборот, крестьянам просить земство оказать им помощь в её открытии.

К 1879 году общее количество школ в сёлах Таврической губернии достигло 232, увеличившись за 10 лет на 112. При этом в северных материковых уездах школ было в 2,7 раза больше, чем в Крымских: в Бердянском — 91, Мелитопольском — 67, Днепровском Феодосийском — 35, Симферопольском — 6, Ялтинском — 6, Евпаторийском — 5, Перекопском — 2 [2, д. 1816, л. 492-493]. Учились в этих школах более 13,5 тыс. детей, из них около 12 тыс. мальчиков и около 2 тыс. девочек [2, д. 1723, л. 34,40; д. 1816, л. 230]. Велика была разница между отдельными уездами по числу учащихся: более 90 процентов из них (почти 12,5 тыс.) приходилось на северные уезды — Мелитопольский, Бердянский, Днепровский. Меньше же всего учащихся числилось в сельских школах Крымских уездов: в Перекопском — около 80, более 100, Евпаторийском Ялтинском _ немногим

Симферопольском — 250. Лишь в Феодосийском уезде Крыма в конце 70-х гг. сельские школы посещали более 750 учащихся [2, д. 1816, л. 230].

Таблица 1. Количество сельских школ в Крымском учебном районе и их соотношение с числом сёл и сельского населения уездов в Крыму [2, д. 1816, л. 4, 14, 244; д. 1947, л. 191; д. 1856, л. 23].

Крымский	Кол-во	Кол-во	Соотношение	Соотношение
учебный район	сельских	учащихся	числа школ и	числа учащихся
(уезд)	школ		числа сел	и числа жителей
Симферопольский	6	248	1:23	1:99
Евпаторийский	5	124	1:41	1:118
Феодосийский	20	751	1:13	1:66
Ялтинский	6	105	1:7	1:153
Всего в 4-х уездах	37	1228	1:17	1:85

В среднем 1 сельская школа приходилась в Крыму на 17 русских сёл, а один учащийся сельской школы на 85 жителей сел. По подсчётам представителя Министерства просвещения во всей Таврической губернии в конце 70-х гг. XIX века сельские русскоязычные школы посещали лишь 25 процентов детей школьного возраста, а остальные три четверти детей не были охвачены школьным обучением [2, д. 1816, л. 280]. В последней четверти XIX века работа в этом направлении станет одной из главных задач центральных и местных властей, в том числе земств Таврической губернии.

Заключение

Демократические преобразования 60-х гг. XIX века в области просвещения нашли своё воплощение в появлении в Таврической губернии сельских школ нового типа — начальных народных училищ, учреждённых Положениями от 14 июля 1864 года. В процесс создания сельских школ были вовлечены многие управляющие и контролирующие структуры, уездные земства, сельские общества. Их усилия часто наталкивались на трудности экономического и социального характера, которые замедляли темпы и сокращали масштабы процесса. Сами сельские школы испытывали значительные материальные затруднения, страдали нехватки профессионально-подготовленных учителей, OT непонимания частью сельского населения значения и роли школы в жизни общества. Однако процесс создания сельских школ постепенно ускорялся и к концу 70-х гг. их число достигло 232. Эти показатели не могли удовлетворить потребности, так как в конце 70-х гг. в сельских школах губернии училась лишь четвертая часть детей школьного возраста. Тем не менее опыт создания сельских школ,

накопленный в Таврической губернии за полтора десятка пореформенных лет, дал возможность (главным образом земствам) развернуть в последней четверти XIX века масштабную работу в этом направлении на более высоком уровне и более быстрыми темпами.

Источники и литература

- 1. Бойко, В. Я. Заселение Южной Украины 1860–1890 гг. Черкассы: Сіяч, 1993. 256 с.
- 2. Государственный Архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 100 (Дирекция училищ Таврической губернии). Оп. 1, дд. 851, 1024, 1382, 1403, 1530, 1682, 1719, 1723, 1816, 1856, 1932, 1946, 1947, 1975, 2047.
- 3. Громова, Н. Ф. Образование и наука в Крыму (конец XVIII–начало XXI в.) // Крым от древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: ЧерноморПресс; Феодосия: Коктебель, 2010. С. 343–370.
- 4. Громова, Н. Ф. Сельские школы Таврической губернии в дореформенный период // Гуманитарная парадигма. 2018. № 3 (6). С. 48–62.
- 5. Константинов, Н. А., Струминский, В. Я. Очерки по истории начального образования в России. М.: Учпедгиз, 1953. 272 с.
- 6. Об учреждении инспекторов народных училищ, открытии образцовых училищ и других мерах к развитию начального образования // Российское законодательство об образовании XIX начала XX века: в 3 т. / Ред.-сост. Э. Д. Днепров; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики. 2017. Т. 1. С. 636–637.
- 7. Положения о начальных народных училищах 14 июля 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2. Т. 39. № 41068. Отделение 1. СПб.: Тип. Второго отд. Собственной Его Имп. Велич. Канцелярии. 1867. С. 614–617.
- 8. Российское законодательство об образовании XIX начала XXв.: сб. док.: в 3 т. / Ред.-сост. Э. Д. Днепров; Нац. исслед. ун-т «ВШЭ». М.: ИД ВШЭ. 2017. Т. 1. 832 с.
- 9. Россия: Энциклопедический словарь / Под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского]. Репринт. Л.: Лениздат, 1991. 922 с.
- 10. Секиринский, С. А. Население Крыма и Северной Таврии (вторая половина XVIII нач. XX века) // Вестник: Информационно-методический бюллетень. Симферополь. 1990. Вып. 3. С. 19–45.
- 11. Хлебодаров, С. А. Законодательные основы деятельности земства в области начального образования (1864–1914 гг.) // Вектор науки Тольятинского гос. ун-та. N_0 7 (10). 2010. С. 46–49.

~

УДК 9:332:21/28 (447.75) «17»

Кузьмина Людмила Леонидовна

Кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Таврическая академия,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Российская Федерация, Симферополь, e-mail: ksynia-2006@mail.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ СПЕЦИАЛИЗАЦИЯ РАЙОНОВ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА: ПРОБЛЕМА ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАБОЧЕЙ СИЛОЙ

В статье рассматриваются факторы, которые способствовали хозяйственному освоению территории Крыма после его вхождения в состав Poccuu. В частности, это заселение территории полуострова, формирование состава рабочей силы в сельском хозяйстве, а также сельскохозяйственной специализации особенности районов Крыма. Анализируется также процесс формирования состава государственных и крепостных крестьян, процесс миграции в Крым иностранных колонистов, а также влияние этих факторов на развитие сельскохозяйственного производства на полуострове в рассматриваемый период. Внимание уделено рассмотрению и влиянию на сельскохозяйственную специализацию районов Крыма природно-географических, а также экономических факторов. Проанализирована специфика сельскохозяйственного производства различных районах Крыма, частности, степных, предгорных, южнобережных землях в конце XVIII – первой половине XIX века. Сделаны выводы о том, что специализация сельскохозяйственных районов Крыма развитию способствовала товарно-денежных отношений в рассматриваемый период.

Ключевые слова: специализация сельскохозяйственных районов Крыма, состав государственных и крепостных крестьян, иностранные колонисты; развитие животноводства, садоводства, полеводства, виноградарства.

Lyudmila L. Kuzmina

PhD in History science, Associate Professor of the Department of history, Taurida Academy, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Russian Federation, Simferopol

THE AGRICULTURAL SPECIALIZATION AREAS OF CRIMEA IN THE LATE XVIII — FIRST HALF OF THE XIX CENTURY: THE PROBLEM OF PROVIDING LABOR

Abstract. The article deals with the important factors that contributed to the economic development of the Crimea after its entry into Russia. These are, in particular, the settlement of the Peninsula, the formation of the labor force in agriculture, as well as features of agricultural specialization of the regions of Crimea. The author analyzes the process of formation of the composition of state and serfs, the process of migration of foreign colonists to the Crimea, as well as the impact of these factors on the development of agricultural production on the Peninsula in the period under review. Attention is also paid to the peculiarities of agricultural specialization of the Crimea, the impact on these processes of natural and geographical, as well as economic factors. The specificity of agricultural production in different regions of the Crimea, in particular, steppe, foothill, South-Bank lands in the late XVIII century – the first half of the XIX century. It is concluded that the specialization of agricultural areas of the Crimea contributed to the development of commodity-money relations in the period under review.

Key words: specialization of agricultural areas of Crimea, the composition of state and serfs, the foreign colonists, the development of livestock, horticulture, crop production, viticulture.

Для цитирования:

Кузьмина, Л. Л. Сельскохозяйственная специализация районов Крыма в конце XVIII — первой половины XIX века: проблема обеспечения рабочей силой // Гуманитарная парадигма. 2019. N^0 1 (8). С. 108–119.

Вскоре после опубликования Манифеста Екатерины II о принятии Крыма под «державу Российскую» из Крымского полуострова и прилегающих к нему земель Южной Украины и Тамани в 1784 году была образована Таврическая область. Одной из важнейших проблем являлась задача её заселения.

В конце XVIII века началось заселение территории Таврической области выходцами из центральных губерний России. В 1787 году всем генералгубернаторам было дано распоряжение позволять государственным крестьянам из так называемых малоземельных губерний, переселяться в Новороссийский край [13, с. 196]. Также одним из способов заселения новых территорий являлось поселение в Таврической области, в частности, в Крыму, отставных солдат. Солдаты «выключались» из полков, снабжались амуницией, денежным жалованием, провиантом и под командой специально выделенных офицеров отправлялись в места, выделенные для поселения. В 1784 году по

распоряжению Г. А. Потёмкина было уволено в отставку и назначено для поселения в Таврической области из II гренадерского и Киевского полков 69 человек; из Севастопольского корпуса — 114 человек; из Феодосийского корпуса — 134 человека; из Вятского пехотного полка — 4 человека; из Екатеринославского и Ярославского полков — 61 человек, из Таврического пехотного полка — 106 человек, из Константиноградского полка — 20 человек. Таким образом, было уволено с военной службы и назначено к переселению 511 человек. В 1787 году Г. А. Потёмкин издал распоряжение «всех назначенных за разными неспособностями в отставку нижних чинов Кубанского корпуса отправить на поселение в Тавриду» [7, с. 210]. Количество таких солдат составило 411 человек. Большинство солдат были направлены на поселение в Тавриду в принудительном порядке, но были и добровольные поселенцы.

Для закрепления поселенцев на новой территории, правительство предпринимает ряд мер. Правительство стало наделять отставных солдат землей, а также принудительно переселяло в Крым женщин, предназначенных в жены. В 1785 году в Крым было доставлено: 8 февраля 45 женщин, 9 мая — 34 женщины и 10 июня — 20 женщин [2, с. 111]. В 1786 году в Таврическую область было направлено 6 партий женщин. Всего для поселения отправлено 1 497 женщин. Большинство из них стали жёнами солдат, проходивших службу в Таврической области. 218 женщин были выданы замуж за русских поселенцев, 80 женщин «на холостом положении» были поселены в Бахчисарай.

В результате поселения в Таврической области отставных солдат и других категорий поселенцев были основаны следующие селения:

- 1) в Симферопольском уезде Подгорное, Петровское, Мазанка, Курцы, Зуя, Верхние Саблы, Владимировка, Мангуш;
 - 2) в Евпаторийском уезде Трёх-Абламы;
 - 3) в Феодосийском Изюмское, Елизаветовка [8, с. 226].

Кроме того, русские поселенцы селились небольшими группами в крымскотатарских селениях и в имениях русских помещиков.

Одновременно с поселением отставных солдат в Таврическую область на постоянное место жительства отправлялись и русские люди, оставшиеся в пределах Османской Империи на территории Молдавии. Вывод русских людей из Молдавии осуществлялся по договорённости с правительством Турции, всего было отправлено 2 353 человека. Часть из них была направлена в Симферополь.

Также в Таврической области селились выходцы из Польши. Так, в 1787 году в имение В. С. Попова прибыло 73 выходца из Польши, в 1788— ещё 20 человек. Судя по фамилиям переселенцев, все они были русскими и украинцами.

Кроме названных категорий, большую роль в истории Крыма сыграло переселение на полуостров государственных и крепостных крестьян из русских и украинских губерний. В 1787–1788 годах на Крымском полуострове поселились около трёх тысяч старообрядцев из Новгорода-Северского. Сюда из Рязанской губернии же были переселены государственные крестьяне — 167 мужчин и 17 женщин [1, л. 8]. В середине 90-х годов XVIII века из Черниговского наместничества было переселено 6 650 человек, из Курского — 127 человек. Переселенцы освобождались на полтора года от уплаты податей и на 3 года — от постоя войск.

При переселении в Таврическую область жителей слободы Гончарской Екатеринославского наместничества (634 человека) на каждого из них было отведено по 15 десятин земли, а также по 20 рублей на двор. Переселенцам предоставлялся казённый скот, плуги, топоры, пилы и другие орудия труда [2, л. 11]. В 1785 году по распоряжению правителя Таврической области весь оставшийся после отъезда части крымских татар за границу скот и другое имущество было предложено передать переселенцам.

Но часто условия жизни переселенцев были очень плохими. Жили по две семьи в одной избе, нередко переселенцы ютились в землянках. Снабжение провиантом (до обзаведения собственным хлебом) было организовано плохо.

Одним из путей освоения Таврической области было поселение здесь беглых крепостных крестьян. С середины XVIII века Таврическому областному поселению нередко сообщалось, что некоторое количество крестьянских семей (иногда свыше 100) бежало от своих помещиков в Таврическую область, выражалась просьба принять меры к их розыску. Однако местная администрация, как правило, сообщала, что беглых крестьян обнаружить не удалось. Позднее по указу Павла I 1797 года категорически запрещалось «самопроизвольное» принятие поселян, «приём и держание других крестьян и всякого рода беглых людей» [5, с. 560].

Определённое место в заселении Крыма занимал перевод из центральных губерний страны крепостных крестьян, принадлежавших русским помещикам. Г. А. Потёмкин и его приемник П. Зубов широко практиковали раздачу земель в Крыму русским помещикам и чиновникам. Так, до 1787 года было роздано 288 064 десятин крымской земли. Однако заселение Таврической области крепостными крестьянами проходило очень медленно. По данным А. Скальковского, в 1793 году в Крыму было всего 266 душ российских крепостных [13, с. 197].

По данным V ревизии, в Таврической области в 1796 году существовал ряд новых поселений, которые образовались в результате переселения сюда казённых и помещичьих крестьян. Так, в Симферопольском округе — 13 деревень, в которых проживало 1 074 душ мужского пола, в Феодосийском

округе — 4 деревни (318 душ мужского пола); в Евпаторийском округе — 2 деревни (191 душа), и т. д. Вначале XIX века на полуострове было 8 716 крепостных крестьян, включая детей [11, с. 130].

Основными группами, из которых формировался состав государственных крестьян, являлись крымские татары, а также русские и украинские поселенцы. Данные ревизий позволяют проследить рост численности государственных крестьян в Таврической области в период с 1783 по 1857 годы. В 1783 году государственных крестьян было 42 029 душ мужского пола, а в 1857 — 24 9476 душ. Таким образом, за 74 года число государственных крестьян в Таврической губернии увеличилось почти в 6 раз.

Процесс переселения на территорию Крымского полуострова поселенцев вызывал значительные расходы государственной казны. Однако только предоставлением материальных льгот можно было привлечь переселенцев, особенно иностранных, на территорию Крымского полуострова. Так, каждому семейству, переехавшему в Крым из внутренних губерний России, было положено выдавать по 100 рублей из казны на обзаведение, независимо от других преимуществ и льгот [3, л. 6]. Предоставление льгот переселенцам помогало им закрепиться на территории Крыма, развивать хозяйство.

Наряду с продолжавшейся миграцией в Крым русских, украинцев, которых к началу Крымской войны на полуострове насчитывалось до 15 тысяч, активно развивалось переселенческое движение немцев-колонистов. Среди переселенцев преобладали представители различных протестантских общин – евангельско-лютеранских, менонитских, НО были также католики представители других конфессий. Немцам-колонистам оказывалась всесторонняя помощь со стороны властей. Немцам из секты меноннитов бесплатно предоставлялось 85 десятин земли на семью и освобождение на 10 лет от всех налогов, а также крупные денежные пособия и семенной материал. Другим немецким поселенцам передавались в собственность 60-65 десятин земли на семью, предоставлялись льготы по уплате налогов на 20 лет, оказывалась помощь деньгами, скотом. Колонисты полностью освобождались от воинской повинности [10, с. 320]. Во многом именно для нужд немецких колонистов, занимавшийся садоводством, и в основном их руками был заложен Никитский ботанический сад. Кроме того, было заложено несколько садовых питомников близ Старого Крыма.

Несмотря на то что первые немецкие переселенцы поселились в Крыму ещё в 1786 году, массовый характер переселение немцев на полуостров приобрело в начале XIX века. В 1805 году они образовали в Симферопольском уезде 3 колонии: Нейзац, Фриденталь и Розенталь. Ещё 3 колонии были созданы в Феодосийском уезде — Гельбрунн, Судак и Герценберг. В первой четверти XIX века в Крыму образуется большое количество немецких

поселений: в 1804 году — 14 колоний, в 1805 — 17, в 1810 — 6, в 1820 — 10, а также по 2 поселения в 1811 и 1819 годах, в 1806,1809, 1814, 1816 и 1817 годах — по одному.

Многие исследователи, анализировавшие причины немецкой колонизации, высказывали точку зрения, что одной из важных причин переезда немцев в Крым являлся недостаток свободных земель на их родине. А в Крыму немецкие колонисты занимали очень хорошие земли. Вместе с тем, существует и другая точка зрения (которой, в частности, придерживалась Е. И. Дружинина), согласно которой одной из главных причин переезда немцев явились политические и религиозные гонения. Большая часть колонистов (14 306 чел.) принадлежали к секте меноннитов, возникшей в XVI веке, кроме того, в Крым переселилось 9 160 лютеран и 4 514 католиков.

В способах хозяйствования немецких колонистов рано развились элементы капиталистического уклада. Уже в первой половине XIX века в этой среде наблюдались процессы имущественной и социальной дифференциации. Например, некоторые колонисты владели большими земельными участками (кроме недельных земель) на правах частной собственности. Так, Мартенс имел 33 691 десятин земли, Фейн — 3 675 десятин, Ярцен — 3 318 десятин. Вместе с тем, из 4 183 семей иностранных колонистов в 1841 году насчитывалось 1 704 безземельных. Они были вынуждены арендовать землю или наниматься в батраки.

Земельный надел колонистов существовал наряду со двором — хозяйством. Он находился под управлением главы семьи с одобрения её членов. Согласно закону 1800 года после смерти хозяина надел не делился между наследниками, а передавался младшему сыну. В случае же его смерти начальство назначало другого наследника [10, с. 300].

В Крыму немецкие колонисты успешно занимались сельскохозяйственным производством, в частности, земледелием, скотоводством, виноградарством, садоводством, шелководством.

Как и немцы, сельскохозяйственным производством занимались переселенцы из Швейцарии. В 1804 году выходцы из нескольких швейцарских кантонов основали колонию Цюрихталь [7, с. 217]. Их экономическое процветание было основано на трудолюбии и применении новых для того времени технологий производства. Со временем жители Цюрихталя основали новый населённый пункт — Гей-Цюрихталь. Постепенно потомки швейцарских переселенцев ассимилировались с другими немецкоговорящими этническими группами.

Греки, жившие в Крыму с древнейших времен, в 1778 году были переселены в Приазовье. Выселение более 30 тысяч греков-христиан заметно ухудшило экономическую ситуацию в Крыму, поскольку они были самыми

активными участниками хозяйственной деятельности в Крымском ханстве. После подписания Кючук-Кайнарджийского мира 10 июля 1774 года гарантировалась независимость Крыма. Возникли условия для возвращения в Крым греческого населения. Его переселение велось под знаком защиты христианского населения от притеснений со стороны мусульман. Екатерина II считала, что греки, оказавшись под покровительством России, обретут на новых местах «спокойную жизнь и возможное благоденствие» [8, с. 227].

Первое новогреческое поселение в Крыму появилось в Керчи и Ени-Кале после Кючук-Кайнарджийского мира. Его жители освобождались от повинностей на 30 лет. В дальнейшем был создан греческий пехотный полк, который нёс службу на морском побережье Крыма. Центром их пребывания являлась Балаклава. Офицеры полка получили по 60 десятин земли, а рядовые — по 15 десятин. Греками было занято 5 деревень вокруг Балаклавы [16, с. 25].

Первые болгарские колонисты появились в Крыму вначале XIX века. В 1802 году вблизи города Старый Крым была основана болгарская колония. В 1803 году болгарская колония создаётся и в Феодосийском уезде. В 1821 году в Крыму насчитывалось уже 2 712 болгар обоего пола.

Греческое и болгарское население крымских сёл занималось в основном сельским хозяйством: садоводством, огородничеством, виноградарством.

Массовое переселение греков и болгар из Румелии и Анатолии продолжалось в 1828–1832 годах. В течение весны-лета 1830 года в Севастополь, Евпаторию, Керчь и Феодосию прибыли греки и болгары из Варны, Бургаса, Василико, Корфо-Колиба, Ахиолло, Инеяды, Созополя, Среди переселенцев Агатуноли, Сливена. было значительное число виноградарей. Румелийские земледельцев, садоводов, переселенцы поселились в бывших селениях крымских татар близ Феодосии, Карасубазаре. Для развития садоводства, виноградарства несколько десятков семей были поселены в Ялте.

Естественно, иностранные переселенцы принесли объективную пользу экономике Крыма. Они обладали опытом ведения сельского хозяйства, передовым для рассматриваемого времени уровнем агротехники. Значительную роль сыграло также предоставление им целого ряда льгот, в частности, обеспечение земельными наделами, семенами, а также налоговые послабления.

Появление в Крыму русских и украинских крестьян, основным занятием которых было зерновое хозяйство, способствовало интенсивному развитию этой отрасли.

Уже к началу XIX века в сельскохозяйственном производстве Крыма происходил интенсивный процесс специализации отдельных районов

полуострова. Это было обусловлено природно-географическим условиями полуострова, а также усилением товарообмена, увеличением зависимости помещичьих и крестьянских хозяйств от рынка. Отдельные районы Крыма отличались тем, что специализировались на производстве тех или иных видов сельскохозяйственной продукции.

В степных районах Крыма особенно широкое распространение получило скотоводство с преобладанием овцеводства и коневодства. Большой спрос на шерсть на внутреннем рынке обусловил развитие овцеводства в Крыму. Этому способствовало также наличие пастбищ для выпаса овец в степной части Крыма, причём плотность населения в этом районе была крайне незначительной. Проводя политику, направленную на быстрое хозяйственное освоение края, правительство предоставляло значительные льготы — снижение налогов, денежные кредиты собственникам, занимавшимся овцеводством. В 1848 году по неполным данным, в Крыму насчитывалось 748 800 голов овец. Некоторые помещики организовывали в своих имениях суконные фабрики [6, с. 9].

Одним из основоположников овцеводческих хозяйств становятся предприниматели, французы Рувье и Гене Васаль [12, с. 73]. Они по достаточно низким ценам скупали значительные земельные участки и основали свои овцеводческие хозяйства. В таких хозяйствах в первой половине XIX века стада тонкорунных овец насчитывали несколько десятков тысяч голов. Крупные овцеводческие хозяйства объединились в акционерные компании и товарищества. О развитии овцеводства в Крыму в первой половине XIX века свидетельствуют следующие данные:

Годы	Поголовье овец (голов)
1823	112 000
1837	685 470
1848	965 420
1851	1 027 000
1856	1 199 000

Приведённые данные свидетельствуют о том, что в первой половине XIX века тонкорунное овцеводство развивалось на полуострове достаточно высокими темпами. За тридцать лет, с 20-х до середины 50-х годов XIX века, количество овец увеличилось более чем в десять раз [7, с. 221]. Однако расширение с середины XIX века посевных площадей, совершенствование системы земледелия сопровождалось постепенным вытеснением овцеводства, развитием других отраслей сельского хозяйства.

В горном Крыму с древних времен выращивали виноград. Вначале XIX века основной сельскохозяйственной специализацией этого района являлось виноградарство. После вхождения Крыма в состав России большой вклад в развитие виноградарства внёс Григорий Александрович Потёмкин. Он активно приглашал специалистов из зарубежных стран по выращиванию винограда. Уже начиная с 1785 года в Крым приезжали специалисты по виноградарству [12, с. 89]. Г. А. Потёмкин выписывал лучшие сорта виноградных лоз, поощрял помещиков и предпринимателей, занимавшихся развитием виноградарства.

В 1803, 1828 и 1830 годах были изданы указы о льготах для лиц, занимавшихся виноградарством. Казённые земли передавались им в бесплатное пользование и даже личное потомственное владение [6, с. 13].

Успешному развитию виноградарства в Крыму способствовало открытие в Судаке казённого училища виноградарства и виноделия, а также основание в 1812 году Магарачского училища виноделия. Такие училища стали своеобразными опытными лабораториями по выведению прекрасных сортов винограда и других специализированных культур. Уже в 1836 году только между Алуштой и Керчью произрастало около трёх миллионов кустов винограда. Об успешном развитии виноградарства в Крыму в первой половине XIX века свидетельствуют следующие данные:

в конце 20-х г. XIX в. около 5 800 000 кустов винограда,

в конце 30-х г. XIX в. около 12 000 000 кустов винограда,

в конце 40-х г. XIX в. около 35 000 000 кустов винограда [6, с. 14].

Из приведённых данных следует, что за двадцать лет количество виноградных кустов на полуострове увеличилось более чем в 6 раз. Этот показатель мог быть значительно выше, но более интенсивному развитию виноградарства препятствовало, в частности, отсутствие хороших путей сообщения между Крымом и центральными губерниями России. Это привело к тому, что по существу весь урожай винограда оставался в Крыму и перерабатывался на вино.

В 1830 году губернатором Новороссии М. С. Воронцовым было роздано около 200 тысяч десятин земли на южном берегу Крыма в бесплатное пользование частным лицам. Они давали обязательство заниматься на этих участках виноградарством и садоводством.

В 1848 году площадь виноградников в Крыму составляла 5 137 тысяч десятин земли, на которых росло 28,5 млн. виноградных кустов. В 20–40-е годы XIX века были построены винные заводы в Алуште, Ливадии, Гурзуфе. В 1846 году была основана крупнейшая в России виноторговая фирма «Г. Н. Христофоров и К°» [7, с. 222].

Для производства вин основными были такие сорта винограда, как Каберне, Рислинг, Пино, Кокур, Мильбек, Шасла, Мурведер, Токай, Мускаты и др. [8, с. 337]. В 1848 году было изготовлено 716 тысяч вёдер вина. Это в пять раз больше, чем в 1825 году [6, с. 15]. Крупнейшие производители вина в Крыму, в частности, граф М. С. Воронцов, представители дворянства, стремились вводить новые технологии производства вина в своих хозяйствах. Из-за приглашались специалисты В области границы виноделия, выписывалось зарубежное оборудование [8, с. 225]. В 1827 году более мелкие производители вина создали акционерную «Крымскую винную компанию», которая занималась производством и продажей вина. Изготовленные в Крыму вина продавались далеко за пределами Крыма, иногда за пределы полуострова вывозились свежие и сушёные фрукты.

Параллельно с виноградарством развивалось садоводство. Основными районами развития садоводства являлись речные долины — Салгирская, Качинская, Альминская, Бельбекская. Территории, занимаемые фруктовыми садами, постоянно увеличивались. К середине XIX века площадь, занимаемая фруктовыми садами, была следующей: в Качинской долине — 959 десятин, в Альминской — 700 десятин, в Бельбекской — 580 десятин, в Салгирской — около 330 десятин. Помещики охотно занимались садоводством, так как оно давало значительную прибыль [6, с. 19].

В пригородных районах полуострова развивалось огородничество товарного типа. Так, в районе Евпатории в первой половине XIX века на больших площадях выращивали лук, продававшийся не только в Крыму, но и вывозившийся в Одессу и даже Константинополь.

В предгорных и южнобережных районах Крыма достаточно успешно развивалось также пчеловодство. Мёд из Крыма вывозился за границу, в частности, в Турцию [7, с. 221].

первой половине XIX века Крыму начинает развиваться табаководство. Изначально площадь табачных плантаций составляла 336 десятин. Огородничеством И табаководством занимались преимущественно арендаторы. Табак вывозился во внутренние губернии России и за границу. По неполным данным, в Крыму производилось более 16 тысяч пудов табака в год [14, с. 330]. Табаководством занимались в Феодосии, Симферополе, Ялте.

Из-за особенностей природно-климатических условий Крыма здесь сложно было развивать полеводство. Это приводило к тому, что край даже не мог обеспечить себя достаточным количеством хлеба и другой сельскохозяйственной продукцией. В своих записях живший в Крыму в этот период П. П. Сумароков сообщал о размерах ввоза сельскохозяйственной

продукции в Крым. В частности, он отмечал, что только в 1801 году через Евпаторийский порт было ввезено 20 тысяч четвертей пшеницы [15, с. 30].

В конце первой половины XIX века положение в полеводстве на полуострове стабилизируется. С середины 30-х годов XIX в. начинает более интенсивно развиваться зерновое хозяйство. Постепенно увеличивается количество посевных площадей, идёт совершенствование методов и способов обработки почвы, вводится современная техника. Это приводило к увеличению урожайности сельскохозяйственных культур. Постепенно развитие полеводства способствовало обеспечению населения Крыма необходимой сельскохозяйственной продукцией.

Появляются даже излишки товарного хлеба для вывоза на внешние рынки. К концу первой половины XIX века полеводство становится одной из ведущих отраслей сельского хозяйства Крыма. Кроме зерновых, выращивался картофель и другие культуры. В частности, сохранилось распоряжение о том, что «окружной начальник предписал начать сев картофеля... Управляющему необходимо выделить казённые земли и подготовить их к посеву картофеля. По приказу годных к работам отдавать, а неспособных к работам приписывать в город» [4, л. 3].

Подъём производственных отраслей, в том числе сельского хозяйства, способствовал развитию торговли Крыма. Особенности развития сельского хозяйства Крыма, в частности специализация районов, приводили к быстрому развитию внутренней и внешней торговли, развитию товарно-денежных отношений. В центральные районы России вывозились крымский виноград, фрукты, вино. Помимо вина, винограда и фруктов в центральные губернии России из Крыма вывозилась овечья шерсть, кожа, табак. Через черноморские порты на экспорт отправлялись из Крыма такие товары, как шерсть, мёд, табак, хлеб. Узкоспециализированые хозяйства не могли существовать без риска, они имели ярко выраженный товарный характер. Продукция этих хозяйств — виноград, яблоки, овощи, табак, шерсть — полностью предназначались для продажи.

способствовало Развитию товарно-денежных отношений И TO сельском хозяйстве на обстоятельство, что В полуострове широко использовался наёмный труд. Все эти обстоятельства приводили к тому, что сельское хозяйство Крыма становилось на капиталистический путь развития, значительно опережая в этом центральные губернии России.

Источники и литература

1. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 799 (Таврическое областное правление), оп. 4, д. 3, л. 8.

- 2. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 799, (Таврическое областное правление), оп. 1, д. 85, л. 11.
- 3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 799, (Таврическое областное правление), оп. 4, д. 2, л. 6.
- 4. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 629 (Алупкинское сельское управление), оп. 1, д. 18, л. 3.
- 5. Дворниченко, А. Ю. Российская история с древнейших времен до падения самодержавия. М.: Весь Мир ,2010. 944 с.
- 6. История городов Украинской ССР: в 26 т. Т. 26: Крымская область / Ред. кол.: Л. Д. Солодовник (пред.) и др. Киев: Украинская энциклопедия, 1974. 623 с.
- 7. История Крыма с древнейших времён до наших дней (в очерках). Симферополь: Атлас-компакт, 2013. 420 с.
- 8. Крым. От древности до наших дней / Под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь: Черномор ПРЕСС, 2010. 656 с.
- 9. Надинский, П. Н. Очерки по истории Крыма: в 2 ч. Ч. 1. Симферополь: Крымиздат, 1951. 303 с.
- 10. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей: в 20 т. / Под ред. В. П. Семёнова-Тян-Шанского; под общ. рук. П. П. Семёнова-Тян-Шанского и В. И. Ламанского. Т. 14: Новороссия и Крым (Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская губернии и область войска Донского) / Сост. Б. Г. Карпов, П. А. Федулов, В. И. Каратыгин и др. СПб.: Изд-во А. Ф. Девриена, 1910 г. 983 с.
- 11. Секиринский, С. А., Волобуев, О. В. Сельское хозяйство Крыма и Северной Тавриды в конце XVIII начале XIX веков. Симферополь: Таврия, 1980. 228 с.
- 12. Секирский, С. А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма. Симферополь : Таврия, 1984. 131 с.
- 13. Скальковский, А. Н. Хронологическое обозрение истории Новороссийского края: 1730–1823: в 2 ч. Одесса: Городская тип-я, 1838. 567 с.
- 14. Скальковский, А. Н. Опыт статистического описания Новороссийского края: в 2 ч. Ч. II: Хозяйственная статистика. Одесса: Тип. Л. Нитче, 1853. 468 с.
- 15. Сумароков, П.И. Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду: в 2 ч. СПб: Императорская типография, 1803. Ч. 1. 273 с.
- 16. Шнейдер, Д. С. Балаклава: производительные силы, курорт, история. Симферополь: Крымское Государственное издательство, 1930. 48 с.

~

языковая коммуникация

УДК 808.5

Морозова Татьяна Викторовна

Кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Русский язык и русская литература» ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»; Российская Федерация, Севастополь, e-mail: a2424t@yandex.ru

НАЦИОНАЛЬНОЕ КОММУНИКАТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ДОМИНАНТНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ ОБЩЕНИЯ

В статье охарактеризованы основные особенности русского коммуникативного поведения. Автором анализируется связь норм русского коммуникативного поведения с лингвокультурной общностью, которая отражает общепринятые правила поведения и коммуникативно грамотного общения.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативное поведение, национальное коммуникативное поведение, коммуникативная культура, общение, личность.

Tatyana V. Morozova

PhD in Philology science, Associate Professor, Associate Professor of the Department, «Russian language and Russian literature», Sevastopol State University; Russian Federation, Sevastopol

NATIONAL COMMUNICATIVE BEHAVIOR: THE DOMINANT FEATURES OF THE RUSSIAN CULTURE OF COMMUNICATION

Abstract. The article describes the main features of Russian communicative behavior. The author analyzes the relationship of the norms of Russian communicative behavior with the linguistic and cultural community, which reflects the generally accepted rules of behavior and competent polite communication.

Key words: communication, communicative behavior, national communication behavior, communicative culture, communication, personality.

Для цитирования:

Морозова, Т. В. Национальное коммуникативное поведение: особенности русской культуры общения // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (9). С. 120–126.

В характере и формах межличностного общения находят отражение речевые стереотипы **участников**. мыслительные его Этнические автостереотипы, то есть суждения представителей того или иного этноса о стандартах поведения [14, с. 142], коммуникантами в момент общения неосознаваемы, но обусловливают языковые практики каждого из них. В общении представителей разных культур нередки (и отчасти закономерны) коммуникативные неудачи. Их появление объясняется наличием культурного коммуникативного барьера, который собеседникам приходится преодолевать при установлении контактов [2; 10]. Закреплённость у представителей разных общностей лингвокультурных (народов, наций) норм правил коммуникативного поведения свидетельствует о сформированности у них коммуникативных навыков успешного общения.

целом, нормы коммуникативного поведения бытуют общекультурном, групповом, ситуативном и индивидуальном уровнях [5]. Так, к общекультурной норме относится обязательное сопровождение приветствия улыбкой у англичан, немцев, китайцев. При этом такое поведение не входит в общекультурный комплекс, например, русских, для которых улыбка при исключительно личным приветствии предстаёт проявлением доброжелательности говорящего к собеседнику [11, с. 13]. Групповые коммуникативные нормы отражают особенности общения определённой группы людей, связанных между собой по гендерному, профессиональному, возрастному, социальному признаку. Так, мужчины-европейцы приветствуют друг друга рукопожатием, женщины при встрече обмениваются дружеским поцелуем; военные отдают честь; коллеги, посетители учреждения, студент и преподаватель и пр. обмениваются приветственными клише («Здравствуйте», «Добрый день» и др.), как правило, сопровождая их лёгким кивком головы [6]. Ситуативные нормы обусловлены определёнными экстралингвистическими факторами — условиями и обстоятельствами общения, которые определяют два типа коммуникативного поведения: вертикальное и горизонтальное. Вертикальное коммуникативное поведение представляет собой общение неравных по социальному статусу людей, то есть по формуле «вышестоящийнижестоящий», а горизонтальное определяется принципом равный». Эти виды коммуникативного поведения могут быть обусловлены национально-культурной принадлежностью коммуникантов [12], например: в русской культуре, в отличие от культур восточных, женщины и мужчины придерживаются горизонтального типа поведения; заметно отличается от коммуникативного поведения русских строго вертикальный вид поведения мусульман в отношениях между ребёнком и старшим [13, с. 97]. Индивидуальные нормы коммуникативного поведения зависят от факторов, формирующих уровень коммуникативной образованности личности. Такими факторами могут являться возраст личности, уровень его грамотности, воспитанности, а также сфера употребления, принцип взаимодействия. Так, например, малообразованный, невоспитанный человек может позволить себе непристойно выражаться в общественных местах, нарушая нормы культурного и этического поведения. А человек образованный будет стремиться к выражению мысли в соответствии с литературной нормой, речевым этикетом и обстоятельствами общения.

Все перечисленные уровни бытования межличностного общения в той или иной степени регулируются универсальными, общими для всех нормами (этикетом), но конкретное их воплощение в речи представителей отдельных лингвокультурных общностей имеет свою специфику и определяется национальными стандартами. Национальное коммуникативное поведение это совокупность традиций общения людей, объединенных общим языком и общей (как в историческом, так и в актуальном планах) культурой, и определяемые этой традицией речевые нормы антинормы (коммуникативные табу). Проблеме изучения русского коммуникативного поведения посвящены многочисленные исследования, среди которых важное место занимают работы А. Г. Балакая [1], И. А. Стернина и Ю. Е. Прохорова [13], Н. И. Формановской и др. Отношениям между языком и действительностью, между говорящим и его партнёром посвящены труды Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, А. А. Кибрик [см.: 17], А. А. Мецлера [10], А. И. Роговской [14], К Ф. Седова [15], С. Г. Тер-Минасовой [17] и др. Мы в данной статье ставим цель обобщить доминантные особенности русского коммуникативного поведения, спроецировав их на проблему формирования языковой компетенции как носителей русского языка, отдельных так И широких групп русскоязычных представителей разных культур. Успешность коммуникативных актов напрямую связана со знанием и соблюдением правил коммуникативного поведения определённой лингвокультурной общности [13]. Для результативности общения, под которой мы разумеем не только понимание собеседниками предмета разговора, но и предотвращение (избегание) ими конфликта, ненагнетание напряжённости межличностных контактов, необходимо совершенствовать языковую компетенцию людей с целью овладения ими навыками грамотного, доступного, культурного общения [8, c. 47].

Русское коммуникативное поведение характеризуется рядом специфичных аспектов. Коммуникативные особенности общения у русских вбирают речевые, психоэмоциональные и экстралингвистичные «параметры» процесса общения [18]. Одной из коренных характеристик русской культуры является контактность. В культуре общения русских физический телесный контакт очень распространённое явление. Русским присущи разные виды прикосновений К собеседнику В момент разговора. Рукопожатие, похлопывание по плечу, дотрагивание до руки или одежды — всё это рассматривается в коммуникативной культуре русских как дружеское расположение. В связи с этим русское коммуникативное поведение складывается достаточно непредсказуемо, спонтанно, что представителями иной культуры может рассматриваться как бесцеремонность, а в некоторых ситуациях — как нарушение субординации [1, с. 231]. Общепринятый этикет общения предписывает быть сдержанным, поэтому, при необходимости удовлетворить потребность в тактильных проявлениях, коммуникант должен позаботиться о том, чтобы прикосновение к собеседнику было не спонтанным, а мотивированным логикой и/или эмоциональной составляющей разговора, и было одобрено собеседником (о чём будет говорит язык его тела, например, движение по направлению к говорящему).

Из свойственной русской коммуникации контактности вытекает такая его черта как *неформальность*. Эта особенность возникает в ходе доброжелательного дружеского общения, строящегося на близком, нередко физически контактном, взаимодействии коммуникантов. Такое неформальное поведение в русской коммуникативном пространстве встречается довольно часто, и вследствие допустимости у русских проникновения в личную сферу собеседника оно способствует созданию неформальных ситуаций общения [13, с. 61].

Для коммуникативного русского поведения характерна самопрезентация (самопредставление) — особенность, заключающаяся в самоутверждение личности в процессе общения. Человек в таком случае властвует над собеседником, подавляя его своим мнением, высказываниями и репликами, не давая возможности собеседнику высказаться. В таком поведении последнее слово, окончательная точка в разговоре за подавляющей стороной [1, с. 39]. Сходной этой черте выявляется коммуникативный эгоцентризм русских коммуникантов — неумение (или отсутствие желания) слушать собеседника, стремление переключать внимание исключительно на Своеобразно себя. общении русских людей проявляются коммуникативные реакции. Характерными являются потеря в ходе беседы интереса к собеседнику, и соответственно к информации, преподносимой говорящим. К этой особенности относится и уличение человека в речевых ошибках, что отходит от этической нормы коммуникативного поведения [13, с. 120].

В целом, несколько сниженным у русских коммуникантов является уровень соблюдения речевого этикета — вежливого коммуникативного поведения. Это проявляется в перебивании говорящего, в привычке поддакивать, сбивая собеседника с мысли, в стремлении закончить мысль говорящего вместе с ним или опередив его, что также может сбить собеседника с мысли в процессе разговора. Но у этой особенности в русском коммуникативном поведении есть и положительная сторона, она заключается в своевременном предупреждении о задержке человека и её причинах, что не свойственно представителям, например, западноевропейских культур, а также в демонстрации внимания и заботы о собеседнике, степень которых у русских сравнительно выше, чем у жителей стран Запада [8, с. 68].

Регулятивность как особенность коммуникативного поведения исходит из претензиозности русского человека, проявляющейся в постоянном (осознанном или неосознанном) вмешательстве в действия, поступки, желания и побуждения собеседника и попытке их регулировать. Выражением регулятивности является также предъявление претензий и высказывание замечаний в адрес других лиц.

Особенностью, характеризующей национальный тип общения русских, является непринятие критики в свой адрес, пристрастия к полемике, категоричности, нетерпимость к самокритике и расценивание создания конфликтной ситуации как умения постоять за себя. Поэтому русскому коммуникативному поведению во многом присуща конфликтность.

Специфичным в общении русских людей является и тематика их речевых контактов: темой для разговоров в русском коммуникативном пространстве часто является обсуждение другого лица, нередко с целью его осуждения, а также открытая любопытность, порой нарушающая этические нормы поведения. Возможно, этим объясняется отсутствие для русского человека запретных для обсуждения тем, таких как политика (запретной, например, для французов, немцев, голландцев, египтян), религия (для итальянцев, американцев), исторические события (для немцев, испанцев), сексуальные отношения (для представителей восточных мусульманских культур), доходы (для жителей стран Запада), возраст (испанцев), здоровье и личная жизнь (для австрийцев, норвежцев) и т. д. [см. 3]. Это объясняется тем, что «для русской коммуникативной культуры характерна искренность и открытость; соборность, коллективность бытия русского человека предполагает, что все должны всё друг о друге знать, не должно быть особых секретов от окружающих. Отсюда — стремление и привычка не скрывать своих чувств, своего настроения» [9]. Нерегулируемым и нелимитированным может оказаться и *объём* общения: в коммуникативном поведении русского человека разговор может выйти за временные рамки, а то и вовсе перерасти в монолог [4].

К особенностям национального коммуникативного поведения относятся и характерные для общения русских людей жалобы на жизнь, на неудачи, гиперболизация деталей разных ситуаций, стремление задать много вопросов собеседнику, с целью выпытать факты его жизни, о которых собеседник изначально не желал рассказывать [8, с. 44]. Всё это определяет наш коммуникативный пессимизм.

К числу невербальных особенностей русского коммуникативного поведения относятся интенсивная излишняя жестикуляция, минимальная дистанция между собеседниками, взгляд прямой на собеседника — для русского нормативного поведения считается недопустимым постоянное отведение в ходе общения глаз от собеседника. Если говорящий не смотрит в глаза собеседнику, то в русском социуме принято считать, что говорящий лжёт, скрывает правду [11, с. 79].

Таким образом, основные особенности русского коммуникативного поведения — это эмоциональная насыщенность, активная жестикуляция, себя, на увлечение переключение внимания личным рассказом незаинтересованность в собеседнике. Но при этом у русского человека есть эталон коммуникативного поведения: это человек сдержанный в своих жестах и мимике, спокойный при выражении своих мыслей и эмоций, говорящий размеренно, не перебивающий, сфокусированный на персоне говорящего/слушающего, проявляющего интерес к предмету разговора. Все негативные особенности русского коммуникативного поведения провоцируют коммуникативные неудачи, которые допускает русский человек в общении как со своими соотечественниками, так и в контактах с представителями иных культур. Однако коммуникативное поведение русских людей совершенствуется в силу характерной для нашего народа интереса к национальной самобытности разных народов. Расширение контактов между народами и интерес к межкультурной коммуникации и межкультурному пониманию вынуждает учитывать фактор национальной (культурной) принадлежности собеседника, осуществлять выбор средств, форм и следование правилам коммуникативного поведения, характерного для участников общения.

Литература

- 1. Балакай, А. Г. Словарь русского речевого этикета. Формы доброжелательного обхождения. 2-е изд., испр. и доп. М.: ACT-Пресс, 2001. 672 с.
- 2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации. М.: Гнозис, 2003. 288 с.

- 3. Жаркова, Т. И. Табу в межкультурной коммуникации // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2013. № 11. С. 100–109.
 - 4. Жельвис, В. Эти странные русские. М.: Эгмонт Россия Лтд, 2001. 72 с.
- 5. Захарова, Е. П. Коммуникативные категории и нормы // Хорошая речь / Под ред. М. А. Кормилицыной и О. Б. Сиротининой. 2-е изд-е, испр. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2001. С. 163–179.
- 6. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. 288 с.
- 7. Козельская, Н. А., Саломатина, М. С., Стернин, И. А. Коммуникативный принцип в формировании языкового сознания / Под ред. И. А. Стернина // Семантико-когнитивные исследования. Воронеж: Истоки, 2015. Вып. 6. С. 123–133.
- 8. Колесов, В. В. Культура речи культура поведения. Л.: Лениздат, 1988. 271 с.
- 9. Косякова, Я. С., Кароян, А. Роль улыбки в коммуникативном поведении русского человека [Электронный ресурс] // Молодой учёный. 2016. № 28.1. С. 19–21. URL: https://moluch.ru/archive/132/36786/
- 10. Мецлер, А. А. Прагматика коммуникативных единиц / Отв. ред. А. Л. Ленца. Кишинёв: Штиинца, 1990. 100 с.
 - 11. Ноткин, Б. Н. Об улыбке по-научному // Неделя, 1988. С. 10.
- 12. Павловская А. В. Этнические стереотипы и проблема общения культур // Россия и Запад: диалог культур: материалы II Междунар. конфер. (28–30 ноября 1995 г., Москва) / Отв. ред. А. В. Павловская. М.: Центр по изучению взаимодействия культур, 1996. С. 428–441.
- 13. Прохоров Ю. Е., Стернин И. А. Русские. Коммуникативное поведение. М.: Наука, Флинта, 2011. 331 с.
- 14. Роговская А. И. О понятии этнорелевантных концептов // Семантико-когнитивные исследования: межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 8. Воронеж: Истоки, 2017. С. 141–144.
- 15. Седов, К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции. М.: Лабиринт, 2004. 320 с.
- 16. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
- 17. Человеческий фактор в языке: Коммуникация, модальность, дейксис / Отв. ред. Т. В. Булыгина; Рос. АН, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1992. 280 с.
- 18. Шилихина, К. М. Национальная специфика модификации поведения собеседника в русском общении //Язык и национальное сознание. Воронеж: ВГУ, 1998. С. 59–60.

~

УДК 323:81'27

Габриелян Арус Манвеловна

Аспирант,

кафедра политологии и международных отношений, Таврическая академия,

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского; Российская Федерация, Симферополь, e-mail: arusia@bk.ru

РОДНОЙ ЯЗЫК В СФЕРЕ СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КРЫМА КАК ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ ПОЛУОСТРОВА¹. Статья вторая²

Языковая политика Республики Крым кроме прочего направлена на создание условий по обучению (изучению) родным языкам народов полуострова. Автор статьи определяет место родного языка в сфере среднего образования Крыма, рассматривая вопрос его роли и значения в процессе школьного изучения. В рамках проведённого исследования произведена оценка эффективности процесса обучения и изучения родных в школах Крыма, составлено представление о диапазоне предоставленных образовательным структурам возможностей обучения родным языкам. Объём изученных материалов позволил дать характеристику языковой ситуации в сфере образования Крыма, а также выявить обстоятельства, влияющие на формирование современной языковой политики в рамках обучения (изучения) в Крыму родных языков.

Ключевые слова: языковая политика; языковая ситуация; среднее образование; родные языки в школах Крыма; русский язык; украинский язык; крымскотатарский язык.

Arus M. Gabriyelyan

PhD student,

Department of Political Science and International Relations, V. I. Vernadsky Crimean Federal University; Russia, Simferopol

¹ Исследование проведено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» №16-31-01073. Автор выражает признательность за содействие в проведении исследования руководству Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, а также Управлению образования Администрации города Симферополя Республики Крым.

² Начало (статью первую) см.: Гуманитарная парадигма. 2018. № 4 (7). С. 15–32.

THE CHILD'S NATIVE LANGUAGE IN THE FIELD OF SECONDARY EDUCATION IN CRIMEA. Article second

Abstract. The author, based on the objectives of the study, considers the issues of the meaning, role and place of the native language in language policy in the field of secondary education in Crimea. The language policy of Crimea is aimed at creating conditions for learning the native languages of the peoples of Crimea. The volume of materials studied allows us to characterize the language situation in the field of education of the Crimea; identify the circumstances affecting the formation of the modern education system in the framework of teaching (learning) of native languages in Crimea.

Key words: language policy; language situation; secondary education; native languages in schools of Crimea; Russian language; Ukrainian language; Crimean Tatar language.

Для цитирования:

Габриелян, А. М. Родной язык в сфере среднего образования Крыма как отражение языковой картины полуострова. Статья вторая // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 127–140.

Согласно общепринятому определению, обучение на родном языке сопряжено с созданием условий для изучения ребёнком первого (родного) языка, впоследствии выступающего доминирующим средством его общения. При этом решающее значение имеет юридический, социально-экономический и культурный статус родного языка. Когда он совпадает с государственным языком, то есть выполняет все социальные функции (используется в законодательной сфере, официальном делопроизводстве, судопроизводстве, СМИ, образовании и культуре), тогда условия обучения на родном языке обеспечиваются в полном объёме. В таких случаях культурные и коммуникативные мотивации семьи ребёнка совпадают с мотивациями государства. При иной же ситуации, когда родной язык имеет локальное или региональное распространение, взаимоотношения родного и государственного языков могут быть проблематичными [11].

В рамках реализации проекта РГНФ «Языковая политика в Крыму. Ретроспектива и перспектива» нами весной 2018 года было проведено исследование, целью которого было изучение вопросов преподавания языков и обучения им в общеобразовательных заведениях полуострова. В качестве основного метода сбора эмпирических данных использовались глубинное интервьюирование администрации и сотрудников общеобразовательных школ г. Симферополя. При анализе процессов изучения родных языков и обучения на родных языках в крымских школах автором использовались методы включенного наблюдения за процессами обучения и изучения родных языков

во время внеклассных занятий, уроков в классах с обучением на языке, отличном от русского. Также осуществлялся сравнительный анализ данных нормативно-правовой базы Министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым и локальных актов учебных заведений (в том числе устава школ, положения о «языках обучения», учебных программ и планов, контингента учащихся).

выборочной совокупности учебных Массив заведений составил 6 общеобразовательных школ г. Симферополя: МБОУ «Гимназия № 1 имени И. В. Курчатова» (далее — Гимназия № 1), МБОУ «Симферопольская (далее академическая гимназия» Симферопольская академическая гимназия, или САГ), МБОУ «Средняя общеобразовательная школа № 42 имени Эшрефа Шемьи-заде» (далее – МБОУ № 42), Средняя общеобразовательная школа № 29 имени маршала Г. К. Жукова (далее — МБОУ № 29), Школа-лицей № 3 имени А. С. Макаренко (далее — Школа-лицей № 3). Их выборка формировалась на основе целей и задач исследования с учётом фактора обучения на крымскотатарском, украинском и других языков в рамках поурочной и внеурочной деятельности. В первой статье, посвящённой разработке данной проблемы, мы рассмотрели следующее аспекты изучения вопросов обучения родных языкам в сфере среднего образования Крыма: количество детей, изучающих родные языки или обучающихся на языке отличном от русского; контингент учащихся, спрос на изучение родных языков и факторы, влияющие на его формирование. В данной статье-продолжении мы рассмотрим вопросы наличия национальных школ в Крыму; осуществления права на выбор языка обучения; наличия соответствующей учебнометодической литературы, а также оценим уровень достижений обучающихся в области изучения родных языков.

К вопросу о «национальных» школах в Крыму

На вопрос: «Является ли ваша школа национальной» — администрация одной из исследуемых нами школ ответила: «Да, крымскотатарский язык изучаются всеми без исключения учащимися, значит, школа является национальной» []. Во избежание подобных упрощённых представлений требуется рассмотреть термин «национальная школа» в соответствии и его правовым определением и значением.

При тщательном изучении термина «национальная школа» очевидно, что в современной российской науке нет единого определения данного понятия и до конца не определена классификация типов школы с национальным элементом. В Конституции РФ закреплены гарантии права на сохранение родного языка, на создание условий для его изучения и развития (ст. 68). В концепции государственной национальной политики (1996) и в Законе

Российской Федерации «О национально-культурной автономии» (1996) приоритетным направлением названо развитие национальных культур и языков народов России [11].

существовали национальные районы период СССР даже национальные сельские советы, а при них национальные школы. Это давало значительные возможности для развития языков и культуры коренных этносов и национальных меньшинств. В Российской Федерации в конце 90-х — начале 2000-X годов наличие национально-регионального компонента государственном образовательном стандарте, основанном на принципе включения обучающихся в родную этнокультурную среду и национальные традиции, предполагало возможность получения образовательным учреждением статуса национальной школы. Однако Федеральным законом № 309 от 1 декабря 2007 года национально-региональный компонент был исключён из стандарта общего образования в Российской Федерации. Поэтому сегодня термин «национальная школа» довольно условен. В реалиях страны этнически однородная школа — явление крайне редкое. В официальных документах последнего времени термин «национальная школа» часто заменяется дефинициями «школа с родным (нерусским) языком обучения» или «школа с русским (неродным) языком обучения», т. е. акцент делается на языке обучения. Вместе с тем надо учесть, что специфика национальной школы не исчерпываются языковым показателем. При всей своей условности понятие «национальная школа» адресован учебным заведениям, где кроме русской культуры активно изучается и осваивается культура того или иного нерусского этноса.

Например, В 2017 году В Крыму была открыта Средняя общеобразовательная школа с крымскотатарским языком обучения № 44. Поскольку учебное заведение строилось в районе компактного проживания крымских татар, то в начале строительства (1990-е годы) предполагалось, что оно получит статус национальной (крымскотатарской) школы. До недавнего времени в общественном сознании это не подвергалось сомнению. На момент открытия школы контингент учеников, действительно, более чем на 90% состоял из крымских татар. Из 33 классов по заявлениям родителей было сформировано пять с крымскотатарским языком обучения. Многие родители в своих интервью крымским средствам массовой информации выражали огорчение относительно того, что школа не получила статус «национальной», ссылаясь в том числе на пассивность крымских татар и нежелание содействовать данному процессу. Например, по мнению части родителей, «школа не стала национальной по вине родителей, которые изъявили желание обучения на русском языке» [1].

Изучение локальных актов школ с крымскотатарским языком обучения, свидетельствует, что эти школы не имеют официального статуса «национальных». Так, в положении «О языках обучения в МБОУ "СОШ N° 44"», прописано, что данное учебное заведение «гарантирует получение образования на государственном языке $P\Phi$ », а «образовательная деятельность осуществляется на русском и крымскотатарском языках» [5, с. 2].

Таким образом, в Крыму нет «национальных школ». Путаница и недопонимание терминов вводят в заблуждение крымское общество относительно полиэтнических и языковых процессов в сфере среднего образования полуострова. К сожалению, на сегодняшний день не только неверно понимается и используется термин «национальная школа», но обнаруживается также существенный недостаток информации о таком инструменте в процессе развития языка, как «национальная школа». Поэтому нацеленность на адекватное восприятие и понимание терминов языковых компонентов в сфере образования должно быть одним из элементов языковой политики региона.

Выбор языка обучения

В соответствии с частью 2 статьи 11 закона «Об образовании в Республике Крым» (№ 131-ЗРК/2015 от 6 июля 2015 года) обучение на украинском и крымскотатарском языках, а также изучение иных родных языках осуществляется в образовательных организациях на основании заявления родителей (законных представителей).

Выбор класса с обучением на русском или крымскотатарском языке в МБОУ № 42 осуществляется по заявлению родителей.

Во всех школах, участвующих в исследовании, классы формируются согласно заявлениям родителей. Родители имеют право выбрать как язык, на котором будет осуществляться обучение (например, в МБОУ N° 29 это три языка — русский, украинский, крымскотатарский; в МБОУ N° 42 — два: русский, крымскотатарский), так и изучение родного языка (как обязательный предмет или в рамках внеурочной деятельности).

Минимальное количество учеников для формирования класса разнится в каждой школе. В МБОУ N° 42 классы по изучению родного (крымскотатарского языка) такой класс должен насчитывать не менее 6 человек. А группы по изучению родных языков в Гимназии $N^{\circ}1$ — не менее 8 человек и не более 25 в классе.

С 1 января 2016 года вступили в силу изменения в СанПиН (санитарные правила и нормы) 2.4.2.2821-10, согласно которым «количество учащихся в классе определяется исходя из расчёта соблюдения нормы площади на одного обучающегося, соблюдения требований к расстановке мебели в учебных

помещениях, в том числе удалённости мест для занятий от светонесущей стены, требований к естественному и искусственному освещению. При наличии необходимых условий и средств для обучения возможно деление классов по учебным предметам на группы» [3]. Таким образом, из санитарных правил исключён норматив, устанавливающий обязательное наличие в классе не более 25 учеников.

Так, по словам директора Школы-лицея № 3, «класс может открыться при любом количестве детей, для нас главное, чтобы это не было ниже определенного уровня, скажем, не меньше 3 детей. Раньше законодательством определялось количество детей для открытия класса "не менее, чем 8 детей", сейчас нормативно-правовая база определяет, что мы должны реализовывать права родителей на обучение в любом случае, поэтому у нас есть практика объединения групп» [1].

Обеспеченность учебно-методической литературой

Наличие учебно-методического обеспечения является важным фактором предоставления права на обучение и изучение родного языка. Учебники являются ключевым компонентом обучения. Они служат фундаментом не только для получения основной учебной информации и практики, но в данном случае также для приобретения языковых навыков. Вопросы обеспечения обучающихся учебниками и учебными пособиями как в рамках освоения основных образовательных программ в соответствии с ФГОС, так и за его должны быть урегулированы на уровне образовательной организации локальным актом в соответствии с утверждённого приказом Минобрнауки РФ нормой, закреплённой в пункте 2 «Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования»(№ 870 от 18.07.2016).

В рамках исследования изучался вопрос достаточности учебнометодической субъекта литературы ПО родным языкам, a также закупки/предоставления учебников по языкам (городской бюджет, школа или родители). Так, в отчётах Министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым о работе по обеспечению учебниками на крымскотатарском языке указано следующее: «В течение 2015-2016 гг. организована и проведена работа по переводу, редактированию, изданию и поставке 66 наименований учебных изданий (учебники, программы, словари) на крымскотатарском языке общим тиражом 61 тыс. экземпляров (в 2015 году — 45 наименований, в 2016 году — 21 наименование)» [10]. «В 2017 году издано 36 наименований учебных изданий общим тиражом 81 328 экземпляров по крымскотатарскому языку и литературе для обучающихся 1—9 классов. В январе 2018 года данная учебная литература распределена по общеобразовательным организациям муниципальных образований Республики Крым» [Там же]. Согласно справке «Об изучении родных языков и обучении на родных языках в общеобразовательных организациях Республики Крым» Министерства образования, науки и молодёжи Республики Крым от 14.05.2018, «по состоянию на начало 2017—2018 учебного года учащиеся общеобразовательных организаций с крымскотатарским языком обучения обеспечены переводными учебными изданиями».

Школы и учителя, непосредственно работающие с детьми, дают оценку обеспеченности учебно-методическими В Школе-лицее № 3 на сегодняшний день нет Федерального перечня учебников по армянскому языку; по всем остальным языкам, есть учебники, в нужном количестве. Учебники по изучению родных языков закупает сама школа. В МБОУ № 7 по немецкому языку учебно-методической литературой обеспечены вполне, и её обеспечивает сама школа; по греческому языку также обеспечены, но учебно-методическую литературу предоставляет греческая диаспора; по арабскому языку учебно-методической литературы не хватает, поэтому учебники предоставляют родители и учитель; обеспеченность литературой по крымскотатарскому языку полная, так у них на момент организации на базе школы обучения родному крымскотатарскому языку уже имелись свои учебники. В МБОУ № 29 учебники предоставляются за счёт бюджета. Новые учебники по крымскотатарскому языку были получены в 2017-2018 учебном году. Учебники по новогреческому языку предоставила греческая община. Учебники по украинскому языку и литературе в полном объёме остались со времен Украины, и их использование разрешено.

В школе с крымскотатарским языком обучения учебники по языкам предоставляются за счёт бюджета, но учебно-методической литературы не хватает. В 1–3 классах начальной школы в целом учебников достаточно, тем не менее, в 3-х классах не хватает учебников по крымскотатарской литературе. В 4-х классах, по словам учителей, отсутствуют учебники по крымскотатарскому языку и литературе. Уже в 10–11-х классах катастрофически не хватает учебнометодической литературы. В большинстве классов учителя пользуются устаревшими учебниками «со времён Украины».

Гимназия № 1 получает учебно-методическую литературу за счёт городского бюджета, но некоторую часть компенсирует закупкой в интернете. Учебников, по словам администрации школы, «всегда не хватает. В большей степени не хватает учебников по крымскотатарской литературе».

Наиболее сложно обстоят дела с удовлетворением потребности в изучении родного языка детьми еврейской национальности. В одной из

исследуемых нами школ есть такая необходимость, «но в школе нет ничего, что может предоставить такую возможность: ни методических пособий, ни образовательных программ, ни учебных пособий, ни учителей, которые могли бы обучать данному языку» [1].

Достижения в области изучения родных языков

Во время исследования стало очевидным, что степень вовлеченности учеников школ в различные мероприятия по языкам, в том числе в рамках конкурсов и олимпиад, в значительной степени зависит от позиции руководства школы относительно изучения родного Там, где языка. стремление оправдать нецелесообразность присутствует изучения крымскотатарского или украинского языков, не заявлен высокий спрос на участие детей в конкурсах или олимпиадах по родному языку. Например, администрации школ выражают следующее мнение: «Крымские татары не очень активны; а вот другие национальности активны»; «крымские татары участвуют, но их очень мало, нет желающих»; «по украинскому языку результатов нет» [1] и т. д.

Тем не менее определённые положительные результаты участия в конкурсах, олимпиадах, внеклассных мероприятиях, школами представлены. Ученики МБОУ № 29 участвуют во Всероссийских ученических олимпиадах, ежегодно являются победителями региональных конкурсов по родному языку. В 2017-2018 учебном году два ученика стали победителями крымскотатарскому языку в Республике, в 2016-2017 учебном году от этой школы было 8 победителей по крымскотатарскому языку. Также на базе школы проводится конкурс «Шаги науки» для начальных школ, где в том числе имеются номинации по языкам. Также ежегодно в школе проходит фестиваль дружбы народов, традиционный праздник школы, где ученики разных национальностей (болгары, караимы, крымские татары, евреи, турки, русские, греки, украинцы) выступают, представляя свои национальные языки.

Ученики Гимназии №1 ежегодно участвуют в муниципальных и региональных этапах конкурсов и олимпиад. Городские и республиканские туры в конкурсах:

- «Родной язык бесценен и неисчерпаемые духовные богатства народа», который включает в себя творческие работы и исследовательские работы;
- «Семейные реликвии» (презентации и видео), где дети представляют свои национальные традиции и язык семейного общения;
- городская конференция исследовательских работ «Юный исследователь»;
- городской конкурс для учащихся 1–4 классов «Моя любимая сказка», где в 2017/2018 учебном году дети заняли два первых места, одно второе и два

третьих. В данном конкурсе было предложено подавать работы на русском, крымскотатарском и украинском языках;

- в Олимпиаде по крымскотатарскому языку в 2017—2018 учебном году от школы участвовало три ученика;
- Всекрымский творческий конкурс «Язык душа народа», в котором ученики участвуют ежегодно. Было 7 призёров по крымскотатарскому языку от школы в 2017–2018 году.

В Крыму уже 10 лет проводится региональный конкурс «Язык — душа народа». Ежегодно представители всех национальностей Крыма принимают участие в данном конкурсе. Конкурс является наиболее популярным по родным языкам, и в нём принимают участие большинство школ Крыма. Целью конкурса является воспитание уважения к родному языку, его активное и целенаправленное изучение, поддержка талантливых и способных обучающихся (см пункт 3.9 Государственной программы развития образования и науки в Республике Крым на 2015−2017 годы, утверждённой постановлением Совета министров Республики Крым от 30.12.2014 № 651). Здесь звучат произведения на русском и украинском, армянском и крымскотатарском, греческом и немецком и других языках.

Ранее МБОУ № 42 была местом проведения экзаменов на крымскотатарском языке, уже два года такой площадкой является другая школа. В этом году конкурсы не проходили на территории школы, ранее проводился республиканский конкурс, но сейчас он проводится на территории МБОУ № 44 г. Симферополя. Школа № 42 имеет свою школьную газету, в которой поднимаются актуальные для учащихся и родителей темы, популяризируется крымскотатарский язык и культура, рассказывается о достижениях школы и её учеников.

В Симферопольской академической гимназии конкурсы и олимпиады по родному языку проходят систематически и ежегодно. Ученики участвуют как в конкурсах своей школы, так и на базе других школ. Симферопольская академическая гимназия является базовой площадкой Малой академии наук (МАН), в которой имеется секция украинской филологии. В конкурсах по родному языку наибольшее количество детей участвует в конкурсах по украинскому языку, и в конкурсах по украинскому языку ученики САГ, как правило, занимают первые места. Также на её базе ежегодно проходит организованный Попечительским советом гимназии и Советом гимназии конкурс «Ласточка», где представлен ряд «языковых» номинаций.

Крымскотатарский изучается в САГ в качестве факультатива. По крымскотатарскому языку нет большой активности в рамках конкурсов и олимпиад, но школа занимается исследовательской деятельностью, в том числе по языковым вопросам Крыма.

В 2017—2018 учебном году ученики и их научные руководители ездили в первую исследовательскую экспедицию в Бахчисарайский район. Ученики совместно со своими учителями, научными руководителями исследовали Бахчисарайский район, кроме всего прочего и в языковом аспекте. В том числе изучались вопросы изучения родного языка.

Школа создала также авторский проект — открытую конференцию и муниципальный открытый конкурс «Защита исследовательских работ на тему Региональные особенности Крыма: проблемы, пути развития». В конкурсе открыто много секций, в том числе и по языкам. Изначально участие принимали школы Симферополя, но в 2017-2018 учебном году присоединилось ещё два региона: Сакский и Бахчисарайский. К участию приглашаются все школы Республики. В 2017—2018 учебном году было подано приблизительно 160 работ. В жюри конкурса входили сотрудники МАН, преподаватели Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, Академии правосудия.

Результатом проведения первого конкурса было открытие В Симферопольской академической гимназии «Соцветие музея совместного проекта школы, учеников и их родителей, попечительского совета школы. Ученики — представители разных народов подготовили экспозиции музея. В них представлена история, самобытность, культура крымских народов — первой экспозицией была выставка «Мозаика народов Крыма». В 2018 году музей «Соцветие культур Крыма» занял второе место в конкурсе музеев Российской Федерации.

По словам директора, «гимназия очень многонациональная. Поэтому поликультурное и полилингвистическое развитие является для нас приоритетным» [1]. По мнению педагогов этой школы, «мы сумели показать, что в Крыму не одна нация и не один язык, не все красят яйца и отмечают Пасху или делают вышиванки, в нашем регионе мозаика народов Крыма. Когда мы объявили о начале такой творческой деятельности, выяснилось, что в школе 22 национальности, мы попытались отразить это в материалах музее» [1].

Краеведческий музей «Соцветие культур Крыма» стал также кабинетом для изучения предмета «Крымоведение». Каждый год в его стенах проходят костюмированные дни родного языка. Все дети (22 национальности) читают стихи, поют песни на родном языке, играют на национальных музыкальных инструментах. По словам учителей, «у нас есть очень много детей, которые владеют искусством промысла. Дети с удовольствием посещают уроки игры на украинской кобзе-бандуре (народный украинский струнный музыкальный инструмент). До 2014 года наша гимназия была украинская, потому, какова не была бы политическая обстановка, мы уважаем и чтим традиции, в том числе и украинского народа» [1].

С 2018–2019 учебного года администрация школы планирует расширять возможности по изучению родных языков, в том числе увеличить количество учителей крымскотатарского языка, ввести изучение армянского, немецкого, других языков народов Крыма согласно желанию и заявкам родителей.

Заключение

Право на реализацию обучения на родном языке, а также право на изучение родных языков в Крыму в целом обеспечивается, но есть ряд сложностей, которые препятствуют или тормозят развитие обучения родным языкам. В ряде случаев это недостаточная материально-техническая поддержка и нехватка учебно-методической литературы; иногда — непонимание или незнание своих прав на обучение родному языку родителями; отсутствие видения перспективы обучения родным языкам администрацией школы, с одной стороны, и родителями, с другой.

Наше исследование показало, что в официальных документах ни одной из включённых в круг изучения школ дефиниция «национальная школа» не

фигурирует, данное определение используется лишь для характеристики школ с языком обучения, отличным от русского, где, как правило, большинство учеников и сотрудников школы представлено одним этносом. В Крыму это часто образовательные учреждения, работающие на территории проживания этнического меньшинства, в которых обучение происходит на русском языке, и только на уроке родного языка используется последний. Национальных школ в истинном понимании этого термина в Крыму нет. То, что в широком общественном сознании понимается как «национальная школа», на самом деле, таковым не является. В результате путаницы и заблуждений в вопросах полиэтническим и языковой политики Крыма мы утверждаем необходимость адекватного восприятие и понимания терминов языковых компонентов в сфере образования как одних из существенных элементов языковой политики региона.

Как показало исследование, во многих школах не хватает, а в ряде случаев и вовсе отсутствует учебно-методическая литература по родным языкам. В ряде случаев учителя пользуются устаревшими учебно-методическими пособиями («со времён Украины») или вынуждены самостоятельно находить материалы в интернете. Тем, не менее, все исследуемые нами школы проводят ряд мероприятий, участвуют ежегодно в многочисленных конкурсах по родному языку.

Не все инициативы по изучению родного языка, как понказало наблюдение, требуют высоких материально-финансовых затрат. Например, компоненты родного языка могут быть введены в «непрофильные» внеклассные занятия, как это было сделано в школе № 42 имени Эшрефа Шемьи-заде, где в качестве крымскотатарский язык используется на занятиях по шашкам и шахматам. Эта школа планирует также открыть театральный кружок на крымскотатарском языке. Это действенный способ не только заинтересовать и обучить ребенка, в том числе и родным языкам, но и метод решить проблему конкуренции «родного языка» и других факультативов, в силу высокой учебной нагрузки в которых проигрывает наименее востребованные дисциплины.

В школе № 7 создан класс, в оформлении которого использована греческая символика, обучающиеся этой школы принимают участие в конкурсах по греческому языку и занимают призовые места, занимаются творческой деятельностью, связанной с греческим языком и культурой. Несмотря на то что в «греческом» классе нет ни единого этнического грека (по заявлениям администраций школ), дети и их родители с энтузиазмом отнеслись к открытию такого класса.

Усилия школ Крыма, направленные на увеличение эффективности обучения родным языкам, способствуют развитию межэтнического согласия и

уважение к культуре народов полуострова. Обучение языкам в рамках общеобразовательного процесса оказывает влияние на процессы языкового и личностного, в том числе культурно-речевого, развития обучающихся, а также стимулирует процессы понимания представителей иного лингвосоциума, социокультурных портретов региона и страны в целом.

Литература

- 1. Интервью с руководством и сотрудниками общеобразовательных школ г. Симферополя / Беседу вела А. М. Габриелян. 2018. 20–27 мая.
- 2. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31.05.2002 № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (постатейный) [Электронный ресурс] / Под ред. А. П. Галоганова. М. : ЮРКОМПАНИ, 2012. URL: http://jurisprudence.club/konstitutsionnoe-uchebnik/statya-59307.html
- 3. О внесении изменений № 3 в СанПиН 2.4.2.2821-10 «Санитарноэпидемиологические требования к условиям и организации обучения, содержания в общеобразовательных организациях», 2015. URL: http://base.garant.ru/71288438/
- 4. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части изменения понятия и структуры государственного образовательного стандарта: федер. закон № 309 от 01.12.2007. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72965/
- 5. О языках обучения в МБОУ «СОШ № 44» г. Симферополя: положение: Согласовано на заседании педагогического совета МБОУ «СОШ № 44» г. Симферополя Протокол № 1 от 22.08.2017: Утверждено Приказом директора № 62 от 29.08.2017 // МБОУ «СОШ № 44» г. Симферополя: официальный сайт. URL :http://school44.site/images/documents/локальные_акты/2.12_ПОЛОЖЕ НИЕ__о_языках_образования.pdf
- 6. Об изучении родных языков и обучении на родных языках в общеобразовательных организациях Республики Крым» за 2017—2018 учебный год: справка о решении коллегии Министерства образования, науки и молодёжи Крыма [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым: офиц. сайт. URL: https://monm.rk.gov.ru/ru/index
- 7. Об образовании в Республике Крым: закон Республики Крым № 131-3РК/2015 от 06.07.2015.
- 8. Об образовании в Российской Федерации: федер. закон: принят Государственной Думой 21.12.2012; одобрен Советом Федерации 26.12.2012

[Электронный pecypc] // Консультант. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

- 9. Об утверждении Порядка формирования федерального перечня учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 18.07.2016 № 870 (ред. от 29.05.2017): зарегистрирован в Министерстве юстиций России 04.08.2016 Nº 43111: принят 18.07.2016. URL: https://минобрнауки.рф/документы/8664
- 10. Общеобразовательные организации с крымскотатарским языком обучения обеспечены необходимыми учебными изданиями, Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым [Электронный ресурс] // Министерство образования, науки и молодёжи Республики Крым: офиц. сайт. URL: https://monm.rk.gov.ru/ru/structure/210
- 11. Самойлова, М. Н. Языковая ситуация и языковая политика в современном обществе [Электронный ресурс] // Вестник ВолГУ. Сер. 2: Языкознание. 2009. № 1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-situatsiya-i-yazykovaya-politika-v-sovremennom-obschestve

~

ЛИТЕРАТУРА В ТЕОРИИ И ДИСКУССИОННОМ ОСМЫСЛЕНИИ

УДК 82.02

Матвеева Марина Станиславовна

Писатель, литературный критик, публицист, член Союза писателей России; Российская Федерация, Симферополь, e-mail: marinagenius@mail.ru

ВИЗУАЛЬНАЯ ПОЭЗИЯ — БИОЛОГИЧЕСКИЙ ВИД ТВОРЧЕСТВА (статья вторая).

«ЭПИЧЕСКАЯ СИЛА» КАК ИНСТРУМЕНТ СОЗДАНИЯ ОБРАЗА В АВАНГАРДНОЙ ПОЭЗИИ

В данной статье автором вычленяется, называется и психологически обосновывается поэтический приём (инструмент), присущий современной авангардной поэзии — той её части, что создаётся авторами с так называемым «эпическим мышлением». Их произведения отличаются от традииионной поэтический лирики тем, что имеют концептуальную, философскую основу, как в явном, так и в скрытом виде (стихотворение может как иметь, так не иметь сюжета как такового, однако обладать отсылками (вплоть до полной переработки) к сюжетам и концептам мифологий разных народов, истории, мировой литературы и культуры; к информации из различных наук и сфер человеческой деятельности; аллюзии, реминисценции и т. п.). Формально же авторы подобной поэзии могут использовать метареалистическую, трансметафорическую, окказиональную, одним словом, усложнённую образность, понятную далеко не всем читателям.

В целом это составляет особую систему, инструментарий, характерный для творчества большого ряда современных поэтов, в том числе поэтов-авангардистов Крыма.

Ключевые слова: авангардная поэзия, эпическое мышление, «проэзия», мифология.

Marina S. Matveyeva

Writer, literary critic, publicist, Member of the Writers' Union of Russia; Russian Federation, Simferopol

VISUAL POETRY — BIOLOGICAL VIEW OF CREATIVITY (Article second). «EPIC MIGHT » AS A TOOL FOR CREATING AN IMAGE IN AVANT-GARDE POETRY

The author of this article names, defines and psychologically grounds is poetic technique (tool) belonging to modern avant-garde poetry. It is discussed the part of poetry that is created by the authors with the so-called «Epic thinking». Their approaches are different from traditional poetic lyricism because they have storyline, conceptual and philosophical basis, both explicitly and in a hidden form (a poem can either have or not have a plot as such, but have references (up to complete processing) to the plots and concepts of the mythologies of different peoples, history, world literature and culture, to information from various sciences and spheres of human activity, allusions, reminiscences, etc.). Formally, the authors of such poetry can use metarealistic, transmetaphoric, occasional, in a word, complicated imagery, which is far from being understood by all readers. In general, a special system is created, a toolkit characteristic of the work of a large number of modern poets, including poets avant-gardists of the Crimea.

Key words: avant-garde poetry, epic *thinking*, *«Proetry»* (prose-poetry), mythology.

Для цитирования:

Матвеева, М. С. Визуальная поэзия — биологический вид творчества (статья вторая). «Эпическая сила» как инструмент создания образа в авангардной поэзии // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1 (8). С. 141–151.

В последнее время современные поэты — хоть сколько-нибудь интеллектуального плана — начали масштабно подвергаться резкой критике в духе: «Я тебя не понимаю, значит, ты плохой поэт!». Данное явление можно заметить не только в провинциально-литературных «светских» кругах (хотя здесь — намного чаще), но и в столице, например, мнение московских критиков относительно некоторых участников телевизионной программы «Вечерние стихи» (проект газеты «Вечерняя Москва» и национального литературного портала Стихи.ру, Москва).

вполне мир, Явление объяснимое. Нынешний переживающий находящийся потрясения И В начал требовать кризисе, ясности. Перегруженность информацией заставляет мозг отказываться «дополнительного думания», воспринимающегося как излишнее, поскольку не имеет практической ценности (никак не помогает бороться с кризисом). Насчёт общего падения уровня образования говорить не будем, как и о приоритете потребительских ценностей. Ничего не скажем здесь и об отличии академического подхода критиков-литературоведов, по совместительству являющихся учёными-филологами, от подхода творческого — в том числе к языку. Кроме того, русский язык не является собственностью никого из представителей учёного сообщества или школьного учителя, а значит, у них нет никакого права, равно и обязанности, заниматься его «сохранением», «чистотой», «спасением» и «защитой». В частности, от поэтов-новаторов, ибо... кроме них, в общем-то, и защищать его не от кого: «гопники» в филологических кругах не водятся, жаргон не звучит. А ведь и филологам нужно как-то реализовывать чувство собственной социальной значимости, благого дела, общечеловеческой ценности их труда и знаний. Вот, начиная с древнейших веков, и «борются за чистоту языка».

А русский язык при этом всегда жил и развивался по своим законам. В том числе, наполнением бассейна этой многоводной реки занимались малые, но бурные притоки — писатели с их уникальными «языками». Не только авторские окказионализмы (словотворчество), но и авторский аграмматизм изумительные по силе художественного воздействия ошибки грамматического строя, фонетики, орфоэпии, пунктуации и даже орфографии. Ошибки могут быть неосознанными (как у Гоголя, которого всю жизнь донимали критики, но тем не менее он ни разу не изменил своему праву писать «на своем языке»), осознанными (Александр Блок: «Все мои ошибки сознательны — это то, чем я не могу пожертвовать в стихе» [цит. по: 7]) и гиперосознанными (поэтический стиль «аграмматизм» — созданный именно на ошибках как приёме, с целью обратить внимание читателя посредством неправильности на тот или иной наиважнейший момент текста, раскрыть его глубину, второй смысл, нетривиальность подхода, а также — абсурдность мира, многомерность бытия и многие другое) [7]. Всё это в литературе есть (а значит, есть в живом русском языке), отрицать это на одном лишь «Я тебя не понимаю» без какой-либо аргументации — считаю неприемлемым. Могу понять причины такого отношения со стороны читателей. Но если в «странно» построенной фразе, в сложном образе литературовед или другой поэт способны увидеть только неправильность, только «так не пишут, это не по-русски» — и ничего больше, то, возможно, это просто не литературовед и не поэт.

Сложно стало в поэзии ещё и потому, что её много, слишком много, и поэт уже перестал понимать, как «пробить» своего читателя, ибо того и без поэзии «пробило» так, что он данного процесса над собой уже явно не хочет. Пронзительные (до степени бестактности и жестокости) тексты пока ещё воздействуют на публику, критиков и т. п. Поэт, который пишет так, что его ещё

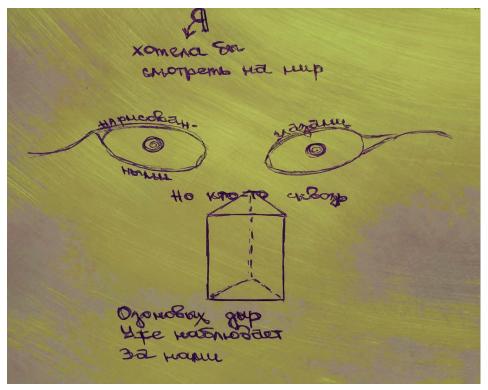
«понимать надо», и не ставит себе цели «танком в почки», разумеется, будет воспринят уже не как поэт (в современном понимании поэзии). А как «конструкция», «делатель», «искусственный». Это можно отнести к любому, у кого в тексте присутствует что-либо ещё, кроме «пронзительного чувства», — например, интеллект. Крайне сложно и читателю, и академическому критику предположить, что поэзия таких авторов-авангардистов может «рождаться», приходить в готовом виде, причём как содержательно, так и формально — на некоем «ином языке»: в ином ритме, стилистике, сложных рифмах, трудных образах, сдвигах сознания. Она живая — но жизнь ее отлична от привычной биологии живых организмов. Сходна она, может быть, с минералами — тоже своего рода «форма жизни»: кристаллы рождаются, растут, умирают — по своим, совершенно чётким кристаллохимическим законам; но, в то же время, каждый кристалл — неповторим! Так же и с каждым стихотворением поэтановатора. Есть строгие законы — и (на выходе) уникальное явление.

В таком случае, каковы эти законы? Откуда это все берётся? Едва ли только от эрудиции, неких знаний истории, литературоведения, лингвистики, а у кого-то — физики, химии, высшей математики и т. п. Да, заглядывание в области своих непосредственных профессиональных и самообразовательных знаний у поэтов происходит, и происходит естественно. Но вот каков инструмент для этого погружения в знания — и извлечения образа?

Могу назвать этот инструмент «эпической силой». Эпическое мышление поэта-интеллектуала, поэта-авангардиста, поэта-новатора не сомнению. О результатах творчества таких поэтов нередко говорят, что «это вообще не поэзия, это рифмованная проза». И современными крымскими литературоведами для этого явления уже рождён новый термин — «проэзия» [13]. Предположим, что так и есть. Такие поэты (а авангардист для своего времени и Пушкин, и Цветаева для женской поэзии и новаторской поэзии в целом) склонны писать поэмы и даже романы в стихах. И это не только изложение сюжета — это поэтический, философский, интеллектуальный подход к нему, иной раз смещающий канонно-сюжетное восприятие настолько, что мир начинает восприниматься состоящим из множества параллельных реальностей: одно и то же событие происходило, причём одновременно, сразу в четырёх-пяти, порой и более версиях, поэтических интерпретаций. И все они - истинны, ибо кем-то «услышаны». Об истинности услышанного поэтом поговорим далее, здесь же закончим мысль об «эпической силе» в условиях современной литературы.

Сейчас условия таковы — чем стих короче, тем лучше. Люди не любят «многабукафф», чем, видимо, объясняется любимая современными критиками формулировка: «Неоправданное многословие». И как быть поэтам с эпическим мышлением в такой ситуации? Подсознательно, а то и сознательно

такой поэт стремится в малый по объёму текст вложить свою поэму. Поместить в него как можно больше смысла, сюжета, философии, интеллекта, эрудиции и т. п. Именно этим характерно творчество ряда крымских поэтов-философов [13], тяготеющих к эпическому типу творчества [1, 4, 9, 10, 14]. Такой поэт может как размахнуться до большой поэмы-эпоса (например, наша «Турозавриада — Крымский эпос») [11], а так же — умещать её в ставшие ныне классикой (с подачи литературного сайта «45 параллель») 45 строк — как самый приемлемый для восприятия современного читателя размер текста. Наиболее чётко этот стиль «краткопоэмности» сформирован у Евгении Барановой, ныне его разрабатывает Елена Коро (хотя ей свойственны и длинные поэтические циклы). Несколько объёмнее (а, по ощущениям, мощнее, масштабнее) — стихи Ники Батхен [1], Валерия Гаевского, Златы Андроновой, Юлианы Орловой [14], Валерия Смирнова. Несколько с более лирическим уклоном, но однозначно авангардно творчество Юлии Котлер [9], Любови Василенко [4], Анфисы Третьяковой и ряда других крымских поэтов. То же самое могу сказать и о своих стихотворениях. Всё это — не стихи. Поэмы. Не поэзия в полном смысле — эпос или миф нового формата, корнями прорастающий в мифы древние.

Анфиса Третьякова «Нарисованными глазами», визуальная поэзия (2018 г.)

Уже на рисунках людей древнейших цивилизаций мы можем видеть... символику строения Вселенной, астрономические карты Галактики. Была ли уже у древних мысль — или ещё только чувство, наитие (то, что называют

«прозрением», «пророчеством», «инсайтом») — сиречь поэзия! В понимании сущности бытия. Не будем упоминать здесь разнообразных Календарей Майя, описаний летательных аппаратов — виманов — в «Махабхарате» и чего-то, напоминающего ядерные взрывы, «тайн египетских пирамид» и тому подобных удивительных (а для кого-то — сомнительных) явлений. Вполне возможно, что это уже наше — цивилизованное, изощрённое сознание воспринимает древний мир по-своему, попросту переносит свою «переразвитость» на ранние эпохи, но именно в этом случае мы и можем говорить о — поэзии! И какой же, как не авангардной? И, при всей своей обращённости вглубь веков, по сути, абсолютно современной.

Критики XX века очень любили писать о мифологическом мышлении древних людей и цивилизаций. М. Горький утверждал: «Только гигантской силой коллектива возможно объяснить непревзойдённую и по сей день глубокую красоту мифа и эпоса, основанную на совершенной гармонии идеи с формой. Гармония эта, в свою очередь, вызвана к жизни целостностью коллективного мышления, в процессе коего внешняя форма существенной частью эпической мысли, слово всегда являлось символом, речение возбуждало в фантазии народа ряд живых образов и представлений, в которые он облекал свои понятия» [5]. Нельзя полностью согласиться с тем, что лишь коллективное мышление (коллективное бессознательное, архетип, социальный стереотип) могли стать причиной появления и такой масштабной развитости мифа и эпоса в древности. И впоследствии — такой склонности к мифу и эпосу людей любых эпох: взять хотя бы появление в XX веке мифоэпосов «Властелин Колец», «Хроники Нарнии», «Звёздные войны» и т. п., и масштабной вовлечённости огромного числа людей в их «жизнь» порою до пределов отождествления с нею. Однако в нынешнем мире миф овеществлён: он представлен книгой, фильмом, его актёрами — живыми людьми, с которыми можно соотнести себя, воспринимая их чем-то вроде «звёзд», «богов», «идеалов», а также всяческой символикой, рекламой (тоже часть современной мифологии) и т. п.

А как же было в древности? Где тогдашние люди брали свои «идеалы» и своих «богов»? Предположение это может показаться антинаучным, но основывается оно именно на науке — литературоведении, истории литературы. Филологи знают, что в литературе сюжеты, полностью сочинённые автором, начали появляться приблизительно с XIII—XIV вв. — в Европе, а на Руси (в России) ещё позже — в середине XVIII столетия. (Можно упомянуть небольшое число сочинённых сюжетов в поздней античности — к примеру, «Дафнис и Хлоя» Лонга или «Золотой осёл» Апулея и других. Но такое творчество было быстро вытеснено христианской догмой о творчестве как посягательстве на Творца-бога, сиречь — кощунство. Впоследствии возрождение в культуре

происходило на библейских или античных мифологических сюжетах, а не на индивидуально-авторских). Древнее сознание не было развитым настолько, чтобы «сочинять». Да, можно предположить, что ему это было и не нужно жизнь, борьба за выживание и развитие, были слишком насыщенны, чтобы было время предаваться сочинительству — занятию «для скучающих». До XIV века «писатели» были лишь хроникёрами, летописцами — ими изначально запоминались для пересказов и песен, позже — записывались, пусть нередко и в весьма художественном оформлении, исключительно реальные события, происходившие непосредственно с их современниками, либо пересказывоспоминания хронистов-предшественников. Читая гомеровский «список кораблей», который расписан в мельчайших подробностях, с упоминанием даже участников Троянской войны, не играющих никакой роли в сюжете «Илиады», и подробностей их быта и обычаев, воспринимаешь его как абсолютную реальность — иной раз настолько натуралистичную, что даже «столько не нужно». И тут же, рядом — битва, на поле боя появляется богиня Афродита, пытающаяся защитить Энея от Диомеда, последний наносит ей рану копьём, рана самая настоящая, кровь (у богини!) — и это нужно уже почему-то воспринимать как «миф», «сочинённое». Смею предположить, что и это тоже было реальностью, кем-то засвидетельствованной и отложившейся в памяти. То есть античные боги вовсе не являлись богами, выдуманными человеком, такие существа из плоти и крови, пусть и с несколько отличной от нас физиологией, — действительно существовали. Другая раса? Более развитая, делившаяся с человеком своими знаниями и возможностями (украденный для людей огонь и т. п.). Ставшая для древнего человека «идеалом», «богом», «звездой» — неким совершенством, к которому стоит стремиться. Или остерегаться? Затем, по неизвестным причинам, исчезнувшая, впоследствии обявленная «бесами», христианством но... вполне возможно, что существующая среди нас до сих пор. Антинаучно? Нет — поэзия!

Интересно размышлять 0 подходах К поэзии, опираясь на лингвистическую и литературоведческую методологию и на мифологизацию объективной реальности, например, о том, что жизнь Зевса и Афины так же истинна, как и жизнь исторических личностей Тесея и Агамемнона, а приключения Одина и Тора столь же историчны, как подвиги Сигурда и Хельги. Да и существование драконов и иных чудовищ только в воображении древних людей можно подвергнуть сомнению. Человеку столь сложно придумать нечто, не существующее в реальности, не имевшее никаких предпосылок, что и ковёр-самолет, летающие дома, замки (см. виманы в «Махабхарате» и «Рамаяне» — летающие колесницы и даже дворцы) и т. п. можно полагать некогда реально существовавшим, кем-то и когда-то вполне опознанными объектами, позднее им уже «сочинёнными».

Или, вот, например, современная история с крымской энергоблокадой 2015 года. Мы — маленькие, но очень сильные люди, мужественно боремся со свалившимися на нас трудностями и верим (а кто-то злится), что придёт бог, титан, Прометей — и принесёт нам огонь. Он приходит и приносит, приводя в восторг верящих, попирая неверных и врагов. Объективная реальность. Как и у древних людей объективно существовал некто с большими, нежели у них, возможностями. Кто вызывал веру и неверие, образовывал миф, но придумать его не могли.

Вообще мифоэпос (объективная реальность!) современный названием «Крымская весна» просто поражает своей невероятной фольклорностью, которой он начал обрастать почти мгновенно — и особенно в поэзии. Можно делать определённые выводы по поводу «рождения мифа» и «рождения литературы» уже на основании его. Не хочется говорить в очередной раз о низком литературном уровне вылившегося на нас гигантского потока «актуального» и «пронзительного», — по степени даже не банальности, повторяемости, типичности, а скорее именно «архетипичности» все это действительно больше похоже на фольклор: припевки, припляски, гимны и молитвы. Обрядовое, одним словом, творчество. Имена новых «чисто крымских» богов хорошо известны. Авторская индивидуальность в таком творчестве — как и у «многогрешных» летописцев древности — не приветствуется, более того, слывёт наглостью. Поэт со своим лицом и своим взглядом на происходящее, а тем более тот, который пишет безотносительно к актуальному, «идёт шире и глубже» злободневного, становится «бесом». Однако речь здесь о том, что подобная фольклористика, актуальный «писк» по аналогии с «писком моды» — поверхностен и преходящ. Это скорее питательная среда, субстрат для создания мифа и эпоса. Уверенны, что лучшие произведения о данном историческом факте будут написаны авторами «со своим голосом», - но именно тогда, когда он отдалится во времени и достаточно мифологизируется. Как, например, «Война и мир» написана представителем следующего за событиями 1805-го и 1812-го годов поколения. Впитав фольклорную субстанцию, достаточно вкусив её, произведения писателей нового времени становятся глубже, и именно этим — настоящими.

И это ещё раз доказывает мысль о причинах возникновения поэзии из реалий, а не «измышлений» поэта. Только из реальности намного более расширенной (в разной степени у каждого), чем обыденное, стереотипнообрядовое сознание. «Эпическая сила» творческой личности не участвует в создании стереотипа, но выхватывает суть, которая в мутном потоке бесконечных повторов может восприниматься «страшной индивидуальностью».

Говорить о том, что «эпическая сила» в своей культурологической миссии призвана слышать и запоминать язык древности, древние языки,

язычество древних... и так далее... можно не просто долго — всегда. Однако это — явление современное, и появилось оно именно здесь и сейчас. Значит, всему этому есть серьёзные предпосылки. И серьёзная потребность именно нынешнего человека, именно современного общества в таких явлениях, как философская, авангардная, метареалистическая транфметафорическая [8], визуальная и т. п. поэзия. Ощущаю эпичность современной поэзии новаторством, неким вектором обновления общества, а не чем-то устаревающим, как может показаться на фоне того, что сейчас в принципе отживает своё книга, литературное произведение, стихотворение, слово — сама социальная их значимость. И, как ни печально, отживает сам интеллект. Он становится... не интересен? По реакции молодого поколения на мало-мальски сложную поэзию или статью чувствуется: сверхэлементарное этому мозгу не просто не по силам, а вызывает у него серьёзный страх. Так что же, современная авангардная поэзия — новоформатный Бабайка для детей? Что-то вроде Морока Мирмекия¹, затягивающего человека в его внутреннюю суть — до невозврата, — как героя одноимённого психоделического рассказа Елены Коро? Недаром ею создан этот образ — архетип всепоглощающей древности, одерживающей победу над ослабленным современным сознанием.

Ничего подобного. Авангардная, эпическая и лирико-эпическая поэзия вливает в крымскую культуру живые соки индивидуальности. На фоне полуграфоманского стэнд-ап-творчества нервной молодёжи издёрганных столиц и консервативного подхода к поэзии возрастных авторов из провинций, такое творчество выглядит сверхново — и одновременно основательно, как не просто литературное, но философское и даже социологическое направление, представителям которого есть что сказать. У них есть своё лекарство против «Сложность», «конструированость», социальной порчи. «новаторство» авангардной поэзии в самой малой мере является специальным процессом, производмым для того, чтобы «удивить публику». Которая не желает удивляться, а желает бояться поэта, считать его ненормальным (тоже мифологичность мышления, но по типу «мракобесия») и кричать: «Я тебя не понимаю — это значит, ты плохой! Сгинь, сатана!».

Такая поэзия, повторюсь, интуитивна, глубинна, эпична, таковой она «рождается», «приходит» — нередко в уже полностью готовом виде, не нуждающемся даже в редактировании, и говорит лишь о том, что реальность (а не богатое воображение) автора несколько шире, чем у непонимающей его публики. И намного ближе к Истине, каковая отлична от правды. Впрочем, что ни поэт, то — система мироздания. Если конечно, это поэт, а не «фольклорист-

¹ Мирмекий — античный город, руины которого находятся на территории современной Керчи.

непонимаец», каковых, по вполне объективным причинам, в последнее время стало в литературе очень много.

Если начну говорить о практической ценности того, что создают современные авангардисты Крыма, рискую натолкнуться на удивление: «С чего это вдруг меня рассматривают с практической стороны? Что это за приземлённый взгляд на поэта?». Однако практика и приземлённость понятия разные. Вот, к примеру, Александр Сергеевич Пушкин, когда путешествовал по Крыму и писал о нём свои возвышенные строки, думал ли о том, какую пользу приносит государству и народу? А ведь существует версия, что поездка молодого талантливого поэта в Крым была одобрена, если не санкционирована самим императором — для популяризации этих территорий, лишь каких-то полвека как ставших частью империи и ею ещё не обжитых. С информационными технологиями тогда было негусто, и поэтическое слово одарённого, харизматичного автора долженствовало повлиять на то, что в Крым ради его красот поедут люди — и, соответственно, хлынут экономические потоки. В то время влияние поэта на общество было огромным. Да и литературных журналов, где эти поэты публиковались, — издания были востребованы в самых широких кругах, это были не только культурные, духовно-интеллектуальные, но и политические и даже деловые центры, к которым стягивалось всё внимание тогдашнего общества. Думал ли молодой Пушкин, что решает судьбу территории, когда писал свои стихи о Крыме? Или он витал в облаках, мечтая лишь о прекрасных закатах, могучих скалах и печальных девах из ханского гарема? Думается, всё он совершенно чётко понимал. Так и случилось впоследствии: слово Пушкина и других деятелей эпохи, побывавших в Крыму, повлияло на развитие полуострова, на то, что туда устремились люди — и на постоянное место жительства, и на отдых и оздоровление, и... Крым обладает духовным притяжением — его полюбили философы и мистики. И, конечно же, благодаря писателям, поэтам, художникам, первыми познавшим восторг от чуда Крыма и отразившим его в искусстве, полуостров очень быстро стал культурным центром мирового масштаба. Кто только не побывал в Крыму! Едва ли не каждый квадратный метр этой земли может гордиться тем, что на него ступала нога гения. Ничуть не умаляя стратегического, геополитического и рекреационно-экономического значения Крыма, можно с полным правом утверждать, что главную ценность он представляет для мировой культуры. Это культурный магнит, воронка, если хотите, культурная ловушка, которая затягивает в себя и уже не выпускает никогда. Даже человек, прежде не имевший никакого отношения к искусству, побывав в Крыму, может начать творить. И хотя это свойственно далеко не всем, так как современный «чел» очерствел и сделался чересчур витальным, особенно в кризисные моменты, но иной раз даже таких «пробивает». Что же

говорить тогда о тех, кто имеет живую душу, способную восчувствовать: «Это прекрасно!», живой ум, способный воскликнуть: «Это интересно! Хочу знать». И, конечно, дух живой, способный не только чувствовать и мыслить, но быть.

Крым не существует только сам в себе — он существует в мире, и всему миру он говорит о себе, и очень громко. Другое дело, что он говорит и каким языком? Языком территориальных распрей? Языком пляжей и модных купальников? Или языком трансцендентного слияния с морем, ветром, солнцем — языком творчества?

Возрождение Крыма как центра мировой культуры происходит, в том числе, и благодаря таким людям, как современные крымские поэты авангардной, философской, эпической направленности. Крым снова учится говорить на своём языке. И он уже не лепечущий младенец, а сильная, мудрая, раскрытая всеми чакрами, сознанием и сверхсознанием индивидуальность. Одновременно древняя и юная, как только что возродивший из пепла Феникс. И, в первую, очередь, индивидуальность — творческая.

Литература

- 1. Батхен, Ника. Путями птиц: поэзия. М.: Издатель Воробьев А. В., 2011. 120 с.
- 2. Блехман, Михаил. Мысли о литературе: постмодернизм // Порт-Фолио. 2013. № 4.
- 3. Бубнов, Александр. Буквологика от игры к философии: лекция [Электронный ресурс] // Арт-фестиваль «Провинция у моря 2013». URL: http://www.youtube.com/watch?v=YBTiXGUZiZo
 - 4. Василенко, Любовь. Стихи // Что есть Истина. 2013. № 36.
- 5. Горький, Максим. Разрушение личности // Горький, М. Собрание сочинений: 30 т. Т. 24: Статьи, речи, приветствия 1907–1928. М., Гослитиздат, 1953. 520 с.
 - 6. Кедров, Константин. Энциклопедия метаметафоры. М.: ДООС, 2000. 216 с.
- 7. Кобзев, Николай. Крымская поэзия «новой волны» // Чёрное море. 2003. № 2. С. 158–176.
- 8. Коро, Елена. Фаэтослов часов; Фаэтика символов; Фаэтика азбука точек (Эссе о фаэзии) // Фанданго: альманах фантастики (Симферополь). ТО Ка Φ Ka. 2011. N° 12. C. 209–214.
 - 9. Котлер, Юлия. Стихи // Что есть Истина. 2013. № 36.
- 10. Матвеева, Марина. ТРАНС[крым]ЦИЯ: поэзия, проза. Симферополь: Диайпи, 2013. 76 с.
- 11. Матвеева, Марина, Лобжанизе, Тимур. Турозавриада Крымский эпос: Прозо-поэтическая фэнтези-феерия. Монреаль: Altaspera, 2014. 200 с.
- 12. Мельников, Вилли. Семь холмов и сорок крепостей: Избранное. М., 2012. 28 с.
- 13. Сладковская, Лика. Есть у бесконечности начало. Нет у бесконечности конца: рецензия // Контрабанда. 2016. № 7.
- 14. Фаэт-Крым: Карта странствий: Антология фаэзии. Том 1. Фаэты. Севастополь: Шико-Севастополь, 2016. 108 с.

~

УДК 821.161.1 (Булгаков)

Вертолецкая Ление Ридвановна

Преподаватель, независимый исследователь; Российская Федерация, Севастополь, leniewechka@yandex.ru

РОЛЬ РЕМАРОК В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ»

В данной статье представлен анализ пьесы М. Булгакова «Иван Васильевич», проведённый с целью определения функции ремарок. На основе анализа были выделены основные виды ремарок, способствующие детализации театрального действия. Ремарки в пьесе обладают особым авторским стилем — краткие и сжатые, однако наполненные глубоким содержательным смыслом.

Ключевые слова: драматургия М. Булгакова, пьеса, театральное действие, ремарка, виды ремарок, персонаж, характеристика.

Lenie R. Vertoletskaia

Teacher, independent researcher; Russia, Sevastopol

THE ROLE OF STAGE INSTRUCTIONS IN BULGAKOV'S PLAY «IVAN VASILEVICH»

Abstract. This article presents an analysis of Bulgakov's play «Ivan Vasilyevich», conducted in order to determine the function of the stage instructions. On the basis of the analysis the main types of stage instructions, contributing to the detalization of — short and concise, but filled with deep meaning.

Key words: drama M. Bulgakov, play, theatrical action, remark, types of remarks, character, characterization.

Для цитирования:

Вертолецкая, Л. Р. Роль ремарок в пьесе М. Булгакова «Иван Васильевич» // Гуманитарная парадигма. 2019. N_2 1(8). С. 152–159.

К пьесам Булгакова вполне возможен подход как к «текстам», в которых реализуется метатекст булгаковского творчества, то есть как к логическому продолжению его прозы [1]. В своё время А. Смелянский отметил, что пьеса «Дни Турбиных», выросшая из «Белой гвардии», несёт на себе «черты своего прозаического происхождения» [8, с. 54]. Но такие же черты несут на себе и

пьесы «Бег», «Блаженство», «Иван Васильевич», автором которых владела тоска по роману, роману о побеге из своего времени [3].

Такое же страстное желание покинуть реальное время и перенестись в другое пространство охватывает главного героя пьесы «Иван Васильевич». В ней автор сопоставляет советскую действительность и время правления Ивана Грозного. Действие развивается динамически, но, как и в любой пьесе, важную информацию несут ремарки. Ремарки отображают все черты булгаковского стиля, в них ощутимы неповторимые авторские интонации.

Ремарки в пьесе «Иван Васильевич» очень разнообразны. В них главным образом указываются жесты головы, ног, рук, перемещения героев относительно друг друга и интерьера, то есть это исключительно режиссерский комментарий. Эти ремарки рассчитаны на постановку пьесы в театре — так может показаться на первый взгляд. Но в действительности эти краткие пояснения достаточно ярко отображают жизнь всех персонажей в пьесе.

Ремарки дают нам достаточно чёткое описание интерьеров комнат жильцов дома. Так мы видим детальное описание комнаты-мастерской Тимофеева: «Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом — комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок. Ширмы. Громадных размеров и необычной конструкции аппарат, по-видимому, радиоприёмник, над которым работает Тимофеев. Множество ламп в аппарате, в которых то появляется, то гаснет свет» [4, с. 424¹]. Из описания комнаты Тимофеева следует и описание характеристики самого ее хозяина: «В комнате ... беспорядок». Мы можем сделать вывод, что Тимофеева совсем не интересуют такие вещи, как чистота, порядок, уют вокруг него — он занят чем-то особенным, более важным для него, у него особая глобальная цель. Далее в ремарке уже даётся описание внешности героя, собственно портрет: «Волосы у Тимофеева всклоченные, глаза от бессонницы красные» (424). Это наталкивает нас на мысль, что Тимофеев давно отдалился от повседневных будней и вовсе не занимается Немаловажной в описании Тимофеева является психологическая: «Он озабочен» — это окончательно рассевает сомнения о загадочности личности Тимофеева, так как этим замечанием Булгаков не только дополняет портрет Тимофеева, но и объясняет всю странность его поведения и отношения к жизни.

Дальнейшее описание поступков и деятельности Тимофеева объясняет его «озабоченность» и глубже раскрывает его характеристику. Так мы видим, как его раздражает происходящее вокруг: «Выбегает в переднюю и выключает

¹ Далее ссылки на это издание приводятся в круглых скобках с указанием страницы.

радио, и рупор, крякнув, умолкает. Возвращается к себе в комнату» (424). Ему, Тимофееву, человеку, вынашивающему особую идею, мешает всё будничное для реализации его гениального плана. Об этом свидетельствует и его реплика: «Ну как можно работать в таких условиях!..» (426). Его раздражает каждый, кто мешает ему работать. Тимофеев груб с теми, кто вторгается в его мастерскую и нарушает его покой. Это мы наблюдаем в его репликах, адресованных тем, кто к нему приходит. Например, в разговоре с Ульяной Андреевной, Тимофеев произносит такие слова: «Ульяна Андреевна, вы мне мешаете» или «Если бы вы были на месте Зинаиды Михайловны, я бы повесился» (427). Также в разговоре с Буншей мы наблюдаем раздражённость Тимофеева:

«Бунша входит.

Тимофеев. Этого не хватало!..» (429).

Булгаков позволяет своему герою так вести себя, ведь он не такой, как все. Тимофеев в какой-то степени является автобиографичным персонажем, так как Булгаков желал уехать из страны, законы которой его не устраивали, но это было под запретом, поэтому он старался уйти в мир своего творчества, как и его герой — в изобретательство. Булгаков с пониманием относится к Тимофееву. Раздраженность героя не бросается в глаза читателю, ведь, как замечает царь Иоанн, Тимофеев «добрый человек». И действительно, Тимофеев — добрый светлый положительный персонаж. Он не держит зла на жену, которая ушла с любовником, желает ей счастья, ведь «Они любят друг друга, ну и пусть будут счастливы» (437), не поддерживает царя в его жестоких поступках: «посадил на бочку с порохом, пущай полетает!..» (437), в намерении «Якина на кол посадить» (437).

Давая такую характеристику своему герою, Булгаков как бы отделяет его от реальной жизни, будничной суеты и пустых напрасных занятий остальных персонажей, окружающих Тимофеева. Учёный Николай Иванович стоит особняком, и будто вовсе не принадлежит современности, он противопоставлен остальным жителям дома.

Полной противоположностью Тимофеева является Иван Васильевич Бунша. Он — управдом, главным и единственным его занятием является сохранение порядка в доме согласно советским требованиям и канонам. Эту черту характера Бунши Булгаков показал в ремарке: «входит Бунша. Первым долгом обращает своё внимание на радиоаппарат» (428). Далее следует реплика: «Неимоверные усилия я затрачиваю на то, чтобы вносить культуру в наш дом. Я его радиофицировал, но они упорно не пользуются радио» (428).

Портрет Бунши мы находим не в ремарках, а большей частью в репликах других персонажей. Это говорит о том, что Булгаков стремился показать не своё личное мнение и отношение к такому типу людей как Бунша, а взгляд со

стороны, то есть указать на отношение к таким людям в целом. Так, Тимофеев в разговоре с Буншей замечает:

«Бунша. Это я, Николай Иванович.

Тимофеев. Я вижу, Иван Васильевич. Удивляюсь я вам, Иван Васильевич! В ваши годы вам бы дома сидеть, внуков нянчить, а вы целый день бродите по дому с засаленной книгой... Я занят, Иван Васильевич, простите.

Бунша. Это домовая книга. У меня нет внуков. И если я перестану ходить, то произойдёт ужас.

Тимофеев. Государство рухнет?

Бунша. Рухнет, если за квартиру не будут платить. У нас в доме думают, что можно не платить, а на самом деле нельзя. Вообще наш дом удивительный» (429).

Бунша настолько увлечён, что его даже не волнует то, что у него нет внуков. Его интересует абсолютно всё касательно дел жителей дома, и совсем не волнует, что дела эти его не касаются. Он вообще не занимается своими делами, он живёт чужими жизнями.

Однако в третьем действии мы наблюдаем изменения в поведении управдома Ивана Васильевича, которые Булгаков отразил в таких ремарках, как «Бунша пьёт...», «Бунша снимает повязку...», «Появляется Царица, и Бунша надевает пенсне...», «Целует руку царицы...», «Танцует с Царицей...», «Бунша напевает современный танец...» (458–459). В них мы видим причину изменения поведения Бунши: он «пьёт», что меняет его, он становится менее зависимым от раннее определявших его поведение принципов. Этим Булгаков указывает на неустойчивость принципов советского человека, и на неестественность его натуры, скованность. Выпив кардамонной водки, Бунша обретает «живые» человеческие черты: никогда не видя в своей жене женщины, здесь, «в прошлом», слегка опьянев, он видит в царице женщину, и относится к ней по-другому.

Другой персонаж пьесы противоположен не только Николаю Ивановичу Тимофееву, но и Бунше. Милославский живёт тем, что награбил, а значит, его в отличие от главного героя пьесы интересуют исключительно земные ценности. Это Булгаков отображает в таких ремарках как «Взламывает письменный стол, берёт часы с цепочкой, кладёт в карман портсигар», «Взламывает буфет, достаёт водку, закуску, выпивает» (428). Ремарки также содержит портретную характеристику Милославского: «...дурно одетый, с артистическим бритым лицом человек в чёрных перчатках...» (427). Из этого следует, что внешность Милославского также противоположна внешности Тимофеева. А то, что он «в чёрных перчатках» раскрывает род его деятельности. Да и отраженная в ремарке особенность появление Милославского на сцене, демонстрирует не только род деятельности героя, но

его профессионализм и смекалку: «Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется Милославский... Прислушивается у двери Тимофеева... Вынимает отмычки... Открывает замок, входит в комнату Шпака, закрывает за собой дверь так, что замок остаётся на месте» (427]). Методы обогащения Милославского также раскрываются в ремарках действия: «Обнимает посла, и у того с груди пропадает драгоценный медальон... Обнимает Патриарха, причём у того с груди пропадает панагия» (455–456). В этих примечаниях автор подчёркивает ещё одну особенность характера Милославского — его оптимизм в любой ситуации, он продолжает воровать, так как уверен, что вернётся обратно и «в настоящем» всё украденное ему пригодится. В то время как Бунша находится в растерянности, он не хочет верить происходящему: «Бунша (в щёлку двери). Попрошу не оскорблять! Я не собака! Поймите, что вас не существует! Это опыт инженера Тимофеева!» (449).

Достаточно объемно ремарки раскрывают личность царя. Образ Иоанна Грозного Булгаков обозначил яркими чертами человека XVI века. Царь предстает перед нами человеком религиозным: «Иоанн вскакивает, крестится» (433), «в дверь стучат. Иоанн вздрагивает, крестит дверь, стук прекращается» (438), что резко противопоставляется советской действительности, где царил атеизм. Однако при всей своей религиозности царь совершает жестокие поступки: «Иоанн бьёт Якина жезлом», «Хватает Якина за бороду», «Иоанн выхватывает из-под кафтана нож, кричит Якину...». Но об этом Булгаков пишет как об одной из обязательных, присущих всем царям черт характера. Но несмотря на это Иоанн представляется нам человеком щедрым, так как мы видим, как он оказывает финансовую помощь Тимофееву («Вынимает из кармана золотую монету» (437) и Шпаку, но тот отказывается («Иоанн (вынув монету). Бери, холоп, и славь царя и великого князя Ивана Васильевича!..» (442), дарит Якину рясу («Иоанн (Якину). Жалую тебе рясу с царского плеча» (445).

Важную роль в пьесе играют ремарки места. Они являются единственным в пьесе средством изображения места происшествия действий и событий. Так, основную часть происходящего мы наблюдаем в комнате Тимофеева и ремарка содержит не только описание самой комнаты, но и то, что находится вне её: «Московская квартира. Комната Тимофеева, рядом — комната Шпака, запертая на замок. Кроме того, передняя, в которой радиорупор. В комнате Тимофеева беспорядок» (424). Также находит отражение в ремарках появление персонажей на сцене: «В передней появляется Зинаида Михайловна» (438), «Парадная дверь тихонько открывается, и в ней появляется Милославский» (427).

Примечательно то, что Булгаков при помощи ремарок изображает быстрое изменение интерьера во время работы машины Тимофеева: «Стенка

между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий Милославский с книжкой в руках» (431), «Внезапно возникает палата Иоанна Грозного» (433), «Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши ни Милославского. Остался только патефон, и свёрток, и очки. Появляется Тимофеев» (434). Такая быстрая смена места действия способствует и резкому изменению времени. А так как сюжет предполагает развития действия в двух временных пространствах, ремарки места являются единственным средством его отражения.

Особую роль играют ремарки остановки времени: «Пауза», которые раскрывают психологическое состояние персонажей — смятении, удивление:

«Зинаида. Ну, уж это безобразие! До такой степени не интересоваться женой! Блондин Молчановский, запомни это! А Якин — он очень талантлив! Пауза.

Ты спрашиваешь, где мы будем жить? В пять часов я уезжаю с ним в Гагры выбирать место для съёмки, а когда мы вернёмся, ему должны дать квартиру в новом доме, если, конечно, он не врёт...» (425–426);

«Дверь раскрывается, вбегают опричники, и с ними Дьяк.

Остолбеневают.

Милославский (Бунше). Так вы говорите... царь и великий князь? Написал.

Запятая... Где это наш секретарь запропастился? Пауза.

В чём дело, товарищи? Я вас спрашиваю, драгоценные, в чём дело?» (450).

Одну из самых больших тематических групп в пьесе «Иван Васильевич» составляют ремарки звуковые. С их помощью, как отмечают исследователи [2; 6; 7; 8; 9; 10] создаётся параллельное действие за сценой, которое своеобразно взаимодействует с фабулой. В первом действии комедии важное значение имеет ремарка, в которой указано, что по радио звучит утренняя лекция. Не имея прямого отношения к фабуле комедии, этот фон по-своему характеризует социально-психологическую атмосферу, в которой существует изобретатель Тимофеев. Сатирический колорит лекции подкрепляется и музыкальными номерами, звучащими по радио: «Внезапно в радиорупоре в передней возникает радостный голос, который говорит: "Слушайте продолжение "Псковитянки"! И вслед за тем в радиорупоре грянули колокола, и заиграла хриплая музыка» (461).

Помимо звуков радио в пьесе постоянно звучит аппарат Тимофеева: «Аппарат теперь чаще даёт певучие звуки... Тимофеев нажимает кнопку аппарата. Слышен приятный певучий звук» (428). К тому же звуки аппарата противопоставляются звучанию радио, что делает изобретение Тимофеева

благоприятнее, чем радио. Так по радио «заиграла хриплая музыка», «в радио гремит музыка», а от аппарата «слышен только дальний певучий звук» (428).

Звуковые ремарки в описании времени царя Иоанна играют роль фона и придают изображению места и действия объемности: «Зловещий шум и набат», «Грохот в дверь», «За сценой шум» (449), «Гусляры заиграли и запели» (459).

Во всех трёх действиях комедии «слышен» звон:

«Звон. Тьма. Потом свет. Стенка между комнатами исчезла, и в комнате Шпака сидит выпивающий Милославский с книжкой в руках» (431);

«Звон. Тьма. Освещается палата Иоанна. Бунша и Милославский влетают в палату» (449);

«Тимофеев жмёт кнопки у аппарата. Звон. Тьма. Внезапно возникает палата Иоанна Грозного» (433);

«Бунша жмёт кнопки, вытаскивает ключ. В то же мгновение — звон. Занавеска на окне вздувается, понесло бумаги, Буншу потащило в палату, он роняет очки» (434);

«Звон. Тьма. Свет. Стенка распадается, и рядом с палатой появляется комната Тимофеева» (460).

Эти ремарки играют роль звукового предупреждения о смене времени и места действия.

Смена света в пьесе играет также фоновую роль, свет то гаснет, то ярко загорается. Световые ремарки здесь акцентируют внимание зрителя (читателя) на предстоящих событиях:

«Освещение в лампах меняется. Затем свет гаснет. Комната Тимофеева погружается во тьму...» (442);

«Комната Шпака погружается во тьму, а в комнату Тимофеева набирается свет» (428);

«Тьма. Свет. Нет палаты. Стенка на месте. В комнате нет ни Бунши ни Милославского. Остался только патефон, и сверток, и очки. Появляется Тимофеев» (434).

Достаточно распространёнными В пьесе являются ремарки, указывающие на модуляцию голоса исполнителя роли: «шёпотом», «вслух», «тихо» и на адресата действия: «Бунше», «послу», «дьяку», «опричникам», которые выполняют уточняющую функцию в пьесе. С этой же целью в пьесе употреблены ремарки, указывающие на действие или стремление героев («бросается в ноги», «дьяк выбегает», «уходит», «входит», «закрывает окно», бумажке», «садится», «зевает», «пишет на «пудрится»), ремарки отображающие особенности психологического состояния («исступленно», «в смятении», «впадая в ужас»).

Особым эмоциональным воздействием обладает финальная ремарка: «В радиорупоре сильнее грянула музыка» (462). Это замечание Булгакова подчёркивает идею того, что жизнь не меняется и идёт дальше. А остановка исполнения желания в жизни Тимофеева — всего лишь сон.

Таким образом, пьесе «Иван Васильевич» Булгаков использует достаточно короткие, сжатые ремарки, однако наполненные глубоким содержательным смыслом. В них широко представлено место и время действия, особенности поведения и психологического состояния героев, что создаёт яркие характеры. Так ремарки остановки времени раскрывают психологическое состояние персонажей — смятение, удивление. Большую группу составляют ремарки, указывающие на модуляцию голоса героев и адресата реплики, что указывает на особенности характера персонажей и делает действие более объёмным. Особую роль в пьесе играют ремарки звуковые, указывающие на параллельное действие за сценой и являющиеся звуковым предупреждением о смене времени и места действия. Ремарки, указывающие на смену света в пьесе, выполняют фоновую роль и акцентируют внимание зрителя на предстоящих событиях.

Литература

- 1. Бердяева, О. С. Драматургия Булгакова 20 30-х годов как написанная проза // Русская литература. 2004. № 1. С. 54—56.
 - 2. Бобрыкин, В. Г. Михаил Булгаков. М.: Просвещение, 1991. 206 с.
- 3. Бояринцева, Г. С. Лингвистический анализ художественного текста: учеб. пособие. Саранск: Мордовский гос. ун-т, 1980. 82 с.
- 4. Булгаков, М. А. Иван Васильевич // Булгаков, М. А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1990. С. 423–462.
 - 5. Владимиров, С. Действие в драме. Л.: Искусство, 1972. 372 с.
- 6. Ершов, Л. Ф. История русской советской литературы. М.: Высшая школа, 1988. 394 с.
- 7. Сахаров, В. И. Михаил Булгаков в жизни и творчестве. М.: Русское слово PC, 2005. 152 с.
- 8. Смелянский, А. М. Михаил Булгаков в художественном театре / Вст. ст. О. Н. Ефремова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Искусство, 1989. 383 с.
- 9. Соколов, Б. В. Михаил Булгаков. Загадки творчества // Булгаковская энциклопедия. М.: Локид; Миф, 1996. 586 с.
 - 10. Чудакова, М. О. Жизнеописание Булгакова. М.: Книга, 1988. 669 с.

Приём материалов для публикации в № 2 (9) за 2019 год

журнала

«Гуманитарная парадигма»

проводится

до 1 июня 2019 года.

Приглашаем к сотрудничеству специалистов-гуманитариев — учёных, исследователей, докторантов и аспирантов, студентов и магистрантов, работников культурной и просветительской сфер, представителей творческой интеллигенции.

Наш журнал:

- научно-аналитический,
- практико-методологический,
 - литературно-творческий.